

Т.В. ШАЙХИТДИНОВ
С.К. ШАЙХИТДИНОВА



МЕДИАТЕКСТЫ ОБ ИСЛАМЕ

«НОВЫЙ ЖУРНАЛИЗМ»
VS СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

КАЗАНСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**Серия
«Ситуация человека»
в пространстве коммуникаций»**

**Т.В. ШАЙХИТДИНОВ
С.К. ШАЙХИТДИНОВА**

**МЕДИАТЕКСТЫ ОБ ИСЛАМЕ
«НОВЫЙ ЖУРНАЛИЗМ»
VS
СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ**

Книга 1



**КАЗАНЬ
2018**

УДК 070:297
ББК 76.0:86.38
Ш17

*Печатается по рекомендации Ученого совета
Института социально-философских наук и массовых коммуникаций
Казанского (Приволжского) федерального университета*

Научный редактор
доктор филологических наук, профессор,
зав. кафедрой татарской журналистики КФУ **В.З. Гарифуллин**

Рецензенты:
доктор филологических наук, профессор НИУ ВШЭ **И.М. Дзялошинский**;
кандидат социологических наук, доцент, проректор по социальной
и воспитательной работе КФУ **А.М. Межведилов**

Шайхитдинов Т.В., Шайхитдинова С.К.
**Ш17 Медиатексты об исламе: «новый журнализм» vs социальная
ответственность / Т.В. Шайхитдинов, С.К. Шайхитдинова. – Казань:
Изд-во Казан. ун-та, 2018. – Кн. 1. – 216 с. – Серия «Ситуация
человека» в пространстве коммуникаций».**

ISBN 978-5-00019-985-5 (Кн. 1)
ISBN 978-5-00019-984-8

УДК 070:297
ББК 76.0:86.38

ISBN 978-5-00019-985-5 (Кн. 1)
ISBN 978-5-00019-984-8

© Шайхитдинов Т.В., Шайхитдинова С.К., 2018
© Издательство Казанского университета, 2018

Авторский проект

«Ситуация человека»
в пространстве
коммуникаций

Книга I

Тимур Шайхитдинов, Светлана Шайхитдинова
Медiateксты об исламе:
«новый журнализм» vs социальная ответственность.

Медiateксты об исламе стали местом схождения разного рода смыслов. Подача темы в стиле «нового журнализма», субъективные и идеологические акценты в ней зачастую игнорируют чувства верующих в пользу массового потребления и политической конъюнктуры.

Возможно ли примирить религию и медиа, какой из журналистских подходов ближе всего к решению этой задачи, нужны ли особые правила в подаче темы религии, - свои версии ответа на эти вопросы предлагают авторы представленного исследования. Адресовано преподавателям и студентам гуманитарных факультетов, журналистам-практикам, всем интересующимся.

Timur Shaykhitdinov, Svetlana Shaykhitdinova,
Media Texts on Islam:
“New Journalism” vs Social Responsibility.

Media texts on Islam have become the meeting points for a number of different ideas and discourses. When this theme is covered in a free-wheeling style of “new journalism,” this coverage often becomes ideologically subjective, with some of its accents ignoring the sensitivities of Moslem believers. Believers often complain of having their feelings hurt because of a “consumerist” attitude to news and their production, as well as because of political agendas of some of the media outlets.

This situation sets the media face to face with a challenge: Is it at all possible to reconcile media and religion? And if yes, then which journalist approach provides the easiest way to reconciliation? Should coverage of religious issues be subject to special rules? The authors of the research offer their variants of responses to this challenge. The research is addressed to teachers and students of humanitarian faculties, practicing journalists, all the interested public.

СОДЕРЖАНИЕ

Дзялошинский И.М. К поиску способов примирения и диалога.....	7
Введение.....	13
Глава 1. Типология текстов об исламе: от трансценденции – к медиации.....	25
§ 1. Тексты трансцендентного общения в исламе.....	28
§ 2. Эволюция коммуникативной матрицы: от журналистского произведения – к медиатексту.....	48
§3. Медиатексты об исламе как воплощение коммуникативных стратегий в журналистском дискурсе.....	63
Глава 2. Медиатексты об исламе в контексте нормативных теорий прессы: функциональные особенности.....	88
§ 1. Конвергенция информационной и идеологической функций медиатекстов об исламе	91
§ 2. Язык вражды как дисфункция медиатекстов об исламе.....	112
§ 3. Функции просвещения и этно-конфессионального диалога медиатекстов об исламе.....	129

Глава 3. Российская медиасфера: между традицией и «новым журнализмом»	146
§ 1. Образ ислама в татароязычных СМИ Республики Татарстан.....	148
§ 2. «Дорога к Храму» в стиле «нового журнализма».....	168
§ 3. «Звон колоколов и призыв к намазу»: этика освещения темы религии.....	180
Заключение	193
Библиографический список литературы и источников	203

К поиску способов примирения и диалога

Актуальность представленного исследования несомненна. Она обусловлена во-первых, трансформацией современного медиапространства, в структуре которого все большую роль играют новые медиа в лице Интернет и мобильные средства связи. Во-вторых, медиапространство всё в больше степени становится ареной борьбы различных элит и социальных групп за доминирование в сфере распределения материальных и духовных ресурсов. И, разумеется, в идеологическое противостояние вовлекаются религиозные воззрения. В-третьих, нарастающее противоборство между ценностями архаического (традиционного), модернистского и постмодернистского миропониманий настоятельно требует поиска способов примирения и диалога.

Обратившись к анализу этой проблематики, авторы изучили широкий круг работ, что обеспечило прочный методологический фундамент представленным в монографии теоретическим моделям. Это комплекс работ по теории журналистики, включая множество публикаций о типологических моделях различных «журналистик». Это работы по теории медиадискурса и текстопорождения. Это труды религиоведов об исламе, а также методологические разработки классиков культурологии и семиологии, которые обеспечили междисциплинарный характер работы. Вводятся в научный оборот не только большой эмпирический материал, но и ряд очень важных, хорошо аргументированных тезисов. Обозначу лишь некоторые из них, которые имеют отношение к развитию современной теории медиакommunikаций.

1. В книге обоснована идея об эволюции нормативных теорий прессы от «классического» идеала рациональности к

«неклассическому», об их конвергенции в коммуникативные матрицы. Это означает, что типологические характеристики конкретно взятых медиатекстов определяются не только характеристиками какой-либо из шести нормативных теорий – авторитарной, советской, либертарианской, социального участия, национального развития, социальной ответственности, но и их сочетаниями. Все эти нормативные теории в той или иной мере представлены в российском информационном пространстве и могут быть реконструированы через медиатексты, формируемые в различных форматах на различных каналах коммуникации. Каналы и форматы детализируют типологию медиатекстов об исламе.

2. Авторы приходят к выводу, что медиатексты об исламе в российских СМИ по содержанию и способам подачи структурируются в основном такой нормативной теорией прессы, как теория социального участия, когда происходит отдаление от традиции, профанизация сакральных смыслов религии. Интертекстуальность, полимодальность таких медиатекстов является основанием конвергенции информационной и идеологической функций. Их типологические особенности начинают определяться по типу средства коммуникации, по типу идеологии.

3. Обратившись к анализу текстов, посвященных специфической ветви религиозного сознания, которую называют псевдоисламом, авторы обнаруживают риски коммуникативных гибридов эволюционизировавших теорий прессы, поощряющих отрыв темы религии от этно-культурной идентичности. Подмена аутентичного ислама человеконенавистнической идеологией псевдоислама и является, по мнению авторов одной из главных причин распространения языка вражды и негативных стереотипов по теме ислама в СМИ и в сетях Интернет.

4. Нельзя не согласиться с позицией авторов, когда они утверждают, что социальная ответственность журналиста, который пишет на тему религии, должна обеспечиваться глубокими знаниями истории и символики не только ислама, но и других конфессий. Особую роль играет личность автора, его духовно-нравственная зрелость, способность преодолеть негативные стереотипы в восприятии ислама в профессиональном сознании журналистов, способность сопереживать «Другому». Наряду с теорией национального развития теория социальной ответственности прессы способствует формированию медиатекстов с функциями просвещения и этно-конфессионального диалога.

Практическая значимость представленного труда определяется возможностью использования предложенных подходов, методов анализа для формирования информационной политики в сфере освещения религиозной проблематики в целом и темы ислама, как ее значимой части. Материал, собранный авторами, может быть использован в преподавании общих и специальных дисциплин в вузовской подготовке журналистов и медиаспециалистов другого профиля.

Подчеркивая фундаментальность и высокое качество представленной книги, считаю возможным указать на некоторые положения, которые считаю дискуссионными.

Первое. В монографии утверждается, что тема религии не может быть приравнена к другим темам в СМИ в силу ее соотнесенности с духовной жизнью человека и общества, что корректная представленность темы религии в источниках светской направленности требует ее соотнесения с теологической традицией. Нам кажется, что этот тезис не очень внятно аргументирован. Аналогичным образом можно констатировать, что темы генетических экспериментов, роботизации или генной революции

не могут быть приравнены к другим темам в СМИ в силу их исключительной важности для духовной жизни человека и общества.

Второе. Оценивая деятельность журнала «Шарли Эбдо», авторы констатируют, что для этого издания характерны: 1) игнорирование редакцией интересов аудитории, расистский характер выступлений; 2) игнорирование позиции президента страны, полное отсутствие авторитетности легитимной власти; 3) антирелигиозный характер выступлений, не связанный с общественно-значимой проблематикой; 4) декларация руководством редакции леворадикальных позиций. То есть характер деятельности «Шарли Эбдо» можно определить как выражение таких теорий прессы, как «либертарианская», доведенная до информационного анархизма, и «советская» в ее леворадикалистском, доведенном до информационного экстремизма выражении. Таким образом, по мнению авторов, формируется жесткая оппозиция культурам, сформированным в странах, где доминируют концепции, приближенные к авторитарной традиции и поддерживающие национальное развитие. Не очень понятно, в чем все-таки авторы монографии обвиняют редакцию, которая и не скрывает своего отрицательного отношения к любым конфессиям (и, разумеется, имеет на это право, которое восходит к Вольтеру); принципиально стоит на леворадикальных позициях, сторонники которых – и это вполне естественно – насмешливо относятся к любым президентам и любой государственной власти. А вот насчет того, что для «Шарли Эбдо» характерны игнорирование редакцией интересов аудитории, авторы, как нам кажется, перегнули палку. Пятимиллионный тираж как-то не очень корреспондирует с этим утверждением.

Третье. Авторы опираются на тезис о том, что «концепт медиатекста является порождением “неклассического” способа коммуникации. Если классическое журналистское произведение, будучи репрезентативным, не утрачивает при этом своей стилевой, смысловой автономности, то медиатекст открыт медиапроцессу, является его маргинальной частью и практически полностью от него зависит. Поэтому типоформирующими факторами медиатекстов выступают для нас нормативные теории прессы, которые могут быть реконструированы через содержание СМИ. Таким образом, медиатекст проявляет себя как фрагмент медиадискурса и полностью определяется им. В этом смысле медиатекст не автономен, хотя может быть представлен в формате журналистского произведения. В этом случае закономерности его построения необходимо определять не через жанровую и тематическую принадлежность, а через особенности выражаемой риторической модальности, которая как “кащеева смерть” находится не в теле произведения, а в медиадискурсе в целом».

Однако эти и другие – достойные всяческих похвал - методологические констатации не очень отчетливо проявились в представленных авторами описаниях медиатекстов. Это именно описания и интуиции. Авторы предусмотрительно заявляют, что в ходе работы они стремились избежать «социологизации» взгляда, ориентированного на количественные показатели и сравнительный анализ; не входило в их задачи и выявление «лучших» произведений, «эффективных» СМИ по данной теме. В фокусе их исследования находится «не полнота представления тематического направления как такового, а имеющиеся типичные “образцы” раскрытия темы». Такой подход позволил им включить в изучение самые разные медиатексты – от телевизионных видеосюжетов до комментариев Интернет-пользователей. Но это, по их словам, не

«образцы» в буквальном смысле слова, а именно «кейсы», «выступающие как определенный феномен, который изучается в их реально существующем контексте, когда границы между контекстом и феноменом не отчетливы». Думается, все же, выводы монографии звучали бы намного убедительнее, если бы в ней использовались современные технологии качественного и количественного анализа медиатекстов.

Словом, представленный труд дает пищу для дискуссий, и это обстоятельство мы относим к его положительным характеристикам. В этом же ряду стройная логика изложения материала, четкая композиция, прозрачные формулировки выводов, высокий уровень научного дискурса и стиля.

Иосиф Дзялошинский

доктор филологических наук,

профессор факультета коммуникаций, медиа и дизайна

Национального исследовательского университета

«Высшая школа экономики», г.Москва.

.

Введение

Одной из очевидных примет современного времени является все большее проникновение коммуникативных технологий в повседневность. Об этом заговорили еще в XX веке в связи с развитием информационного общества, когда информация стала рассматриваться не только как экономический ресурс, но и как ресурс социальный. Однако сегодня вопрос о роли средств связи в нашей жизни приобрел особо актуальное звучание в связи с тем, что творимые этими средствами медиатексты активно включились в миромоделирующие процессы. Гуманитарии отмечают, что современная культура утратила статус литературоцентричности и демонстрирует все признаки медиацентричности. Картина мира предстает сегодня как медиакартина мира¹. Актуальная проблема современности, по нашему убеждению, связана с вопросом о том, какое место в этой медиакартине занимает человек.

«Ситуация человека» - этот термин введен нами в качестве понятийного отражения проблемы сохранения уникальности человеческой жизни в условиях ускорения технологического прогресса². «Ситуация» - суть не «вот это отношение Я-Ты», хотя и представляет собой «некий фрагмент, выделенный в жизненном мире применительно к той или иной теме». В ее основе «лежат некие фундаментальные установки, которые репрезентируют

¹ Анненкова И.В. Медиадискурс XX века: Лингвофилософский аспект языка СМИ. М., 2001. С.6.

² Шайхитдинова С.К. Информационное общество и «ситуация человека»: Эволюция феномена отчуждения. – Казань, 2004. См. также: Медиаконвергенция и «ситуация человека»: новые вызовы, старые вопросы. – Казань, 2012.

соответствующие “мировые перспективы”¹. «Ситуация» представляет собой конкретно-историческое бытование проблемы человека в определенных социальных и культурных условиях. В нашем случае – в условиях информационного общества. «Ситуация», как нами отмечалось в ранних работах, не терпит формально-аналитического расчленения, линейного распределения ее «компонентов». Между тем, «расчленение» и «распределение» осуществляется не только в фундаментальных и прикладных науках, но и в самой жизни, в порождаемом ее укладом образе мыслей и действий.

Сегодня в создании медиакартины мира наряду со СМИ и журналистами активно участвуют новые медиа в лице Интернет и мобильных средств связи. Происходит мультимедийная интеграция ресурсов, площадок, сетей, текстов, навыков по их обработке. Личность пытается прорваться сквозь информационную матрицу, меняя стиль самовыражения. Полвека назад на другом континенте возникло направление в журналистике, которое было названо «новым журнализмом». Его особенностью стало привлечение приемов и техник художественной литературы, авторское отстранение от «сдержанного» изложения, интерес к «закулисам» события, предпочтение неформальному стилю письма, сниженной лексике². Отголоски нового журнализма дают о себе знать и сегодня. Но если в то время в США общественность внимала апологетам этого стилевого течения как представителям контркультуры, то теперь другие времена. Идеалы прошлого вытеснены идеологией общества потребления. Новоявленные «новожурналистские» тексты замешаны на игре, на стебе. И это тоже «ситуация человека».

¹ См.: Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. – СПб., 2000. - С.201, 211.

² См. работы О.О.Несмеловой, Ж.Г.Коноваловой, О.Р. Файзуллиной.

Ее изучению в меняющихся медиаусловиях и посвящен задуманный нами авторский проект. В его рамках предполагается собрать и издать наши исследования по заданной теме. В их ряд предполагается включить монографические работы по медиакультуре, медиаэтике и медиатекстам. Концептуальная основа публикаций сформирована на приоритетности личностной социальной ответственности над формами технократического равнодушия и эгоистического своеволия в публичной сфере, на приоритетности «ситуации человека».

Книга первая проекта посвящена рассмотрению коммуникативных стратегий представления ислама в медиакартине мира. Сегодня религиозные воззрения вовлечены в опасное идеологическое противостояние. Это могут быть и воззрения конкретного человека, и воззрения целых народов. Местом схождения разного рода смыслов становится медиатекст.

Наряду с общими закономерностями текстопорождения можно отметить в разных тематических сегментах информационного пространства и свои особенности формирования медиатекстов. При этом приходится наблюдать некоторое противоречие между существующими подходами и специфичностью предмета такого изучения. Дело в том, что само понятие медиатекста, появившееся впервые в 90-е годы XX века в англоязычной научной литературе¹, обнаруживает его приверженность к современной западной культуре, которая естественным образом открыта процессам глобализации. В то время как содержательная часть темы религии определяется ее связью с сакральными смыслами. Бережное отношение к ним в публичной сфере характерно в большей степени для традиционных обществ. Очевидно, что в мусульманских

¹ Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь. М., 2014. С.11; Современный медиатекст / Отв. ред. Н.А.Кузьмина. М., 2014. С.11.

странах ценности повседневного образа жизни вступают в конфликт с идеологией сетей Интернет. Закономерно, что в конце XX столетия назрел вопрос о путях «модернизации ислама», с одной стороны, и о необходимости с пониманием относиться к религиозному опыту верующих - с другой¹. В российской медиасфере противоречие между приверженностью мусульманских этносов теологической традиции и между секулярным способом подачи темы религии в современных медиатекстах тоже дает о себе знать. На этой почве возникают информационные споры².

Эти обстоятельства определяют актуальность изучения типологических и функциональных особенностей медиатекстов об исламе. Кроме того, выявление способов подачи темы религии призвано помочь противостоять манипулятивным воздействиям. Это важно прежде всего по отношению к исламу, новейшая история которого оказалась омрачена деятельностью экстремистских исламистских организаций. Их активность в Интернете насаждает ложные стереотипы о многовековой конфессии, вытесняя на периферию ее созидательный потенциал.

Вопрос о том, как в условиях интенсивного внедрения медиа в культуру функционально изменяются традиционные типы текстов об исламе, что при этом помогает сохранить и приумножить их гуманистическое содержание, определяет проблемное поле данного исследования.

Степень научной разработанности проблемы. В теории журналистики рассмотрение особенностей освещения темы религии включено в исследования информационной повестки дня

¹ Islam and Modernity / Edited by John Cooper, Ronald L. Nettler and Mohamed Mahmoud London, New York, 1998.

² См., Шайхитдинова С.К. Религиозные чувства в медиасфере // Информационное поле современной России: практики и эффекты. Сб. статей XII Междунар. науч.-практ. конф. Казань, 2015. С. 364-369.

СМИ. Авторы при этом не заостряют внимания на специфичности данного тематического сегмента в сравнении, скажем, с темой спорта, экономики и т.д.¹. Актуальность теме придала проблематизация представленности человека в информационном пространстве, которое в постсоветский период стало трансформироваться в рыночный механизм извлечения прибыли. Среди тем, которые могли бы поддержать ориентированную на человека социальную журналистику, Т.И. Фролова рассматривает тему религии². В этом же ряду назовем исследования в русле аксиологии журналистики³.

Вторым направлением, на котором разрабатывается проблематика, затрагиваемая темой нашего исследования, является изучение функциональной специфики современных медиатекстов, опыт их типологизации. К данной группе трудов отнесем монографии отечественных теоретиков журналистики М.И. Стюфляевой⁴, В.В. Ученовой⁵, С.И.Сметаниной⁶, И.В. Анненковой⁷, Э.В. Чепкиной⁸, представляющих разные поколения, разные школы, но в совокупности выявляющих существенные

¹ Кашинская Л., Лукина М., Реснянская Л. Религия в информационном поле российских СМИ. М., 2003. Кашинская Л.В. Духовно-религиозная проблематика / Проблематика СМИ: Информационная повестка дня. М., 2008. С.178-191.

² Фролова Т.И. Гуманитарная повестка российских СМИ. Журналистика, человек, общество. М., 2014.

³ Лазутина Г.В. Журналистика в жизни общества – пером теоретика и практика. М., 2016; Медиа накануне постсекулярного мира: Коллективная монография / Под ред. В.А.Сидорова. СПб., 2014.

⁴ Стюфляева М.И. Образные ресурсы публицистики. М., 1982.

⁵ Ученова В.В. У истоков публицистики: Монография. М., 1989. Ее же (в соавторстве с С.А.Шомовой): Полифония текстов в культуре: Монография. М., 2003.

⁶ Сметанина С.И. Медиа-текст в системе культуры: Динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века. СПб., 2002.

⁷ Анненкова И.В. Медиадискурс XX века: Лингвофилософский аспект языка СМИ. М., 2011.

⁸ Чепкина Э.В. Русский журналистский дискурс: текстопорождающие практики и коды (1995-2000): Монография. Екатеринбург, 2000.

характеристики и тенденции развития российского медиадискурса. Их наработки нашли развитие в учебно-образовательной литературе¹, большом объеме текстологических исследований, раскрывающих жанрово-стилистическое, функциональное многообразие современных текстов СМИ².

В связи с тем, что функциональные особенности медиатекстов об исламе нами связываются с бытующими представлениями о роли и месте журналистики в обществе, *третье* направление, которое можно связать с поднимаемой нами проблемой, представлено публикациями по нормативным концепциям журналистики и СМИ. В перестроечные годы эти концепции в виде «теорий прессы» из переводной литературы³ добавили пищу для дискуссионных площадок о судьбах российской журналистики, - быть ли ей «четвертой властью», «зеркалом» или «служанкой»⁴. Для темы нашего исследования важно, что в теориях прессы учитывается то обстоятельство, что коммуникация с помощью медиа - это не только передача сообщения от источника адресату. Это еще и взаимодействие неких ожиданий, интересов, позиций, обусловленных общественными традициями, особенностями менталитета, доминирующими субъектами в медиасфере⁵. В исторически сложившихся моделях коммуникации («теориях прессы») акцент делается на одном из факторов, который принимается в качестве доминирующего. И все эти теории, как указывают специалисты, сегодня можно реконструировать по

¹ Современный медиатекст / Отв. Ред. Н.А.Кузьмина. М., 2014.

² См. труды Бережной М.А., Кима М.Н. Кройчика Л.Е., Тертычного А.А.

³ Сиберт Ф.С., Шрамм У., Питерсон Т. Четыре теории прессы / Пер. с англ. М., 1998; МакКуэйл Д. Журналистика и общество. Пер. с англ. М., 2013.

⁴ Власть, зеркало или служанка? Энциклопедия жизни современной российской журналистики. В 2-х Т. М., 1998.

⁵ Дзялошинский И.М. Журналистика соучастия. Как сделать СМИ полезными людям. М., 2006; Казаков Ю.В. На пути к профессионально правильному: Российский медиа-этнос как территория поиска. М., 2001.

российским медиатекстам и нормативным ожиданиям по их поводу¹.

Ход размышлений ведущих отечественных специалистов на этом направлении отражает заданные тенденции². Если десять лет назад о рисках для миссии журналиста говорилось в контексте реалий информационного общества и новой медиаэкономики³, то сегодня наряду с этим поставлен вопрос о том, как базовые принципы журнализма сочетаются с национальными культурными кодами. Делая обзор работ зарубежных коллег по этой теме, профессор М.В. Загидуллина справедливо указывает на необходимость ее изучения и по отношению к российской культурной ситуации⁴.

В условиях, когда СМИ как бизнес-предприятия, формирующие массовую культуру потребления, далеки от того, что принято называть журналистской деятельностью, нормативные теории прессы очерчивают границы журналистского дискурса. Это важно еще и потому, что выявление типологических характеристик и функциональных особенностей медиатекстов об исламе не возможно без обращения к «пограничным зонам» текстопорождения, которые могут быть принципиально отдалены от журналистики как таковой. С одной стороны, нельзя обойти вниманием тексты трансцендентного общения, к которым обращаются верующие. С другой стороны, Интернет заполнен

¹ Шайхитдинова С.К. Нормативные концепции СМИ в ситуации конфликта // Кому принадлежит культура? Общественные науки и перспективы исследований социокультурных перемен. Ч.1 / Под ред. С.А. Ерофеева. – Казань, 1999. С.227-241

² См. работы Вартаковой Е.Л., Засурского Я.Н., Дзялошинского И.М., Корконосенко С.Г., Лозовского Б.Н., Свитич, Л.Г.

³ Профессия – журналист: вызовы XXI века. М-лы междунар. науч. конф. М., 2007.

⁴ Загидуллина М.В. Базовые принципы журнализма VS национальные культурные коды // Журналистика цифровой эпохи: как меняется профессия: М-лы междунар.науч.-практич. конф.- Екатеринбург, 2016. С. 96-98.

текстами обыденного общения о религии. Требуют оценки и псевдорелигиозные информационные продукты. Работы, изучающие эти вопросы, представляет собой *четвертое* направление в русле заданной темы.

Мы исходим из того, что медиатексты становятся частью массового медиапроцесса, воплощая определенные коммуникативные стратегии, которые подробно описаны в специальной литературе¹. Именно акцент на коммуникативных стратегиях и интертекстуальность превращает текст в медиатекст. Это также означает, что медиатексту не может быть дано строгое определение: он относителен. Мы имеем дело не с понятием, а с концептом, которым задаются определенные дискурсивные рамки. Выявление коммуникативных стратегий в соотнесении с теориями прессы («моделями» контекстного медиапроцесса) поможет уточнить функциональное многообразие медиатекстов об исламе.

Междисциплинарный характер исследования обеспечивается трудами религиоведов об исламе², рядом защищенных в последние годы диссертаций, а также методологическими разработками классиков культурологии и семиологии³.

Научная новизна представленного труда заключается в применении комплексного метода анализа медиатекстов об исламе,

¹ Дзялошинский И.М. Коммуникативное воздействие: мишени, стратегии, технологии. М., 2012. Его же: Медиапространство России: коммуникационные стратегии социальных институтов. Монография. М., 2013; Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М., 2006; Расторгуев С.П. Философия информационной войны. М., 2003.

² Бухараев Р.Р. История российского мусульманства: беседы о Северном исламе. СПб., 2015. Его же. Ностальгия по Откровению. М., 2005; Ислам: Религия, общество, государство: Сб. ст. Отв. Ред. П.А. Грязневич и С.М.Прозоров. М., 1984; Насыров И.Р. Основания исламского мистицизма (генезис и эволюция). М., 2003; Религии мира: опыт запредельного. Психотехника и трансперсональные состояния. СПб., 1998; Хисматуллин А.А. Суфизм. СПб., 2008.

³ См. труды Р. Барта, Ю. Лотмана.

который позволил объединить в общую картину специфичность данной темы, ее историческую эволюцию, различные функциональные направления, а также современные риски ухода от темы в манипулятивные тексты с экстремистским содержанием. Учтена типологическая специфичность медиатекстов о религии, которые, с одной стороны, ведут традицию от текстов трансцендентного общения, с другой, - включены в социальную коммуникацию наряду с другими темами. Показаны текстовые способы выражения этой специфичности в журналистском дискурсе. Впервые в современный российский журналистский дискурс об исламе в источниковедческую базу наряду с русскоязычными введены татароязычные СМИ.

Теоретико-методологическая база исследования представлена трудами по теории медиатекста и теории журналистики; междисциплинарность подхода обеспечивается исследованиями по религиоведению, культурологии. В эмпирическом исследовании используется методика дискурс-анализа, сферный подход, нормативные теории прессы, метод Case study («Кейс-стади»).

В ходе работы мы стремились избежать «социологизации» взгляда, ориентированного на количественные показатели и сравнительный анализ; не входило в задачи и выявление «лучших» произведений, «эффективных» СМИ по данной теме. В фокусе исследования находится не полнота представления тематического направления как такового, а имеющиеся типичные «образцы» раскрытия темы. Такой подход позволил включить в изучение самые разные медиатексты – от телевизионных видеосюжетов до комментариев Интернет-пользователей. Но это не «образцы» в буквальном смысле слова, а именно «кейсы», выступающие как определенный феномен, который изучается в их реально существующем контексте, когда границы между контекстом и

феноменом не отчетливы¹. Таковыми выступили русскоязычные и татароязычные медиатексты из СМИ Республики Татарстан. Особенности «кейса» в данном случае определяются тем, что в республике наряду с аудиторией, которая характерна и для других регионов России, представлена и аудитория мусульман. Исследования мусульманской журналистики в регионе, информационного поведения ее аудитории, а также аудитории региональных СМИ в целом, определили ряд источников², дополнивших характеристики данного «кейса».

Анализ медиатекстов производился методом дискурс-анализа в соотнесении с нормативными теориями прессы: авторитарной, советской, либертарианской теорий, теориями социального участия, национального развития, социальной ответственности³, которые в той или иной мере нормативно моделируют медиапроцесс в российских регионах⁴. Представленные теории обнаруживают себя в медиатекстах через концепцию материала, особенности субъекта высказывания, через реконструируемую по текстовым элементам адресную аудиторию, через характер основных и второстепенных персонажей. Их системная соотнесенность определяется ценностной иерархией, которая лежит в основе своеобразия каждой из теорий прессы, в рамках которой

¹ Готлиб А. Введение в социологическое исследование: качественный и количественный подходы. Методология. Исследовательские практики. Самара, 2002. С. 239.

² Постсоветская культурная трансформация: Медиа и этничность в Татарстане 1990-х г.г. / Под ред. С.А.Ерофеева и Л.Р.Низамовой. Казань, 2001. См. также многочисленные статьи Гарифуллина В.З. о месте и роли мусульманских СМИ на информационном поле Татарстана.

³ Сиберт Ф.С., Шрамм У., Питерсон Т. Четыре теории прессы; МакКуэйл Д. Журналистика и общество.

⁴ Кому принадлежит культура? Общественные науки и перспективы исследований социокультурных перемен Ч.1 / Под ред. С.А. Ерофеева. Казань, 1999.

выполнен текст, а также в ценностно-духовной сфере, к которой относится тема религии.

Таким образом, в рамках журналистского дискурса разработаны и апробированы основания интерпретации медиатекстов на тему религии, объединяющие уровень конкретных публикаций, уровень медиапотока, уровень социоисторических реалий и уровень смыслов трансцендентного общения в культуре.

Практическая значимость труда определяется возможностью использования подходов, методов анализа, разработанных в исследовании, в формировании информационной политики в сфере освещения религиозной проблематики в целом и темы ислама, как ее значимой части.

Эмпирической базой исследования послужили: материалы СМИ об исламе базы данных «Интегрум» за 2012-2013 годы; публикации Интернет-газеты «Бизнес-Онлайн» об исламе под рубрикой «Общество» за 2015-2016 годы; публикации татароязычной газеты «Шәһри Казан» на тематической странице «Иманлы суз» («Слово веры») за 2010-2016 годы, публикации онлайн-версии газеты «Шәһри Казан» под рубрикой «Дин» («Религия») за 2016 год; татароязычные видеосюжеты ГТРК «Татарстан» под рубрикой «Руһи хазинә» («Духовное богатство») за 2016 год; блоги мусульманских религиозных деятелей в рунете, комментарии пользователей к публикациям об исламе; полемические эссе на тему ислама корреспондента Би-Би-Си публициста Рауиля Бухараева («Исламские уроки Достоевского», «Татарстан: исламские традиции демократии» из его книги «Ностальгия по Откровению», 2005).

Монография состоит из трех глав, девяти параграфов. Шесть из них представляют собой диссертационное исследование Тимура Шайхитдинова. Кандидатская диссертация по заявленной теме

защищена по специальности 10.01.10 - Журналистика в 2016 году. Параграф «Образ ислама в татароязычных СМИ Республики Татарстан» написан авторами совместно. Параграф «“Дорога к Храму” в стиле “нового журнализма”» написан Светланой Шайхитдиновой по итогам информационного спора, в котором она выступила экспертом Общественной коллегии по жалобам на прессу (Москва). В параграфе «“Звон колоколов и призыв к намазу”: этика освещения темы религии» приведены подготовленное ею некогда экспертное мнение по публикации в «Независимой газете», Решение Казанской коллегии по жалобам на прессу по публикации в сети «ВКонтакте», а также рекомендации, которые сформулированы авторами и обсуждены на семинаре для журналистов «Саморегулирование как самозащита профессии» в Казани 31 октября 2016 года.

Глава 1

Типология текстов об исламе: от трансценденции – к медиации

В данной главе решаются задачи, связанные с определением рабочих понятий и концептов, разрабатывается методология исследования, на основе которой выявляются типформирующие факторы по отношению к медиатекстам об исламе. Общие исходные положения к данному разделу обрисовывают проблемное поле, которое определяется тем, что необходимо объединить в целое «горизонталь» массовой коммуникации и «вертикаль» трансцендентного общения.

Мы исходим из того, что речевая организация текста определяется во многом коммуникативными условиями, или конкретными речевыми ситуациями, которые поддаются типологизации. Поэтому, согласно специалистам по теории текста, соответствующие этим ситуациям тексты тоже должны обладать типологическими признаками¹.

Речевые ситуации, которые наделяют определенными типологическими признаками медиатексты, ряд теоретиков журналистики связывают с особенностями канала коммуникации и сферой коммуникативной деятельности. Соответственно медиатекст ими рассматривается как объединяющее, родовое понятие по отношению к журналистскому тексту, PR-тексту, публицистическому тексту, газетному тексту, теле- радиотексту, рекламному тексту, тексту Интернет-СМИ². Среди параметров,

¹ Ястребов А.Л., Кургузов А.В., Мурзак И.И. Измерения культуры. Текст: теория, история, опыт чтения. М., 2015. С.43.

² Современный медиатекст. С.6-7.

которые необходимо учитывать при типологизации медиатекстов в таких сферах медиапрактики, как журналистика, PR и реклама, авторы обозначенной публикации называют способ производства текста, форму (фактуру) производства текста, канал распространения, функционально-жанровый тип текста, тематическую доминанту. Отмечается, что по тематической доминанте медиатексты могут быть типологизированы соответственно устойчивым, регулярно освещаемым СМИ темам. В медиатопику входит политика, бизнес, спорт, культура, погода, новости международной и региональной жизни и т.п., то, что структурирует речевое общение именно в сфере массовой коммуникации¹.

Очевидно, что если данный подход, вполне плодотворный для других тематических направлений, использовать для типологизации медиатекстов по теме религии, будет упущена их специфичность. Тема религии растворится в других темах – политики, культуры, - а важнейший сегмент аудитории, представленный верующими, растворится в массовой аудитории. Таким образом, с нашей точки зрения, будут упущены важные моменты в понимании того, как работает «механизм» влияния на потребителя информации на таком важном тематическом направлении, как религия.

Поэтому мы исходим также из того, что необходимо учитывать специфику темы, которая во многом определяет типы медиатекстов, доносящих эту тему до аудитории. Медиатексты о религии, конкретно - об исламе, - не могут быть исчерпывающе описаны в параметрах массовой коммуникации. Их суть закладывается в ценностно-духовной сфере, которая формируется прежде всего текстами трансцендентного общения.

¹ Там же. С.17-20.

Их типология, по нашей гипотезе, не может не оказывать влияние на типологию медиатекстов об исламе.

Изложенные положения определили логику построения Первой главы.

Первый параграф посвящен систематизации по аналогии с письменными памятниками, принадлежащими христианской традиции, текстов трансцендентного общения в исламе в соотнесении с историческими условиями их порождения. На этом основании определяется их сопоставимость с современными медиатекстами на тему религии.

Во втором параграфе рассматривается концепт медиатекста в его историческом развитии. Чем больше медиатекст открыт контексту, тем больше шансов у темы религии отдалиться от ценностно-духовной сферы и приобрести другие модальности. Эволюция от «журналистского произведения» к «медиатексту» в российских СМИ рассматривается с привлечением обзора литературы по отечественной теории журналистики.

В третьем параграфе решается задача соотнесения современных медиатекстов об исламе с существующими коммуникативными стратегиями и нормативными теориями прессы. На этом основании выявляются функциональные особенности медиатекстов в СМИ. В отличие от авторов сборника «Современный медиатекст» в число каналов формирования медиатекстов нами включаются все медиа, в том числе и новые медиа, которые разбивают массовую аудиторию на группы («паблики»), добираются до адресата информации через индивидуальные средства связи.

Тема религии в своем политизированном облике ищет новые способы распространения и новые форматы медиатекстов. Для объединения их разнообразия в журналистском дискурсе

привлекаются нормативные теории прессы, каждая из которых воплощает сегодня свой набор коммуникативных стратегий. В этом же параграфе уточняются параметры дискурс-анализа медиатекстов об исламе.

§ 1. Тексты трансцендентного общения в исламе

Вопрос о типологии медиатекстов, формирующихся вокруг такой темы, как религия, нельзя рассматривать в отрыве от религиозной традиции и от того, какое место занимает эта традиция в культуре и в общественной истории. Эти традиции в основных конфессиях столетиями поддерживаются и развиваются сакральными смыслами священных писаний, теологическими трактатами, мистическими откровениями. Именно сакральные смыслы и создают особенные «коммуникативные условия» для подобного рода текстов. Письменные памятники культуры этого плана профессор Виктория Ученова называет текстами трансцендентного общения. Она изучала их конкретные воплощения в христианстве в контексте специфической коммуникативной ситуации. Под текстом вслед за И.Р. Гальпериным ею понимается сообщение, объективированное в виде письменного документа¹. По отношению к текстам трансцендентного общения используем то же определение.

Задача данного параграфа: на основе сопоставительного анализа типологических особенностей трансцендентных текстов выстроить их типологию в исламе в соотнесении с историческими и культурными условиями их порождения. В качестве источниковедческой базы служит исламоведческая литература.

¹ Гальперин И.Р. О понятии «текст» // Вопросы языкознания. 1974. №6. С.72; Ученова В.В., Шомова С.А. Полифония текстов в культуре. С.8.

Отправной точкой сопоставительного анализа является типология письменных текстов в христианстве, предложенная В.В.Ученовой.

Очевидно, что описав типологические особенности сакральных текстов, возникших в культуре ислама в ходе его истории, мы не сможем «автоматически» перенести эти особенности на *медиа*тексты об исламе. Ведь коммуникативные ситуации, порождающие эти типологические ряды, принципиально различны. В первом случае, когда речь идет о трансценденции, вектор общения, участниками которого являются верующие, направлен вверх; во втором, – когда речь идет о медиации, вектор направлен по горизонтали. И, что принципиально отличает коммуникативную ситуацию второго плана, вера при этом не является условием включения в коммуникацию. Последняя носит светский характер и поэтому вполне может стать принадлежностью журналистского дискурса. Однако нам важно обратиться к типологическим характеристикам трансцендентных текстов потому, что через них можно охарактеризовать ценностно-духовную сферу, формируемую религией, как сферу общественной культуры, из которой черпаются нормативные положения, сюжеты, обыгрываемые в дальнейшем в *медиа*текстах на тему религии.

На продуктивность использования сферного принципа при оценке адекватности повестки дня российских СМИ общественной проблематике указывает Т.И.Фролова¹. Данная исследовательница выделяет социальную сферу. Эта сфера активно структурируется прежде всего в работах П.Бурдьё². Есть работы по

¹ Фролова Т.И. Гуманитарная повестка российских СМИ. Журналистика, человек, общество. С.13-17.

² Бурдьё П. Социология социального пространства: пер.с фр /Отв. ред перевода Н.А. Шматко. СПб., 2013.

топографическому структурированию политической сферы¹. В сфере культуры пространственно-топографический подход дает о себе знать при рассмотрении культурного как проявления социального². Когда же речь идет о культуре как об «антропологической мере»³, ее отношение к пространству и времени раскрывается через понятие хронотопа, соотносимого с образами душевно-сердечного мира человека⁴. Такой подход указывает на особость проявления ценностно-духовной сферы в общественной жизни. Для данной сферы трудно подобрать пространственные ориентиры, она там, где ставятся «вечные вопросы» человеческой жизни. Ими, как нам видится, определяется и характер текстов трансцендентного общения.

Рассмотрению данного рода произведений, бытующих в христианской традиции, посвящен один из разделов монографии «Полифония текстов в культуре». Анализ направлений словесного творчества в христианстве позволил автору соответствующего раздела монографии В.В.Ученовой выделить особенности письменного изложения, которые определили в итоге типы религиозных «синтетических сочинений». Эти сочинения названы исследовательницей синтетическими потому, что, по ее наблюдениям, они в большей мере, чем тексты обыденного общения, отдалены от архаической синкретичности, то есть образной и фактологической сплавленности, нерасчлененности ряда мыслительных средств и конфигураций. Черты определенной систематизированности рассуждения о боге, определенной логичности в изложении религиозного, мистического опыта

¹ Каспэ С.И. Центры и иерархии: пространственные метафоры власти и западная политическая форма. М., 2007.

² Социальная и культурная дистанции. Опыт многонациональной России /Институт этнологии и антропологии РАН. М., 1998.

³ Каравкин В.И. Идеальная модель культуры. М., 2010. С.44-82.

⁴ Там же. С.98-125.

В.В.Ученова находит в 1) теологических трактатах, 2) текстах мистических откровений, 3) агиографических сочинениях¹.

Взглянем сквозь призму данной типологии на тексты трансцендентного общения в исламе. Но перед этим ответим на методологический вопрос о допустимости аналогий между трансцендентными сочинениями из различных религиозных традиций. За аргументом для утвердительного ответа обратимся к исследованиям Рауфия Бухараева, автора уникального труда «История российского мусульманства: беседы о Северном исламе». Замысел своих бесед он связывал с необходимостью на примере подлинного исторического материала показать, что во взаимной истории мусульман и христиан собственно религиозные разногласия играли несравненно меньшую роль, чем человеческие пристрастия и предубеждения. Более того, он утверждает, что «у мусульман с христианами гораздо больше общего, чем у христиан с мусульманами». Исследователь выводит этот парадокс из вселенского универсализма ислама, который «проистекает не из каких-то человеческих или культурных претензий, но как логический вывод из того фундаментального принципа, что ислам признает и поддерживает Божественное происхождение всех явленных религий, в том числе и в первую очередь иудаизма и христианства»².

Нами разделяется важный постулат Р.Р. Бухараева о том, что Божественные откровения никогда не воевали и не воюют между собой, что воюют только догмы, созданные людьми. Тексты трансцендентного общения рассматриваются нами как проводники Божественного откровения. Однако в зависимости от того, что их авторами выступают люди и создаются эти тексты в различных

¹ См.: Ученова В.В., Шомова С.А. Указанная работа. С.145-194.

² Бухараев Р.Р. История российского мусульманства: беседы о Северном исламе. С.6, 7.

социокультурных условиях, в них в той или иной степени возможно проникновение догм, которые начинали отягощать трансцендентные смыслы «черно-белыми» коннотациями. Последние возникали подчас, как стены, не только между разными религиями, но и между различными течениями внутри одной конфессии.

Обратимся теперь к исследованию В.В.Ученовой. Наша задача, как говорилось выше, – взглянуть на трансцендентные тексты об исламе сквозь призму ее типологии, выстроенной в соотношении с историей развития трансцендентного общения в христианской традиции.

Первый тип текстов, который был выделен на этом направлении – теологический трактат.

Своими корнями явление теологии, по наблюдениям В.В.Ученовой, уходит в глубокую древность, вплетается в умозрительные конструкции ранних древнегреческих философов. Отсылая к трудам религиозного философа и историка Л.П.Карсавина, она отмечает, что в первые века новой эры, когда на просторах Римской империи сосуществовали, сталкивались самые разнообразные религиозные воззрения – неоплатонизм, стоицизм, восточные культы, гностицизм, иудаизм – в теологическом богоискательском творчестве было ярко выражено движение к синкретичным текстам. В них умозрительные тезисы смешивались с описанием реальных или преображенных фантазией текущих событий¹.

В полемике с гностиками, согласно В.В.Ученовой, оттачивались взгляды отцов формирующейся христианской Церкви. К этому времени восходит одна из существенных проблем христианской теологии – место веры и знания в достижении

¹ См.: Ученова В.В., Шомова С.А. Указанная работа. С.148-149.

Божественной Истины. Подходы к ее решению определяют разделение теологических трактатов на две группы: ту, в которой за разумом признается возможность хотя бы частичного постижения трансцендентных сущностей, и ту, в которой Богопостижение преимущественно отдавалось откровению. Так формировались две ветви христианской теологии – рациональная и мистическая.

Место веры и знания в достижении Божественной Истины – этот вопрос встает и перед исламскими теологами. Приблизительно через полтора десятка лет после смерти Пророка при третьем праведном халифе Усмани (644-656) текст Корана, который до этого передавался из уст в уста, фиксируется посредством притязательного и пристрастного отбора источников и становится канонем де-юре. Появляются профессиональные чтецы Корана – мукри, кари, которые обучаются своему ремеслу исходя из традиции изустной передачи послания Пророка и имея письменный текст как вспомогательный. Формируется наука о рецитации Корана¹. Однако борьба за единство веры при этом не ослабевала, и также, как и в христианстве, слова о Боге в исламе, включая и первые теологические сочинения, несли в себе полемический настрой в споре с оппонентами.

Столкновение религиозных воззрений в исламе началось с установлением власти династии арабских халифов Омейядов (VII век) и продолжилось в период свергнувшей их династии Аббасидов. Хотя ислам и сплачивал людей на основе общности религии, этноконфессиональные противоречия в мусульманских странах при этом не исчезали. Расхождение течений в исламе, как указывают исследователи, происходило еще и под влиянием трансцендентных текстов, которых становилось все больше: это было время, когда теологи начали переводить на арабский язык

¹ Хисматуллин А.А. Суфизм. С.34.

сочинения иранских и древнегреческих ученых, анализируя и интерпретируя их с исламской точки зрения¹. Полемическому запалу в теологии того времени способствовало и то, что в эпоху великих завоеваний исламский Халифат простирался от границ Индии до границ Франции, и переход арабских христиан в ислам был нередко продиктован не только экономической выгодой, но и силой притяжения разрастающейся исламской культуры².

Так исторически сложилось, что в рациональное разрешение вопроса о соотношении веры и знания на пути к Богу значимый вклад внесли именно представители мистической традиции в исламе – теоретики суфизма. Обращаясь к истокам этой традиции, отечественный исследователь И.Р.Насыров цитирует суфийских мыслителей, которые еще на ранней стадии развития этого движения осознавали слабость позиции своих единомышленников в принятой ими установке, что путем лишь усердия в «отрешении от мирского» (зухд) можно приблизиться к абсолютному бытию. Свой скепсис эти мыслители аргументировали указанием на то, что если бы действие (доброе деяние, аскеза) без знания открывало бы путь к Богу, то христианские монахи из-за своего усердного старания больше бы преуспели в этом. Приводились слова Мухаммада о том, что «Размышление в течение часа лучше поклонения шести лет»³.

Здесь уместно сослаться на заключение Р.Р.Бухараева о том, чем коренным образом отличается развитие науки в христианстве и исламе на первых этапах. Он цитирует Б.Рассела, который указывает, что в христианстве наука восторжествовала главным

¹ Ислам: Иллюстрированная энциклопедия. Классическое издание. / Авт.-сост. М. Магомерзоев. С.64.

² Ислам: Иллюстрированная энциклопедия. С. 22-23.

³ Насыров И.Р. Основания исламского мистицизма (генезис и эволюция). М., 2012. С.201-202.

образом благодаря своей практической полезности, это вело к тому, что она становилась все более и более техникой и все менее и менее доктриной. В исламе же, по мысли Р.Р.Бухараева, при всей рациональности и практичности самого исламского вероучения, наука и особенно философия продвигались в первые века именно отвлеченным от практических задач стремлением познания мира в его единстве: Естественным будет сказать, что наука в исламе и зародилась в широком смысле как богословие»¹.

Ранние суфии хорошо осознавали, что гносеологическая задача (познание Бога) выполнима при условии отказа от представления о непреодолимой пропасти между абсолютным бытием (Бог) и множественным ущербным бытием (земное). В традиционалистской концепции мироздания отношение между этими двумя горизонтами бытия задается божественным актом творения. При этом творение как спонтанное осуществление воли Бога не имеет внутренней необходимости – профанного, множественного мира могло бы и не быть. Для теологии это означало, что из понятия божественной сущности невозможно рациональным способом вывести множественный мир. Поиск выхода из данного онтологического тупика вел ранних суфиев к нетривиальному решению проблемы. Указывая на это, И.Р.Насыров подчеркивает, что к необходимости смены онтологических предпосылок в осмыслении идеи о единственности бытия они пришли, следуя логике мышления исламской культуры, процедурам соотнесения противоположностей. Аргументация в пользу тезиса о нужде Бога в мире для самопознания была перенаправлена в сторону человека. Актуальной становилась тема тленности именно человеческого бытия, которое мистифицировалось как «дар Бога». Так была подготовлена почва

¹ Бухараев Р.Р. Ностальгия по Откровению. М., 2005.

для исламских мистиков – «людей самоуничтожения, растворения в Едином на пути к нему»¹.

Для нас важно, что рациональное познание отношения «Бог-мир» в исламе развивалось не в противовес традиции мистицизма, а в ее лоне, возвышая таким образом роль Знания в достижении Откровения. Несомненно, это обстоятельство сыграло свою роль в поддержке авторитетности научных изысканий в исламской культуре, давшей миру современные понятия арабских цифр и высшей математики (аль-Хрезми и аль-Фараби), химии (Джабир бин Хайян – Гбер и аль-Рази), медицины (Ибн Сина – Авиценна), астрономии (аль-Бируни и Улутбек) и внедрившийся в область научных исследований сам метод критического отношения к естественнонаучным и философским, в том числе к историческим традициям².

Несмотря на всю сложность становления диалектического единства рационального и интуитивно-созерцательного познаний в исламе (раскрытие генезиса и эволюции этого процесса в суфизме с использованием многочисленных источников находим в указанной выше монографии И.Р.Насырова) главная линия мировоззренческой борьбы пролегла не здесь. Основное напряжение уже в Средние века обнаружило противостояние между просвещенным исламом и тенденцией к его догматизации, которая зарождалась там, где импульс к «действию» подавлял импульс к знанию.

Кризис самосознания, к которому пришел исламский мир, имеет, согласно Р.Р.Бухараеву, и экономические, и политические и социальные причины. Особенность их проявления по отношению к исламу в том, что «полное слияние науки с религией, которое в

¹ Насыров И.Р. Основания исламского мистицизма (генезис и эволюция). С.201-202.

² Бухараев Р.Р. Указанная работа. С.127-128.

раннем исламе было чрезвычайно благотворным для понимания и осмысления Откровения», оказалось отвергнутым по причине своей общественной бесполезности по сравнению с утвердившимися бесприкословными догмами, с помощью которых стал поддерживаться «порядок» в политически нестабильной мусульманской Умме времен Аббасидского халифата¹.

В качестве предварительного вывода отметим, что теологические трактаты в исламе, так же, как и в христианстве, испытывали на себе влияние реальных событий, вызванных борьбой за утверждение единой веры. Это нашло отражение и в том, какие вопросы в трактатах освещались, каким был их стиль. В качестве сходной с христианскими трактатами темы обозначим вопрос о соотношении веры и знания, роли рационального познания в достижении духовной истины. Этот вопрос в той или иной мере вставал перед исламскими богословами и когда они размышляли над проблемами точных и естественнонаучных областей знания, и когда они вступали в сферу, как бы сейчас сказали, гуманитарной проблематики. В качестве стилового сходства обозначим проникновение в ткань научного стиля трактатов полемического запала, вызываемого миссией, которую выполняли духовные деятели первых столетий существования ислама. В своем стремлении утвердить единство веры, объединившей бы разрозненные, воюющие между собой народы, они искали убедительности теологического слова не только в рациональной аргументации науки, но и в допущении определенного эмоционального пафоса верующего. Специфической особенностью текстов, представляющих исламскую теологию, является то, что их речевой и смысловой строй находился в то

¹ Там же. С. 169.

время под влиянием идей исламского космизма. Неоспоримое влияние на них оказал и исламский мистицизм в лице суфизма.

Второй тип письменных текстов, который выделяет В.В.Ученова в трансцендентном общении – мистические откровения.

Особенность мистических откровений в том, что они базируются не на умозрительных заключениях, а на тайне, на чем-то необычном, экстраординарном. В основе тайны лежит факт духовного преображения избранных, факт их обращения к просветлённой жизни. Говоря об этом, В.В. Ученова отмечает, что духовное преображение также было характерно и для мистических ритуалов древности.

Другим признаком трансцендентных текстов этого типа можно считать то, что появление мистических откровений связано с развитием института монашества. И это не случайно. Озарение приходит к тому, кто ведет строго аскетический образ жизни. Оно предполагает экстатическое слияние с Богом, соприкосновение с Высшей реальностью, ощущение пребывания в запредельном мире. Для достижения подобного состояния необходим предварительный психологический настрой, душевная и духовная подготовленность. Главное же – высочайшая степень веры, выраженная в мистическом переживании, которое невозможно в полной мере передать дословно¹.

Третий признак мистического откровения, по наблюдениям исследовательницы, это противопоставление эмоционально-духовного экстаза способам рационального постижения высших сущностей. Часто изречения, описания экстаза и переживаний мистиков идут в разрез с канонами церкви. При этом некоторые положения мистиков парадоксальны из-за отсутствия в

¹ Ученова В.В., Шомова С.А. Полифония текстов в культуре. С.169.

повседневном языке слов и понятий, которые могли бы выразить их чувства и передать переживания. Верующие христиане почитают их как пророков.

Ислам предстает религией, созданной последним пророком на земле (Мухаммад – «печать пророков»). Его откровение зафиксировано в Коране, священном писании, «вечном и несотворенном по своей природе». О деятельности других пророков, предшествовавших Мухаммаду или бывших его современниками, нам, как указывают исследователи, известно очень мало. Поэтому исламоведы опираются на те коранические тексты, или хадисы, где речь идет о «лжепророках» – соперниках Мухаммада¹. Традиционным источником профетического настроения среди арабов были кахины – прорицатели или шаманы, в которых «вселялись божества», от имени которых кахины и вешали ритмическими фразами. Враги Мухаммада пытались и его объявить кахином, что Мухаммад категорически отвергал, утверждая, что кахины прорицают отнюдь не силою Бога, а по внушению низших и часто неблагих духов – джиннов. Но в любом случае, согласно Е.А. Торчинову, историкам, почва для проповеди Мухаммада существовала и была хорошо подготовлена².

Несмотря на доктринальную установку на неповторимость и непродолжаемость профетизма последнего пророка, импульс трансперсональных переживаний Мухаммада, по мысли Е.А. Торчинова, не мог исчезнуть без следа, не приведя ни к каким последствиям в религиозной жизни мусульманской общины:

¹ Пиотровский М.Б. Пророческое движение в Аравии VII в. / Ислам: Религия, общество, государство: Сборник статей. Отв. Ред. П.А.Грязневич и С.М.Прозоров. М., 1984. С.19-27.

² Торчинов Е.А. Профетизм и мистицизм в исламе (суфизм) Пророческие корни ислама / Религии мира: опыт запредельного. Психотехника и трансперсональные состояния. СПб.,1998. С.37-54.

«Мухаммад сделал опыт личного, живого и непосредственного общения человека с Богом опытом парадигматического достоинства»¹. Поэтому тенденция к такого рода общению не пропала в духовном пространстве ислама. Она закрепились в Коране и сунне, базирующейся на хадисах (предании, содержащем высказывания Пророка) и настраивающей на подражание жизни Мухаммада как образцу для мусульман. Кроме того, согласно названному исследователю, завершенность пророческой линии в развитии арабской духовной культуры во многом способствовала формированию мистико-аскетического и психотехнического движения, сыгравшего огромную роль не только в религиозной жизни мусульманских народов, но и в их культуре, а также оказавшего определенное влияние на культуру и религиозную жизнь средневекового Запада. Речь вновь идет о суфизме.

Суфизм (от араб, ат-тасаввуф) – слово, не поддающееся однозначной интерпретации. В Европе до сравнительно недавнего времени слова «суфизм», «суфий» производили от греческого *sophia* – «мудрость». В настоящее время среди исламоведов господствует точка зрения, согласно которой ат-тасаввуф происходит от арабского «суф» – «шерсть», так как власяница - грубое шерстяное одеяние - было обычным атрибутом аскета-отшельника, анахорета. Возможно, что еще задолго до ислама суфиями на Ближнем Востоке называли христианских монахов и мистиков-аскетов².

Исследователи разделяют историю суфизма на три периода: период зухда, период тасаввуфа (суфизма) и период тарикатов (суфийских братств). В период зухда происходит возникновение аскетико-мистических тенденций в исламе. Этот

¹ Торчинов Е.А. Указанная работа. С.37-54.

² Там же.

период приходится на VII-VIII века. Первыми мусульманскими аскетами были, согласно Е.А.Торчинову, собиратели хадисов, речений Пророка, чтецы Корана. Их религиозная практика сводилась к многочисленным молитвам и постам, строжайшему следованию сунне, отрешению от всего мирского, покаянию, строгому отделению дозволенного от запретного, культу бедности, отказу от сотрудничества с властями и т.п. В период тасаввуфа появляется ряд суфийских школ, активно разрабатывается теория и практика суфизма. После X века суфийский образ жизни и мировоззрение приобретают популярность. Решающую роль в этом процессе, как отмечают историки, сыграли труды выдающегося теолога Аль-Газали, не только полностью реабилитировавшего суфизм в глазах ортодоксии, но и провозгласившего жизнь истинного суфия высшим выражением исламского образа жизни вообще.

В X-XIII вв. окончательно складывается и суфийская терминология, символичная и метафоричная, что открывало возможности для ее поэтического использования (многие выдающиеся суфии были и выдающимися поэтами). Все это обусловило мощнейшее влияние суфизма на арабскую и персидскую поэзию, многие образы и идеи которой понятны только в суфийском контексте¹. Для нашего исследования важно отметить, что таким образом сложилась особенность мистифицированных текстов, несущих идеи ислама: они наполнены метафорами, поэтическими образами и символами и, по сути, являются достоянием литературного творчества. Такую же особенность, отличающую данного типа тексты от тех же научных трактатов, отмечает и В.В.Ученова, анализируя христианские письменные документы

¹ Торчинов Е.А. Указанная работа.

В XII-XIII вв. начинается формирование суфийских орденов или братств, напоминающих католические монашеские ордена, но менее централизованных. Суфийское братство или тарикат – это путь духовного возвышения и познания Истины. Также тарикатом называют некий свод морально-этических положений и психологических приёмов. С их помощью суфий вступал на путь размышлений и духовно-физических упражнений, посредством которых он стремился приблизиться к Божественной реальности. В этой устремленности мы можем увидеть непосредственное сходство с христианскими монахами-мистиками. В христианстве традиция достижения мистического откровения помимо монашеской аскезы была запечатлена в письменных текстах, в их особом стиле и построении, на котором лежит печать озарений автора¹.

В исламе мистическое откровение достигается посредством суфийских практик, в которые канонический текст включен как обязательный элемент. Примером может послужить цитирование определенных сур Корана и повторение их определенное количество раз. Какие именно суры и каким должно быть количество повторений, определяет мистик, которому это открылось в откровении. Порождаемый им текст называется «хатм». Например, хатм шейха Хамзы Махдumi Кашмири состоит из пяти сур Корана, повторенных 1001 раз². Рецитация канонического текста мусульман и его прослушивание возводятся в ранг духовно-религиозной практики, поощряемой современным исламом.

Таким образом, в современном суфизме мистика воплощается прежде всего в ритуальных действиях, в повторах определенных

¹ Ученова В.В., Шомова С.А. Указанная работа. С.166-180.

² Ислам: энциклопедический словарь / отв. ред. С. М. Прозоров. М., 1991.

текстов. Сами же тексты могут быть представлены не только сурами Корана, но и тарикатами. В последующем это слово сделалось синонимом учения, которое сформировалось в той или иной суфийской общине. Тарикат представлял собой свод правил, не отягощенный мистицизмом. Далеко не все тарикаты дошли до наших дней. Наиболее известными стали те, у которых было больше всего последователей. Если в христианском мистицизме откровения могли быть трудами отдельных людей, не претендующих на формирование мировоззрения верующих, то тарикаты представляли как строгие наставления для последователей. Ученик беспрекословно подчиняется учителю-суфию при освоении этих нормативных текстов и главе братства, носителю Откровения.

Третий тип текстов трансцендентного общения, согласно В.В. Ученовой, это агиографические сочинения.

Согласно данной исследовательнице, для христианской агиографической литературы характерно устремление к художественности текстов. В них оказались сплавлены три определяющих начала: церковно-служебные каноны поминовения святых угодников, документальные сведения о страстотерпии христианских мучеников и полуфольклерные легенды, рождавшиеся в среде монашеской братии с момента возникновения первых монастырей и скитов¹. Отмечая чрезвычайную популярность жанра жития на Руси вплоть до XVII века, В.В. Ученова указывает на причины этой популярности, заключавшиеся в особенностях построения текстов. В них присутствовал, как правило, драматизм сюжета, заканчивавшегося по большей части победой добра над злом. Важно было, что сюжет развивался в ореоле достоверности, фактографичности. Подтверждением

¹ Ученова В.В., Шомова С.А. Указанная работа. С. 181.

документальности сообщаемого была ссылка на слова реально живущих лиц, которые являлись очевидцами происходивших чудес, или автор представлялся непосредственным их собеседником. Правдоподобию описываемого служили упоминания о точном времени и месте происходящего¹.

По аналогии с житиями христианских святых в исламе существуют легенды о суфиях, которые вели праведный образ жизни. Из уст в уста в мусульманской общине передавались толкования к тому или иному кораническому сюжету – тасфиры, которые со временем фиксировались обычным, всем понятным языком, вне какой бы то ни было рифмованной прозы. Наряду с тасфирами передаются и предания о ситуативных высказываниях Пророка – хадисы. Иногда они поясняют коранические сюжеты и таким образом становятся частью какого-нибудь тасфира. Иногда образуют самостоятельный раздел знания, связанный с установлением на самые разные вопросы жизни, что принципиально отделяет их от коранических откровений. Мусульманская община выделяет хадисы в качестве второго по значимости после Корана источника знаний².

Таким образом, в христианстве каноническое знание несут агиографические сочинения, которые направляют верующего к Богу через приобщение к биографическим нарративам святых мучеников. В исламе такого рода знание представлено толкованием коранических сюжетов и оно носит не только нарративный характер, но и поучительный. Зачастую описательные сюжеты несут поучение в виде свода правил или «инструкции» для верующего.

¹ Там же. С.185-186.

² Хисматуллин А.А. Суфизм. С.35-36.

Здесь уместно сказать еще об одной сфере в исламе, в которой формируются тексты нормативно-поучительного характера. Речь идет о школах шариатского права – мазхабах, – которые существуют в шиизме и суннизме и различаются по тому, как толкуются основополагающие положения ислама, каковы особенности правоприменительной практики. То есть речь здесь может идти о письменных документах строго нормативной направленности, нацеленных на формирование у верующих дисциплины и послушания. Их отнесение к текстам трансцендентного общения имеет дискуссионный характер. И все же мы упоминаем их как одно из порождений эволюции ислама, утверждавшееся в том числе через ритуализацию действия, через хатм, через догматизированное следование традиции. Всему этому в целом придается подчас мистифицированное значение приближения к Богу. Сама же функция подобного рода религиозных текстов заключается в утверждении «богоугодного порядка» в мусульманской Умме.

Таким образом, в исламе, как и в христианстве, типология трансцендентных текстов представлена научными трактатами и мистическими откровениями. Третий тип – агиографическая литература в исламе представлена притчами, житиями суфиев, последователей Пророка. Четвертый тип текстов, которому необходимо, с нашей точки зрения, придать значение в исламе, представлен документами нормативно-поучительной направленности. Их значимость в истории ислама велика в связи с отсутствием в нем единого юридического центра управления (как это есть в католицизме и православии). Освоение догматов веры у мусульман происходит через такого рода тексты, которые по своему характеру, по своему стилю в большей степени отдалены от

вертикали трансцендентного общения и в большей степени приближены к горизонтали обыденного общения.

Анализ трудов исламоведов подводит нас к заключению, что основное напряжение ценностно-духовных противоречий возникает не между рациональным и интуитивно-созерцательным познанием, а между просвещенным исламом и тенденцией к его догматизации.

Сделаем выводы.

По аналогии с существующей типологизацией христианских письменных документов, нами систематизированы письменные тексты трансцендентного общения в исламе в соотнесении с историческими условиями их порождения. Описание их типологических особенностей предоставляет возможность охарактеризовать ценностно-духовную сферу общественной жизни как сферу культуры, из которой черпают нормативные положения и сюжеты современные медиатексты на тему ислама с положительным потенциалом.

На основе сопоставительного анализа выявлено следующее. Теологические трактаты в исламе, так же, как и в христианстве, испытывали на себе влияние реальных событий, вызванных борьбой за утверждение единой веры. Особенностью развития научного знания в исламе в первые века явилось то, что оно развивалось во всех своих проявлениях как теологическое. Важную роль в повышении роли знания наряду с действием в исламе сыграли суфийские мыслители.

Установлено, что основная типологическая особенность текстов с сакральными смыслами в исламе обусловлена тем, что рациональное познание отношения «Бог-мир» в исламской культуре развивалось не в противовес традиции мистицизма, а в ее

лоне, возвышая таким образом роль Знания в достижении Откровения.

Отмечено, что тексты мистических откровений в исламе, так же, как и в христианстве, тяготеют к художественному стилю, к насыщенности метафоричным языком, образами и символами. Выявлено, что если в христианстве традиция достижения мистического откровения помимо монашеской аскезы была запечатлена в письменных текстах, в их особом стиле и построении, на котором лежит печать озарений автора, то в исламе мистическое откровение и сегодня часто достигается посредством религиозно-духовных практик, которые носят ритуальный характер.

Если в христианском мистицизме откровения могли быть трудами отдельных людей, не претендующих на формирование мировоззрения верующих, то свод правил для верующих мусульман, который не носит мистического характера, но является частью мистифицированной духовной практики (тарикат) предстает как строгое наставление для последователей.

Наряду с теологическими трактатами и мистическими откровениями третий тип трансцендентных текстов в исламе также представлен агиографической литературой. Однако в связи с тем, что ислам предстает религией, созданной последним пророком на земле (Мухаммад – «печать пророков»), мусульманская агиография представлена не житиями святых мучеников-пророков, а притчами, легендами о выдающихся суфиях, наставлениями последователей Пророка, тасфирами и хадисами.

В качестве отдельного типа религиозных текстов в исламе предстают документы нормативно-поучительной направленности. По своему характеру, по своему стилю эти тексты в большей степени отдалены от вертикали трансцендентного общения и в

большей степени приближены к горизонтали повседневного общения мусульман. Их доносят до верующих последователи Пророка, духовные лица. Значимость такого рода текстов видится в удержании склонного к символической метафоризации сознания верующего в поле повседневной жизни, в поле здравого смысла. Зачастую для этого используется сегодня площадка средств массовой информации. Как будет показано во Второй главе, за последние два года количество поучающих медиатекстов об исламе в татароязычной прессе возросло за счет включения в целевую аудиторию неверующих из сети Интернет. В русскоязычных региональных СМИ основное усилие авторитетных духовных лиц, выступающих по теме ислама, направлено на преодоление общественных стереотипов о религии.

§2. Эволюция коммуникативной матрицы: от журналистского произведения – к медиатексту

В предшествующем параграфе были рассмотрены тексты трансцендентного общения в исламе, которые включены в коммуникацию с вертикальной направленностью. Горизонтальный вектор коммуникации порождает иного рода тексты. Их основной функцией по отношению к религии выступает не обращение к Богу, не познание Абсолютного бытия, а социальное взаимодействие по данному поводу. Движение от трансценденции к медиации происходит не через отрицание религиозных текстов – теологические трактаты, мистические откровения, наставления - продолжают занимать свое место, только их роль в культуре со временем меняется. Движение к медиации происходит через формирование новых текстовых форматов, в которых религиозная проблематика освещается в контексте других тематических

направлений. Поэтому эти тексты все активнее участвуют в формировании не только ценностно-духовной сферы общества, но и других сфер – социальной, политической

«Медиатекст» – это относительно новый концепт коммуникативистики. Исследователи связывают его появление с философией новых медиа, которые подчас вступают в противоречие с привычками, принятыми в общении предшествующего времени. В этой связи теоретики говорят о существовании «классическом» и «неклассическом» способах коммуникации, которые организуются разными идеалами рациональности¹. Вместе с технологической и социальной эволюцией этих способов в академической теории произошла трансформация понятия «журналистское произведение» в концепт «медиатекст». Обратившись к отечественной литературе по журналистике, можно проследить, как постепенно одни особенности информационного продукта теряли свою актуальность, а другие наоборот становились значимыми.

Задача данного параграфа: на основе сравнения с понятием «журналистское произведение» обозначить типологические характеристики медиатекста как информационного продукта, продемонстрировав на конкретных примерах, как их проявление обеспечивает уход от трансценденции к медиации в теме ислама.

В советский период понятие журналистского произведения являлось ключевым. Своим существованием оно напоминало о том, что российское журналистиковедение начинало формироваться в лоне филологических наук, что журналистский текст, понимаемый как структурно-содержательная целостность, изначально рассматривался как разновидность текста литературного. В

¹ Медиаконвергенция и «ситуация человека»: Новые вызовы, старые вопросы / Под ред. С.К.Шайхитдиновой. Казань, 2012. С.10-26.

журналистском произведении также, как в литературном произведении, могла существовать система образов: образ автора, образ главного героя, могла быть сюжетная линия и кульминация. Ближе всего к литературе стоит художественная публицистика. Публицистика, понимаемая как «специфическая область общественно-политической творческой деятельности, преследующая цель актуального идеологического воздействия на общественное мнение»¹, не могла обойтись без понятия «произведение», т.к. в отличие от пропаганды – деятельности манипулятивной, «с холодным сердцем», публицистика черпала силу убеждения в искренней позиции автора, который наделял свой текст авторским замыслом, рациональной рассудительностью и эмоциональным теплом ².

О журналистском произведении, о его специфике идет речь в трудах российских теоретиков журналистики не только по отношению к художественно-публицистическим материалам в СМИ. В брошюре «Журналист и его произведение» ее автор М.И. Шостак говорит об «оперативной журналистике», о таких жанрах, как заметка, репортаж, интервью³. Необходимо отметить, что сама теория журналистских жанров тесно связана с понятием произведения. Московский профессор А.А. Тертычный указывает, что методы представления информации в журналистике могут адаптироваться к общественным условиям, однако тип произведений, который складывается исторически и определяется как «жанр», существует объективно. Характеризуя различные жанровые признаки, данный автор в то же время активно использует понятие текста, которое выступает у него синонимом понятия «публикация». В рассмотрении жанроформирующих

¹ Ученова В.В. У истоков публицистики. С.10.

² Черепанов М.С. Тайнства мастерства публициста: Монография. М., 1984.

³ Шостак М.И. Журналист и его произведение. М., 1998.

признаков он отталкивается от методов познания и отображения действительности, которые, трансформируясь в определенный род текстов, дают основание для появления «жанровых имен»¹.

Отечественная теория публицистики определяла основные смысловые моменты подготовки советских журналистов. В многократно переиздававшемся учебнике для вузов «Введение в журналистику» его автор профессор Е.П. Прохоров указывает, что текстовая деятельность журналиста описывается с трех сторон – семантической (что и как отображено), синтаксической (внутренняя структура текста) и прагматической (как текст осваивается аудиторией)². Требовалось единство этих сторон. Оно могло быть обеспечено текстом, выполненным по определенному канону, т.е. должно было отвечать требованию быть журналистским произведением. С нашей точки зрения, канон поддерживался еще и тем, что прагматическая сторона деятельности советских журналистов обеспечивалась как бы априори – идеологически. Форма подачи информации была как бы самодостаточной. Предполагалось, что аудитория должна воспринимать транслируемые через советские СМИ тексты определенным образом, не ситуативно, а так «как надо».

С началом перестройки положение дел коренным образом изменилось. Этому способствовало и развитие новых коммуникационных технологий, распространение Интернета. Включение в коммуникацию массового пользователя привело к тому, что целостность и связность как конструктивные признаки текста, именуемого произведением, стали отходить на задний план. Высокая динамичность коммуникации не позволяла оттачивать формы подачи информации. Популярностью стали пользоваться

¹ Тертычный А.А. Жанры периодической печати. М., 2000.

² Прохоров Е.П. Введение в журналистику. М., 1988.

словесно и визуально оформленные «фрагменты», «куски» действительности. В контексте бурного развития социальных сетей, блогосферы публичная организация словесной деятельности перестала оцениваться по критерию «профессионально-непрофессионально». На первое место выдвинулась авторская модальность, которая наделила творческими преимуществами разговорную речь рядовых «инет-пользователей» перед зачастую выполненной по шаблону речью профессионального журналиста. Понятие «произведение» отошло на периферию теоретической мысли о журналистике. Актуальным сделался термин «текст».

Этот термин перенес внимание с произведения как такового на то, как речевое высказывание соотносится с соответствующей ситуацией и коммуникативными целями¹. То есть важным сделалось не жанрово-каноническое построение материала, а его вписанность в контекст реальности, его воспринимаемость определенными сегментами аудитории. Текст как феномен культуры, обладающий функциональностью и структурой, позволяет это осуществить и зафиксировать. Поэтому неудивительно, что вышедшая в 2003 году монография ведущего теоретика публицистики профессора В.В. Ученовой была посвящена рассмотрению полифонии текстов в культуре². Тексты СМИ - публицистика, реклама, - рассматривались в данном исследовании как ведущие варианты современных синтетических текстов. Примерно в это же время по специальности «журналистика» С.И. Сметаниной была защищена одна из первых докторских диссертаций по медиатексту³. Названный автор, встав на междисциплинарную площадку теории журналистики,

¹ Прохоров Ю.Е. Действительность. Текст. Дискурс: Монография. М., 2006.

² Ученова В.В., Шомова С.А. Полифония текстов в культуре.

³ Сметанина С.И. Медиа-текст в системе культуры: Динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века. СПб., 2002.

лингвистики, семиологии, рассмотрел феномен «текст» как языковой конструкт, который через свою функциональную определенность вписан в соответствующие контексты культуры. Журналист на этих позициях уже не являлся автономным автором-создателем произведения. Его, скорее, можно назвать конструктором текста. Текстовая деятельность, согласно С.И. Сметаниной, имеет комплексный характер: выбор средства номинации и синтаксических конструкций, корректировка стилистического регистра, определение жанрового макета и формы общения с читателем, «размещение» образа автора в тексте, ведение категорий актуализации.

Понимание медиатекста тесно увязывается с языковыми особенностями информационного продукта, с его интертекстуальностью¹. В постперестроечные годы в теории жанров формируется направление, на котором понятие журналистского текста стало связываться с видами коммуникативной деятельности. Так, в учебном пособии «Основы творческой деятельности журналиста», вышедшем под редакцией профессора С.Г. Корконосенко, полемически заострился вопрос о подходе к системе журналистских жанров: «Жанр или текст?»². Автор данного раздела профессор Л.Е. Кройчик указывает на причины того, почему предпочтительным оказывается термин «текст». Первое, на что он обращает внимание, это то, что в новых условиях вместе со старой системой организации СМИ рухнула и

¹ Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь. – М., 2014; Солганик Г.Я. К определению понятий «текст» и «медиатекст» // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2005. - № 2. – С.7-15; Мельник Г.С. Медиатекст как объект лингвистических исследований // Журналистский ежегодник. – Изд-во СПбГУ. - 2012. - №1. - С.27-29.

² Основы творческой деятельности журналиста / Ред.сост. С.Г. Корконосенко. СПб., 2000. С. 130.

существовавшая система жанров. Продолжилось зафиксированное еще в семидесятые годы минувшего века «размывание» жанровых границ, произошла переоценка жанров – одни практически ушли с газетной полосы, другие, напротив, усилили свое присутствие. Второе обстоятельство связано с глобальным расширением коммуникационного пространства и развитием новых информационных технологий, что привело к унификации жанров. Третье, - это коренное изменение российских СМИ в период перестройки, что принципиально изменило отношения внутри коммуникативной цепочки «действительность-автор-произведение-аудитория». Размышляя над риторическим вопросом, кто победит в борьбе – жанр или текст, Л.Е. Кройчик указывает, что жанр как оптимальная форма решения творческой задачи в отличие от текста всегда жестко детерминирован. В периоды, когда детерминирующие обстоятельства – характер отображаемых фактов, конкретные задачи, решаемые СМИ, мировоззренческие и индивидуальные особенности автора – вступают в противоречие, терпит кризис и система жанров. Тогда на помощь приходит определение журналистского материала как текста. Автор раздела предлагает классификацию журналистских текстов по ряду признаков от оперативно-новостных до исследовательско-образных

1

Гибкость термина «текст» при его применении по отношению к СМИ подтвердило и исследование профессора Б.Я.Мисонжникова «Феноменология текста», объектом которого стало печатное издание как единый текст, как континуум содержательных и формальных структур, как универсальное семиотическое образование ². Концептуальным закреплением

¹ Там же. С. 130-167

² Мисонжников Б.Я. Феноменология текста (соотношение содержательных и формализованных структур печатного издания): Монография. СПб., 2001.

термина «текст-интертекст» в отечественной теории журналистики на позициях концепта, объединяющего в себе не только содержание СМИ, но и дискурсивные практики адресанта и адресата информации, можно считать диссертационную монографию Э.В. Чепкиной «Русский журналистский дискурс: текстопорождающие практики и коды»¹.

Дальнейшее движение в этом направлении утвердило в своих правах риторическое понимание коммуникации, когда риторика стала рассматриваться не только и не столько как техническая дисциплина о принципах и приемах порождения текста, а как особый мировоззренческий фокус осмысления культуры и ее феноменов. Обозначая эту ситуацию как «риторический ренессанс», автор монографического исследования «Медиадискурс XXI века. Лингвофилософский аспект СМИ» И.В. Анненкова расставляет завершающие точки над *i* по отношению к медиатексту в журналистском дискурсе. Жанровая принадлежность текста медиадискурса была признана его «непрофильным активом», который не влияет на отсутствие или наличие риторической модальности, заключающей в себе конечный смысл, ради которого данный текст порождался².

На основе проведенного обзора можно заключить, что термины «журналистское произведение» и «медиатекст» представляют собой два способа коммуникации – «классический» и «неклассический». Представляется, что для «классического» варианта характерны два подхода к тексту: имманентный и репрезентативный. Их характеристику находим у В.В. Ученовой. Имманентный подход предполагает отношение к тексту как к

¹ Чепкина Э.В. Русский журналистский дискурс: текстопорождающие практики и коды.

² Анненкова И.В. Медиадискурс XXI века. Лингвофилософский аспект СМИ. С.16.

автономной реальности, нацеленность на выявление его внутренней структуры. Репрезентативный подход выражается в рассмотрении текста как особой формы представления знаний о внешней тексту действительности¹. И тот и другой подход может быть реконструирован через понятие журналистского произведения. Оно одновременно автономно и репрезентативно. Понятие текста в данном случае синонимично «сообщению, содержанию произведения.

Концепт медиатекста является порождением «неклассического» способа коммуникации. Обзор порождаемых этим способом подходов к пониманию текста находим у И.М.Дзялошинского. Фиксируя их разнонаправленность, исследователь отмечает, что в большинстве случаев в современной науке текст рассматривается как частный аспект более широкого явления - дискурса².

Таким образом, медиатекст проявляет себя как фрагмент медиадискурса и полностью определяется им. В этом смысле медиатекст не автономен, хотя может быть представлен в формате журналистского произведения, которое репрезентирует определенные социальные интересы. В этом случае закономерности его построения необходимо определять не через жанровую и тематическую принадлежность, а через особенности выражаемой риторической модальности, которая как «кащеева смерть» находится не в теле произведения, а в медиадискурсе в целом. «Текст» в этом случае не является синонимом произведения. Такой подход к текстам мы назовем коммуникативным. Когда этот подход начинает доминировать, можно заключить, что начинает

¹ Ученова В.В., Шомова С.А. Указанная работа.

² Дзялошинский И.М. Коммуникационные процессы в обществе: институты и субъекты. М., 2012. С.66-68.

доминировать неклассическая парадигма организации культурного пространства и гуманитарного знания.

Более подробное описание того, чем «текст» в неклассическом его проявлении отличается от «произведения» находим у Р.Барта. С его точки зрения, текст не следует понимать как нечто исчислимое. Различие текста и произведения в том, что произведение является вещественным. Оно наглядно, зримо и может занимать определенную часть книжного пространства в библиотеке, в то время как текст необходимо рассматривать как порождение и движение множества смыслов, поле методологических операций, организованное по определенным правилам или против них. Произведение может поместиться в руке, текст размещается в языке, существует только в дискурсе¹.

Что дает приставка «медиа-» к слову «текст», который толкуется неклассическим образом, можно понять, обратившись к Ю.М. Лотману². Он определяет «произведение» как совокупность нескольких текстов, а «текст» - как определенным образом закодированное сообщение. Текст иерархичен. Его сложность возрастает с увеличением количества смыслов и подтекстов, которые он в себе несет. Лотман выделяет три основные функции текста.

Первая функция — это передача константной информации, которая лежит на поверхности и легко схватывается наиболее простыми методами анализа. «Идеальный текст» в данном случае предстает как сообщение, зашифрованное одним языком, которое, следовательно, будет одноканальным, внутренне однородным и моноструктурным. Текст здесь выполняет роль вместилища

¹ Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика: Избранные работы. Пер. с фр / Сост., общ. ред и вступ. ст. Г.К.Косикова. М., 1994.

² Лотман Ю.М. Избранные статьи в трех томах. Т.1 Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн, 1992. С. 200-202.

некоторого неизменного смысла. Ценность данной текстологической системы определяется тем, насколько эффективно текст — без потерь и искажений — передается от отправителя к получателю. То есть вся система ориентирована на максимальное понимание, а всякое несовпадение между кодом говорящего и слушающего — это источник непонимания, который поэтому рассматривается как помеха. Думается, понятый таким образом «текст» может быть приравнен по смыслу к тексту журналистского произведения советского времени, линейно нацеленного на советскую аудиторию для пропаганды и агитации.

Вторая функция текста — выработка новых смыслов. Ей Лотман уделяет основное внимание. Именно смыслопорождение и его механизмы выступают средством развития культуры и ее двигателем. В этом аспекте текст перестает быть лишь пассивным звеном передачи некоторой константной информации. Он превращается в генератор новых смыслов, а значит, главным его свойством становится активность. Если в первом случае разница между исходным и конечным сообщением возможна лишь в результате помех в канале связи и воспринимается как техническое несовершенство системы, то во втором — она составляет самую суть работы текста как смыслового генератора. Думается, на этом уровне и происходит формирование медиатекста. Его основная функция в культуре — не столько трансляция заданных смыслов, сколько генерация новых. К примеру, само по себе рекламное сообщение с его узкой рекламной задачей не является медиатекстом до тех пор, пока мы не начнем его рассматривать в культурном контексте, предполагая, что данное сообщение генерирует еще и культурные смыслы, о которых рекламодавец может и не подозревать.

Наконец, третья функция текста – функция памяти. Текст, согласно Лотману, не только генератор новых смыслов, но и конденсатор культурной памяти. Более того, наиболее сложные образцы текста обладает способностью сохранять память о своих контекстах. Если бы этой способности не было, воспринимаемый текст оставался бы для нас только самим собой и прошлое представлялось бы нам мозаикой несвязных отрывков. Но для воспринимающего сознания определенный текст это всегда часть реконструируемого целостного значения. В этом смысле любой фрагмент культурной жизни, если он может быть представлен как текст, возможно, как нам представляется рассмотреть в качестве медиатекста. Однако для этого необходимо, чтобы способностью его воспринять обладало не только конкретное индивидуальное сознание, но и неопределенный круг лиц.

Для анализа медиатекстов об исламе воспользуемся наработками теоретиков отечественной журналистики. И.М. Дзялошинский отмечает, что любой текст может быть представлен в виде трех проекций. Одна проекция позволяет нам увидеть событийное, предметное наполнение текста, дает ответ на вопрос, о чем этот текст. Вторая проекция схватывает смысловое наполнение текста, содержащееся в оценках, объяснениях, завуалированных или прямых интерпретациях предмета (Здесь адресат получает ответ на вопрос, что именно сказано в тексте по поводу того, о чем в нем сообщается). Третья позиция фиксирует выразительные ресурсы, которые использованы для воссоздания события, для установления контакта с аудиторией, для обеспечения восприятия и понимания содержания, разъяснения того, как сделан этот текст, какого его качество. То есть речь идет о выразительных ресурсах, которые есть в распоряжении инициатора коммуникации, в первую

очередь – родной для аудитории язык, заключенные в нем символические значения¹.

С.И. Сметанина определяет параметры медиатекста как сообщения любого медийного вида и жанра с точки зрения содержания. Тестовая деятельность, согласно этому автору, имеет комплексный характер: выбор средства номинации и синтаксических конструкций, корректировка стилистического регистра, определение жанрового макета и формы общения с читателем, «размещение» автора в тексте, владение категориями актуализации (речь идет о сильных позициях текста: заголовок, подзаголовок, зачин, концовка) и приемами объемно-графического членения текста. Обратим внимание на схему по построению текста в публицистическом стиле. По мнению исследователя, конструктивный принцип публицистического стиля является чередованием разных по окраске языковых средств в их отношении к выполнению основных функций – информирования и воздействия².

Итак, произведение является текстом, который обладает свойствами автономности, композиционной замкнутости, он структурирован по определенным канонам. Медиатекст может не обладать такими характеристиками. Его основная функция - это налаживание коммуникации с неопределенным кругом лиц. Поэтому он ориентирован на особенности участников этой коммуникации, а также - на контекст, который может стать источником новых смыслов. Он открыт медиапроцессу, который его и структурирует. В коллективном исследовании данного феномена «Современный медиатекст» его характеристики

¹ Дзялошинский И.М. Коммуникационные процессы в обществе: институты и субъекты. . С.69-72.

² Сметанина С.И. Медиа-текст в системе культуры: Динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века. СПб., 2002.

определены как интегративность (поликодовость), мультимодальность, открытость, интертекстуальность, что делает медиатекст частью глобального мира, который творят прежде всего СМИ (Это дает основание авторам труда выстраивать типологию медиатекстов в соответствии с типами СМИ и типами сфер медиатеатральности)¹.

В этой связи такие характеристики, как жанр, композиционная целостность и т.п. не являются для данного феномена значимыми (Поэтому при анализе медиатекстов об исламе нами будут рассматриваться прежде всего их выразительные ресурсы – предмет, концепция-смысл, персонажи, стиль – и функциональная направленность).

Очевидно, что переход от «произведения» к «медиатексту» не является линейным процессом. По отношению к теме религии вновь необходимо говорить о ценностно-духовной сфере в культуре, из которой черпаются сюжеты произведений и медиатекстов. Один из таких сюжетов – святость и падение праведника. Повесть Льва Толстого «Отец Сергей», в которой средствами художественного произведения был раскрыт этот сюжет, ряд представителей церковной среды оценило как «антижите». Оспаривая эту позицию, Владислав Водько проводит параллель между повестью и житием Макария Римлянина, который так же, как герой Толстого, перед перспективой сытой спокойной жизни, сбежал в уединение, где также подвергся искушению. Повесть, по мысли данного автора, перекликается с византийской агиографией: православное христианство не признает предопределения, – заранее неизвестно, кто спасется, а кто – нет².

¹ Современный медиатекст / Отв. Ред. Н.А.Кузьмина. С. 14-15, 17-20.

² Водько В. Византийские корни повести Л.Н.Толстого «Отец Сергей» // Режим доступа: <https://byzantina.wordpress.com/2015/02/04/vodko/> (дата обращения: 21.12.2015).

В татароязычной прессе существует устойчивая группа медиатекстов об исламе, которые в виде небольших притч излагают сюжеты агиографической литературы. Несколько лет они регулярно публикуются под рубрикой «Иманлы сүз» («Слово веры») в газете «Шәһри Казан». На тематической странице под этой рубрикой нам встретилась притча о праведнике, который в духе нормозадающей исламской традиции не поддался искушению. Чтобы его преодолеть, молодой мулла, который впустил на ночлег юную дочь падишаха, обжигает свои пальцы огнем. Его ждет награда: узнав о случившемся, проникнувшись силой духа праведника, падишах выдает принцессу за него замуж¹. И хотя притча выстроена как произведение – с завязкой, кульминацией, развязкой повествования, перед нами – медиатекст, рассчитанный на массового потребителя.

Таким образом, переход от понятия «произведение» к концепту «медиатекст» представляет собой трансформацию классического способа коммуникации в неклассический. Этот переход не представляет собой линейного процесса, он воплощается в сложных изменениях, которые претерпевает культура. Обзор литературы по отечественной теории журналистики подтверждает этот процесс и указывает на его временные границы: это рубеж нынешнего и прошлого веков.

¹ Испытание Огнем // Шаһри Казан. 2010. 11 марта. С. 7.

§ 3. Медиатексты об исламе как воплощение коммуникативных стратегий в журналистском дискурсе

Медиатекст, как мы выяснили ранее, в отличие от авторского произведения, не так автономен, он ориентирован на особенности неопределенного круга лиц – участников коммуникации, он интегративен, мультимодален, интертекстуален. Источником новых смыслов в нем может стать контекст. То есть медиатекст открыт медиапроцессу, который его структурирует. Это означает, что в поисках типологических признаков медиатекста мы будем обращаться не только к особенностям коммуникативной (речевой) ситуации, как это было заявлено в начале главы, но и к медиапроцессу в целом.

Медиапроцесс системен, и поэтому в коммуникативистике представлено немало подходов к его моделированию. Результатом выступают аналитические модели коммуникации. Посвящая этой теме один из разделов своей монографии, И.М.Дзялошинский отмечает, что существует огромное количество книг, в которых тщательно описаны и проанализированы другие книги, авторы которых внесли свой вклад в осмысление коммуникационных процессов¹. В отечественной литературе по теории журналистики отправными являются модель Шеннона-Уивера и модель Лассвелла, которые появились примерно в середине XX века и вошли как базовые в учебники по подготовке медиаспециалистов². В лингвистике, как указывает И.М.Дзялошинский, находит применение модель Р.О.Якобсона, в которую добавлены такие

¹ Дзялошинский И.М. Указанная работа. С.11.

² Назаров М.М. Массовая коммуникация и общество. Введение в теорию и исследования. М., 2003. С.18-21; Фомичева И.Д. Социология СМИ. М., 2007. С. 23-29.

позиции, как «код», «контекст» и «контакт»¹. В дальнейшем, как можно увидеть по осуществленному данным автором детализированному обзору существующих моделей, их развитие происходило в соответствии с развитием коммуникаций. В рамках данного исследования структурные модели коммуникации нам видятся недостаточно продуктивными.

Медиатекст является открытым динамичным образованием и выступать в виде структурного звена линейной модели он может весьма условно. Задача данного параграфа определяется необходимостью найти такие системные соответствия между медиатекстами об исламе и медиапроцессом в целом, которые удерживали бы их в рамках нашего предметного поля. К ним мы относим: 1) смысловую динамику, которая в большей степени определяется уже не религией, а общественной обстановкой; 2) массовый характер коммуникации, т.е. ее удаленность от текстов трансцендентного общения и способность к конвергенции не только с форматами СМИ, но и со всем, что относится к современным СМК; 3) принадлежность к журналистскому дискурсу, который обуславливает общественную значимость проблематики и принятый для этого дискурса характер построения информационного продукта в виде журналистского произведения.

С нашей точки зрения, динамизм и массовый характер коммуникации отражается в медиатекстах через коммуникативные стратегии. Определяя, какая коммуникативная стратегия доминирует в том или ином медиатексте, мы можем выявить функциональное назначение данного информационного продукта и его место в медиапроцессе. Можно сказать, что медиапроцесс структурирует медиатексты через доминирующие в нем

¹ Дзялошинский И.М. Указанная работа. С.14.

коммуникативные стратегии. Это означает, что определенной медиастратегии соответствует свой набор медиатекстов.

Как такие стратегии выстраиваются, какие у них характеристики – на эту тему существует ряд исследований, обзор которых не входит в нашу задачу. В поисках дополнительных параметров текстологического анализа современных медиатекстов об исламе мы вновь обратимся к И.М.Дзялошинскому, который в рамках проблематики, связанной с медиавоздействием на аудиторию, произвел систематизацию коммуникативных стратегий от безопасных до высокоопасных¹.

Для каждой теории прессы характерен свой набор коммуникативных стратегий. И.М. Дзялошинский в своей монографии «Коммуникативное воздействие: мишени, стратегии, технологии» разделяет технологии воздействия на несколько категорий. Рассмотрим их подробнее, через них можно выйти на категории текстов.

Первая категория – безопасные технологии. В них входят технологии информирования, убеждения и диалога.

В главе, посвященной технологиям информирования, И.М.Дзялошинский рассуждает о природе, функциях и типах информации. Автор считает, что степень воздействия информации зависит от целей того кто предоставляет ее. Существует, например, модель общественного информирования, когда источник информации не ставит перед собой четкой задачи изменения отношения получателя. Технологии информирования являются наименее опасными из всех методов воздействия.

Суть метода убеждения в том, чтобы с помощью логических аргументов сначала добиться от человека внутреннего согласия с

¹ Дзялошинский И.М. Коммуникативное воздействие: мишени, стратегии, технологии. М., 2012.

определенными умозаключениями, а затем на этой основе сформировать и закрепить новые установки, соответствующие поставленной цели. Изучением всевозможных способов убеждения занимается риторика. И.М. Дзялошинский отмечает, что в современной риторике убеждение осуществляется больше эмоционально-психологическими способами, нежели логическими, с учетом особенностей собеседника или аудитории. Один из самых действенных способов является обращение к авторитетным источникам¹.

Подобный способ убеждения характерен для проповеди. Цель проповеди – убедить слушателя исполнять религиозные предписания. Такой вид убеждения называется гомилетикой. Заметим, что большинство слушающих проповедь внутренне согласно с тем, что говорит проповедник.

Вторая категория технологий – относительно безопасные. Это управление коммуникативной ситуацией, использование провокационных высказываний и действий.

Выгодным влиянием на сознание адресата является управление коммуникативной ситуацией. В данном случае формируется среда, в которой происходит коммуникация. Эта технология, как правило, используется во время всевозможных переговоров и совещаний. Наиболее активно используемой эта технология стала для интернет-форумов. Модератор форума может создавать нужные ему темы, формируя повестку обсуждения. Темы же при этом могут быть провокационные.

Третья категория технологий – опасные. Это технологии дезинформирования, черная риторика, психологическое манипулирование. Здесь И.М.Дзялошинский вводит понятие социальной иллюзии, как неадекватного представления общества о

¹ Там же.

себе самом, о своих гражданах, их взаимоотношениях друг с другом, о субъектах других обществ и культур, основанных на фантастических представлениях и верованиях. Заметим, что понятие социальной иллюзии весьма схоже с понятием стереотипов, данным в социологическом словаре.

Четвертая категория технологий – высокоопасные. Это технологии социальной индукции, суггестивные технологии. Суть технологии социальной индукции в том, что одни люди вовлекают других людей в переживание определенных чувств. Эти переживания могут распространяться подобно эпидемии, заражая подчас десятки и сотни тысяч людей. Социальная индукция может возникнуть как спонтанно, так и намеренно. Здесь Дзялошинский проводит параллель с обычным инфекционным заболеванием. Он описывает три составляющих так называемой эпидемии: 1) «заразность» информации; 2) маленькие явления могут иметь большие последствия; 3) изменения и распространения происходят с высокой скоростью.

Для возникновения сильного эмоционального резонанса в обществе очень важен контекст, в котором происходят события. Кроме того, заражение эмоциями конкретного человека зависит от количества «зараженных» людей вокруг. Поэтому та или иная эмоция быстрее всего распространяется в толпе. В толпе у человека существенно ослаблена его психологическая защита. Эта технология воздействия на человеческую личность является высокоопасной еще и потому, что в социальную индукцию вовлечено огромное количество людей. Многие крупные конфликты, в том числе конфликты возникшие на религиозной почве, являются результатом социальной индукции.

Следующим высокоопасным видом воздействия на психику являются суггестивные технологии. Суггестия также называется

косвенным внушением. Задача воздействующего состоит в том, чтобы изменить поведение человека минуя контрольные и рефлексивные механизмы человека.

Коммуникативная стратегия может быть определена в медиатексте через его параметры (проекции выражения), которые были описаны в предыдущем параграфе. Таким образом, с одной стороны, по параметрам, характеризующим медиатекст, можно определить коммуникативную стратегию. С другой стороны, зная коммуникативную стратегию, мы можем определить параметры медиатекста. То есть медиатекст можно охарактеризовать как воплощенную в текстовых параметрах коммуникативную стратегию. Соответственно функциональные виды медиатекстов во многом будут определяться видами стратегий. К примеру, очевидно, что псевдорелигиозная пропаганда, которая была развернута так называемым исламским государством (ИГИЛ) в последние годы по отношению к молодежи различных стран, чрезвычайно актуализирует третью и четвертую категорию коммуникационных технологий, которые порождают соответствующие псевдорелигиозные тексты в виде тех же ужасающих роликов в Интернете.

В связи с этим возникает важный для данного исследования методологический вопрос. Медиатекст как любой текст с медийными признаками, включенный в социальное взаимодействие, не привязан ни к какому информационному каналу, ни к какой коммуникативной стратегии. Это означает, что он может быть представлен Интернет-роликом, Интернет-форумом, кинофильмом, рекламой и т.п.

Для сохранения предмета данного исследования в поле журналистики нам необходимо определиться с критериями выделения именно журналистского дискурса.

Если ограничить исследуемый материал текстами средств массовой информации (СМИ), данный вопрос не будет разрешен в силу процессов медиаконвергенции. Сегодня СМИ как бизнес-предприятия, формирующие массовую культуру потребления, далеки от того, что принято называть журналистской деятельностью. Кроме того, выявление типологических характеристик и функциональных особенностей медиатекстов об исламе не возможно без обращения к «пограничным зонам» текстопорождения, которые могут быть принципиально отдалены от журналистики как таковой. Здесь имеются ввиду и тексты трансцендентного общения, и тексты обыденного общения, которыми заполнен Интернет. Более того, определение типологических и функциональных особенностей медиатекстов об исламе требует оценки и псевдорелигиозных информационных продуктов. Это важно не только в связи с уточнением способов репрезентации того или иного смыслового содержания в текстах на тему религии. Это важно для обнаружения методов и приемов продвижения псевдорелигиозных симулякров к аудитории.

Представляется, что одним из основных критериев, сохраняющих предмет нашего исследования в рамках журналистского дискурса, может послужить обращение к нормативным теориям (концепциям) прессы. Их описание представляет собой одну из первых попыток моделирования медиапроцесса с учетом исторической эволюции журналистики от ее авторитарной концепции до рыночных вариантов.

Для темы нашего исследования важно, что в этих, выявленных еще в середине прошлого века, теориях прессы учитывается то обстоятельство, что коммуникация с помощью медиа – это не только передача сообщения от источника адресату с определенным эффектом и определенным образом закодированного. Это еще и

взаимодействие неких ожиданий, интересов, позиций, за которыми стоят определенные нормативные требования. Они могут быть обусловлены традицией, особенностями менталитета, местом и ролью государства (медиафера – территория государственной политики), а также общим характером институциональных взаимоотношений, принятых в данном социуме. Подчеркивая, что каждая из выделенных исследователями теорий (нормативных концепций) имеет ярко выраженное ценностное содержание, С.К.Шайхитдинова указывает на плодотворность их использования при анализе медиапроцесса¹. Другой представитель аксиологического подхода к коммуникации в казанской школе – исследователь Айрат Бик-Булатов – рассматривает историческое развитие российской журналистики исходя из различных «платформ» ее ценностных моделей – светской жизни, науки, просвещения...²

Обратимся к характеристикам концепций (теорий) прессы. Американские авторы Фред С. Сиберт, Уилбур Шрамм и Теодор Питерсон выделили и охарактеризовали четыре теории прессы, которые исторически, сменяя друг друга, складывались в западной цивилизации. Это авторитарная, либертарианская, советская теории прессы и теория социальной ответственности. Спустя несколько лет британский исследователь Дэнис МакКуэл добавил к этим теориям прессы еще две – национального развития (ее вызвал к жизни крах колониальной системы в 60-е годы) и социального участия (она сформировалась под влиянием включения в информационное пространство интернета). Через

¹ Шайхитдинова С.К. Нормативные концепции СМИ в ситуации конфликта (на примере концепции национального развития СМИ в Республике Татарстан) // Кому принадлежит культура? С.227-241.

² Бик-Булатов А.Ш. История журналистики: новое прочтение // Медиаконвергенция и «ситуация человека»: новые вызовы, старые вопросы / Под ред. С.К.Шайхитдиновой. Казань, 2012. С.27-46.

сорок лет после своего выхода книга «Четыре теории прессы»¹, будучи переведена на русский язык, нашла у нас своих почитателей. Это были 90-е годы, время, которое в России ознаменовано горячими общественными дискуссиями о функциях СМИ и о социальной роли журналистики. Отсылая к большому объему вышедшей у нас в те годы литературы, касающейся данной темы, И.М. Дзялошинский выделяет наиболее общие подходы, выступавшие по отношению друг к другу как альтернативные: «рыночный» и «государственный»². Данный автор утверждает, что в рамках российской профессиональной журналистской культуры сосуществуют несколько альтернативных парадигм профессиональной деятельности, отличающихся друг от друга характером отношения журналиста к аудитории. Первая установка ставит журналиста над аудиторией. Журналист является транслятором управленческих программ разного типа и уровня. Аудитория же становится объектом управления. Такого рода установка делает возможным воздействие с помощью пропаганды. Вторая установка размещает журналиста рядом с аудиторией и ориентирует его на отношения информирования. Журналист предоставляет аудитории разнообразные сведения, оказывает помощь в выражении мнений. Третья установка требует участия журналиста в поиске решений жизненных проблем. Аудитория в данном случае перестает быть пассивным наблюдателем, становится помощником в решении важных вопросов³.

¹ Сиберт Ф.С., Шрамм У., Питерсон Т. Четыре теории прессы.

² Дзялошинский И.М. Коммуникативные матрицы как предмет прикладной коммуникативистики // Полифония медиатекста. Сборник научных статей. М., 2011.

³ См.: Дзялошинский И.М. Журналистика соучастия. Как сделать СМИ полезными людям. М., 2006.

В своей работе мы будем опираться на нормативные концепции прессы, которые представлены Д.МакКуэйллом в его книге «Журналистика и общество»¹. Им охарактеризованы шесть различных моделей взаимоотношений журналиста, общества и государственной власти. Эти взаимоотношения определяют свои правила коммуникации, способы подачи материалов, точку зрения общественности на те или иные проблемы. Определить какая концепция прессы доминирует в той или иной стране, мы можем, поняв, от имени кого выступает журналист и чьи интересы он представляет. Это понимание нам обеспечивает роль автора в публикации и характер общественной реакции на нее. Указанными обстоятельствами во многом определяется и освещение религиозных тем. Мы сформулируем различия в подаче и восприятии темы религии в рамках шести концепций прессы.

Следует также учитывать, что освещение религиозных тем зависит во многом от самой религии, насколько сильно переплетены религиозный опыт и быт человека. Кроме того, важно понять, на каком месте находится данная религия в том или ином государстве, какие слои населения ее исповедуют. Сегодня религия становится новым субъектом во взаимоотношениях власти, общества и медиапрофессионалов. Перечислим факторы, которые помимо концепций прессы определяют, как подается и воспринимается религиозная тематика в СМИ: 1) степень секуляризации данного социума; 2) отношения религии и государства в данном социуме; 3) авторитетность религии среди «простых людей» в данном социуме.

¹ МакКуэйл Д. Журналистика и общество. Пер. с англ.

Рассмотрим, как взаимодействие данных факторов в рамках различных концепций прессы определяет особенности подачи темы религии в СМИ.

Авторитарная теория прессы сформировалась первой в ходе развития института СМИ. В рамках данной концепции журналист отражает точку зрения государственной власти. Исследователи сравнивают деятельность такого журналиста с деятельностью работника пресс-службы: и тот, и другой, в конечном счете, являются выразителями корпоративных интересов. Если в стране доминирует авторитарная концепция, то вмешательство власти в работу СМИ становится обычным делом, правилом коммуникации. При наиболее крайних проявлениях данной концепции существует институт цензуры и грубое экономическое давление. Последнее ведет к монополизации информационного рынка. Самостоятельные издания не выдерживают конкуренции. Репрезентация темы религии в рамках данной нормативной модели полностью зависит от ее положения в стране. Если религия является государственной, а общество религиозным, то религиозные темы станут обязательной частью повестки дня. Подходы к их раскрытию будут едины, в соответствии с интересами религиозно-политической элиты. Информация о других конфессиях, существующих в стране, будет сводиться к минимуму.

Советская теория рассматривается теоретиками как ответвление авторитарной. Основным субъектом в ней является не государство, а передовой класс со своей партией, поскольку в то время, когда она складывалась, советского государства еще не было. Медиа выполняет функцию социализации, общественного контроля и мобилизации в направлении запланированных социальных и экономических целей. Поэтому в рамках данной модели открыто провозглашается, что агитация, пропаганда и

организация выступают основными функциями прессы. Вокруг них формируются и правила коммуникации. Диапазон личной интерпретации автора ограничивается набором устойчивых характеристик сюжетов материалов. Как и для авторитарной модели, здесь возможна жесткая цензура. В этой связи верующих среди целевых аудиторий у таких СМИ практически нет. Источники информации разделяют атеистическую позицию и рассмотрение темы религии происходит в них от имени идеологизированной науки, которая заявляет, что «бога нет», а «религия» – опиум для народа.

Либертарианская теория прессы формировалась как оппозиционная авторитарной. Она завоевывала публичное пространство вместе с идеями первых буржуазных революций. Через свободу слова новый класс добивался свободы личности, выражающей себя, прежде всего, через предпринимательство. Государство теряет свое влияние на средства массовой информации, у которых в связи с этим нет единых правил коммуникации. Традиционные ценности уступают свой пьедестал, индивид имеет право выразить любую точку зрения, в том числе по отношению к религии. И его мнение может быть как положительным, так и отрицательным. Количество материалов, касающихся той или иной конфессии, зависит не от того, как они представлены в том или ином обществе, а от рейтингового положения темы. Слово предоставляется представителям любых конфессий. И любые конфессии могут быть подвергнуты критике.

Для теории социального участия значима не «вертикальная», а «горизонтальная» коммуникация. Последняя получила толчок к развитию с распространением интернета и вовлечением в публичное пространство различных социальных групп, представители которых не являются медиапрофессионалами. В

рамках этой модели происходит признание необходимости децентрализации, деbüroкратизации институтов общественного вещания. Ее сторонники выступают за многообразие, локальность, деинституционализированность, взаимозаменяемость ролей отправителя и получателя информации. Характерно предоставление площадки для обсуждения любой группе лиц. При доминировании данной концепции религиозные общины могут свободно содержать свои средства массовой информации. Влияние государства на их контент отсутствует. Количество материалов о конкретной религии будет зависеть от количества верующих, живущих в стране. Материалы готовят непрофессионалы, и это часто сказывается на их качестве. Деинституционализация характерна для новых медиа – социальных сетей с их пабликами и для блогов. Они и являются основными площадками для данной концепции, они и формируют правила коммуникации, становятся зоной риска, когда появляется возможность вирусного распространения любого рода содержания, в том числе текстов, написанных языком вражды. Примером служит интернет, в котором можно наткнуться на сайты-однодневки с враждебной по отношению к религиям и верующим риторикой.

Теория национального развития была разработана для развивающихся пост-колониальных стран Третьего мира. Для них другие модели мало применимы, поскольку отсутствует развитая система массовой коммуникации, журналистам недостает профессионального мастерства, не достаточно аудитории, которая могла бы привлечь в редакции рекламодателей. Самое главное – концепция реализует себя на национальном языке, которому еще предстоит завоевать устойчивое место в развитии данного социума. Основной функцией СМИ становится поддержка всего национального, и этим определяются правила коммуникации.

Отстаивается культурная идентичность конкретного этноса, поддерживается ценность его самобытной истории, его традиций. Как правило, все они пронизаны ценностями религиозными, которые становятся частью естественного интереса национальных СМИ. Не случайно в рамках данной теории прессы получают развитие религиозные издания, духовная публицистика. В какой-то степени эта модель схожа с авторитарной. Однако медиа, по наблюдениям Д.МакКуэйла, поддерживают правительство только в том случае, если оно проводит политику национального возрождения.

Теория социальной ответственности прессы сформировалась после Второй мировой войны, когда остро встал вопрос о возвращении общества, дегуманизированного военным временем, к идеалам мирной жизни. Социально-ответственные медиа должны были на добровольных началах взять на себя определенные обязательства перед своими аудиториями. Саморегулирующиеся СМИ призваны отражать социальный плюрализм в обществе, его гражданскую зрелость. Немаловажным является то, что медиа должны избегать всего, что может привести к нарушению общественного равновесия, к беспорядкам. Дискриминация по расовому, этническому, конфессиональному признакам недопустима. Это одно из ведущих профессионально-этических правил социально ответственного журналиста. Тема религии подается в рамках данной теории в духе культуры толерантности к любым существующим религиям и их представителям. Уровень этой культуры и задает правила коммуникации.

Используя обозначенные теории прессы для выявления функциональных особенностей тех или иных информационных продуктов (от пропаганды до «соучастия») можно утверждать об их активной представленности в современной медиасфере. В

развитие идей авторов книги «Четыре теории прессы» о том, что «пресса всегда принимает форму и окраску тех социальных и политических структур, в рамках которых она функционирует»¹, нами добавлен ряд факторов, которые концептуализируют содержание СМИ. Такими факторами могут выступить различные идеологии, ценностные приоритеты, которых придерживается тот или иной источник, субъекты влияния («субъекты ответственности»), лидеры мнений, а также ментальные, этнические и др. особенности аудитории, определяющие ее ожидания. Их можно реконструировать по текстам СМИ. Поэтому в одной и той же стране, в одном и том же регионе могут сосуществовать различные теории-концепции прессы. В российском информационном пространстве представлены все шесть концепций. Как они усиливают друг друга или входят в противоречие, нами описано на примере СМИ Татарстана².

Также нами определены основные субъекты ответственности в медиасфере, «назначенные» в социуме в зависимости от того, какая из существующих шести моделей доминирует. Субъектом ответственности может выступить государство (авторитарная концепция), личность (либертарианская концепция), класс как социальный авангард (советская концепция), этнос (концепция национального развития), социальная группа (концепция социального участия) и журналист как представитель гражданского общества (концепция социальной ответственности прессы)³.

С нашей точки зрения, в данном случае можно говорить о том, что каждая теория прессы образует свой дискурс, который некогда

¹ Сиберт Ф, Шрамм У., Питерсон Т. Четыре теории прессы. С.16.

² Шайхитдинова С.К. Нормативные концепции СМИ в ситуации конфликта (на примере концепции национального развития СМИ в Республике Татарстан) // Кому принадлежит культура?

³ Шайхитдинова С.К. Медиаэтика. Казань, 2007.

соотносился с различными представлениями о журналистике, а сегодня получил самостоятельное развитие. Данный подход взят нами за основу при определении функциональной направленности медиатекстов об исламе.

Степень «жесткости» принимаемых в коммуникации правил, норм, существующих там общественных ожиданий и обязанностей И.М.Дзялошинский отразил в понятии «коммуникативные матрицы», схватывая данным понятием именно регулятивные аспекты медиапроцесса. Опираясь на идею С.Кирдиной о существовании идеальных типов Х- и Y-институциональных матриц, он выделил вертикальные, горизонтальные и гибридные матрицы, которые обозначил как базовые¹. Они, по мысли данного исследователя, различаются отношениями между субъектами коммуникации и объемом доступа к информации. С нашей точки зрения, понятие гибридных коммуникативных матриц можно распространить и на ценностное содержание медиапроцесса. Варианты комбинаций проявляющих себя в медиасфере ценностно-нормативных теорий прессы и составляют различные гибридные матрицы. Эти комбинации со временем меняются.

Если в конце девяностых годов – в начале двухтысячных ситуация СМИ давала повод для рассмотрения советской теории как продолжения авторитарной, а теории социального участия – как продолжения теории свободы прессы², то сегодня есть основания для выявления иного рода «гибридов». Процессы глобализации, разворачивающиеся на фоне продолжающегося сращивания власти и бизнеса, выступление на передний план проблем терроризма и

¹ Дзялошинский И.М. Коммуникативные процессы в обществе: институты и субъекты. М., 2012. С.57-58. Его же: Медиапространство России: Коммуникационные стратегии социальных институтов. М., 2013. С.38-40.

² Кому принадлежит культура? Общественные науки и перспективы исследований социокультурных перемен. Ч.1.

экстремизма, все большее проникновение в быденное общение Интернета и индивидуальных средств связи, ускользающих от правового регулирования, – все это заставляет иначе взглянуть на расширение социального участия в коммуникации, на современные выражения свободы слова, на проявления авторитаризма в медиасфере и т.п.

С нашей точки зрения, сегодня становятся актуальными коммуникативные гибриды, которые возникли из-за сращивания

1) авторитарной нормативной теории прессы и теории социального участия. По отношению к теме ислама речь идет о проникновении в Интернет «большой политики» в виде манипулятивных стратегий продвижения геополитических интересов, цветных революций через воздействия на различные социальные группы, в т.ч. на верующих. В медиатекстах этой направленности можно обнаружить весь спектр коммуникативных стратегий.

2) либертарианской теории прессы (концепции свободы слова), теории социального участия и советской теории прессы, утверждающей высокую роль пропаганды и агитации во взаимодействии с аудиторией. По отношению к теме ислама этот коммуникативный гибрид дает о себе знать в виде феноменов экстремистского толка.

Для примера обратимся к опыту французского еженедельника «Шарли Эбдо», деятельность которого послужила причиной произошедшего в Париже в начале 2015 года теракта, когда только за три дня были убиты 17 человек. Наша задача – рассмотреть, какой концепции прессы придерживается данное издание, с какими концепциями входит оно в конфликт.

Знаменитый французский сатирический еженедельник «Шарли Эбдо» («Charlie Hebdo»)¹, выходящий по средам, имеет репутацию издания антиклерикальной, даже антирелигиозной направленности, в нем публикуются материалы, посвященные католицизму, исламу, иудаизму, правым радикалам и т.д. Из-за этих публикаций неоднократно начинались общественные волнения, приходилось закрывать посольства мусульманских государств во Франции. «Шарли Эбдо» издавался с 1969 по 1981 гг., а затем его выпуск был восстановлен в 1992 году. По словам издателя еженедельника Шарба (Стефана Шарбонье), редакция настроена отражать «все компоненты левого плюрализма».

В связи со своими публикациями еженедельник неоднократно становился центром скандальных ситуаций. В феврале 2006 года на страницах издания был опубликован материал «Мухаммад поражен фундаменталистами» («Mahomet débordé par les intégristes»). На первой странице издания была помещена карикатура, изображающая пророка, говорящего «Трудно быть любимым придурками». Было перепечатано двенадцать карикатур на пророка, ранее опубликованных датской газетой «Джиллэндс-Постен» («Jyllands-Posten»), добавив к ним свои собственные. Печатались карикатуры с некорректным содержанием и в связи с выходом оскорбительного для верующих, исповедующих ислам, фильма «Невинность мусульман». В «Шарли Эбдо» публиковались карикатуры, обидные как для мусульман, так и для представителей других религий. В 2008 году еженедельник опубликовал карикатуры на Папу Римского, которые привели к судебному иску. Иск был проигран.

¹ Charlie Hebdo // URL: <http://charliehebdo.fr/> (дата обращения: 9.05.2015).

На эту ситуацию следует обратить внимание с точки зрения роли государства в налаживании конфликта. Когда Мусульманская всемирная лига и Союз французских исламских организаций подали иск против «Шарли Эбдо» с указанием на расистский характера карикатур, поддержавших позицию датского издания, тогдашний президент страны Жак Ширак их поддержал. Он выступил с осуждением этой провокационной акции еженедельника, считая, что она подогревает страсти. Однако тогда еще будущий президент страны Николя Саркози написал письмо для того, чтобы его зачитали в суде, с выражением своей поддержки «старинной французской традиции сатиры».

В начале 2013 года «Шарли Эбдо» вновь публикует комиксы по мотивам биографии пророка Мухаммеда. «Мы перенесли жизнь Мухаммеда в изображения так, как это рассказывают мусульманские летописцы. Без всякого дополнительного юмора, – говорилось тогда на сайте издания. – Форма может кому-то показаться богохульной, но суть совершенно халяльная»¹. Далее следует серия карикатур на Пророка Мухаммеда, опубликованных в 2014 году, накануне теракта.

Таким образом, мы видим следующие проявления ситуации вокруг данного источника информации: 1) игнорирование редакцией интересов аудитории; 2) игнорирование позиции президента страны, полное отсутствие авторитетности легитимной власти; 3) антирелигиозный характер выступлений, не связанный с общественно-значимой проблематикой; 4) декларация руководством редакции леворадикальных позиций. То есть характер деятельности «Шарли Эбдо» можно определить как

¹ «Шарли Эбдо» уже подвергался нападениям за карикатуры на мусульманскую тему // URL: <http://www.mk.ru/incident/2015/01/07/sharli-ebdo-uzhe-podvergalsya-napadeniyam-za-karikatury-na-musulmanskuyu-temu.html> (дата обращения: 11.05.2015).

выражение таких теорий прессы, как «либертарианская», доведенная до информационного анархизма, и «советская» в ее леворадикалистском, доведенном до информационного экстремизма выражении. Таким образом формируется жесткая оппозиция культурам, сформированным в странах, где доминируют концепции, приближенные к авторитарной традиции и поддерживающие национальное развитие.

Такое тотальное игнорирование реалий многополярного мира заканчивается плохо. В начале 2015 года два террориста совершали нападение на редакционный офис «Шарли Эбдо». В результате было убито десять членов редакции и два полицейских. Драматическое событие всколыхнуло мировую общественность. Бурное обсуждение в средствах массовой коммуникации вызвали вопросы: Было ли поведение еженедельника слишком провокационным? Имел ли он право высказываться подобным образом? Каковы истинные причины теракта? Поиск ответов на эти вопросы, общая реакция в СМИ разных стран на происшедшее – все это отражало позиции, которые корреспондировались с теориями прессы, принятыми в этих странах.

В Европе тысячи людей приняли участие в акции солидарности с погибшими журналистами «Я – Шарли» («Je suis Charlie»). Европейские СМИ в духе либертарианской концепции освещали и интерпретировали это событие. СМИ мусульманских стран, в которых доминируют концепции авторитаризма и национального развития, осудили сам террористический акт, но не поддержали акцию солидарности. Их главной задачей было доведение до мусульман призыва воздержаться от мести и агрессии. Такую же реакцию продемонстрировали СМИ России. Экстремизм – путь тупиковый. Как для тех, кто оскорблен и мстит, так и для карикатуристов или тех, кто унижает других коллективно,

не делая различий», – пишет «Московский комсомолец»¹. Это заключительный вывод статьи «Траурный марш «Je suis Charlie» обернулся комедией позора для французских руководителей», в которой представлен один характерный штрих. В ряду ключевых событий, на которых акцентируется журналист, есть описание того, как Франсуа Олланду во время участия в марше памяти жертв теракта не раз приходилось резко придерживать своего премьер-министра: «Неуместно занятно было наблюдать за тем, как президент Франции постоянно одергивал и довольно резко тормозил своего премьер-министра Мануэля Вальса, чтобы тот не шел впереди главы государства». И эта ирония, и само название статьи свидетельствуют о том, что «Московский комсомолец» не снимает ответственности с французских властей за происшедшее. В России не принято, чтобы власть стояла в стороне от того, что какое-либо СМИ практиковало бы анархический леворадикальный произвол.

Пример реакции на скандальные карикатуры в духе теории социальной ответственности прессы предоставляет статья, опубликованная в газете «Лос-Анджелес Таймс» («Los Angeles Times»)². По мнению автора публикации, проведенная после теракта акция солидарности «Я – Шарли» не только не решает серьезные культурные и политические проблемы, которые спровоцировали нападение на редакцию журнала, но и усугубляет их. Акция солидарности, по мнению американского журналиста, прославляет характерную для западной культуры свободу

¹ MKRU // URL: <http://www.mk.ru/politics/2015/01/11/traurnyy-marsh-je-suis-charlie-obernulsya-komediey-dlya-francuzskikh-prezidenta-i-premera.html> (дата обращения: 10.05.2015).

² Los Angeles Times: Истерика "Я - Шарли" лишь усугубляет ситуацию // URL: <http://www.pravda.ru/news/world/europe/european/19-01-2015/1244395-hebdo-0/> (дата обращения: 10.05.2015).

слова. Автор считает, что еженедельный журнал Шарли, – чьим коньком в последние несколько лет стало неустанное высмеивание ислама, — слишком поспешно превратили в символ принципа свободы слова. Во Франции существуют законы, направленные против агрессивных ксенофобских высказываний, а также против высказываний, подстрекающих политическое насилие, и всегда есть некие границы того, что, как и в каком контексте можно говорить. Но эти правовые ограничения исполняются выборочно. Автор приводит примеры того, как некоторые «сатирические» ксенофобские речи считаются неприемлемыми и за них можно подвергнуться судебному преследованию, а другие «сатирические» ксенофобские речи, направленные против других расовых и этнических меньшинств – в частности, против мусульманского сообщества — не только допустимы, но и становятся центральным элементом прославления предположительно западных ценностей. Истоки этого события автор видит в постколониальном конфликте, в противостоянии «мы-они» в культурах Запада и Востока. Вывод данной аналитической статьи подтверждает ценности теории социальной ответственности прессы, ориентированной на культуру толерантности: «Изучение глубинных сценариев и форм обмена и взаимозависимости между культурами, религиями и этническими группами, а также их внутренних различий, является гораздо более продуктивным способом предотвращения подобных трагедий, чем бесконечное бездумное прославление того, насколько “мы” прекрасны и насколько “они” презренны».

Сделаем предварительные выводы. Конфликтные ситуации, которые могут возникать в информационном пространстве, не являются результатом всего лишь позиции отдельных журналистов. За этими позициями зачастую стоят борьба интересов и противостояние ценностных систем. Их выражением являются

нормативные теории прессы, которые ориентированы на разные правила коммуникации. Взаимодействие концепций прессы образует неповторимый колорит национальных информационных пространств. В то же время несогласованность этих концепций может создавать условия для возникновения острого противоречия информационных интересов, может привести к трагическому финалу их столкновения. С этим обстоятельством тесно увязаны особенности подачи темы религии в СМИ. Представляется важным, чтобы журналист в целях повышения своей профессиональной культуры изучал эти особенности и учитывал их в ходе своей работы.

В виде необходимой ценностной ориентации на стратегию диалога в медиасфере нами рассматриваются теория социальной ответственности и теория национального развития прессы. С нашей точки зрения, обе эти теории исключительно актуальны. Первая обращается к ответственности личности, включенной в коммуникацию. Сегодня таковой выступает не только и не столько журналист. Речь идет о гражданской позиции рядовых пользователей средств связи. Вторая теория, будучи настроена на развитие культурного потенциала этносов, наций, на диалог культур, добрые межконфессиональные отношения, представляет собой возможность поддержки культурного обогащения медиасферы в целом. Тема религии в этом контексте могла бы занять одно из важных направлений гуманизации повестки дня. Таким образом, «гибрид» информационных интересов личности и нации рассматривается нами как основание для взвешенной информационной политики в государстве.

Подведем итоги по Первой главе. По аналогии с письменными документами, представляющими религиозные тексты, принадлежащие христианской традицией, нами произведена

систематизация текстов трансцендентного общения в исламе в соотнесении с историческими условиями их порождения. Это необходимо было сделать в связи с тем, что современные медиатексты об исламе черпают сюжеты и образы из ценностно-духовной сферы, творимой текстами трансцендентного общения.

Для рассмотрения типологических характеристик медиатекста как способа подачи информации нами произведено сопоставление понятий «произведение» и «медиатекст». Выявлено, что произведение имманентно, автономно, тогда как медиатекст открыт медиапроцессу, который его структурирует. По отношению к теме ислама это дает основание для предположения, что типы текстов трансцендентного общения в большей степени оказывают влияние на тексты, выполненные в формате произведения. В то время как медиатекст иных форматов стремится к отрыву от смысловой основы первоисточника, он растворяется во внешне организованном дискурсе. Интертекстуальность, полиmodalность интегративность медиатекста дает основание для рассмотрения его как воплощения коммуникативных стратегий.

В этой связи для соотнесения медиатекстов об исламе с журналистским дискурсом мы обратились к шести нормативным теориям прессы, которые различаются между собой по ценностным (идеологическим) приоритетам, субъектам влияния, лидерам мнений, ожиданиям аудитории. Они и выступают типформирующими факторами для медиатекстов о религии.

Сделан вывод об эволюции нормативных теорий прессы от «классического» идеала рациональности к «неклассическому», об их конвергенции в коммуникативные матрицы. Это означает, что типологические характеристики конкретно взятых медиатекстов определяются не только характеристиками какой-либо из шести нормативных теорий – авторитарной, советской, либертарианской,

социального участия, национального развития, социальной ответственности, но и их сочетаниями.

Все эти нормативные теории в той или иной мере представлены в российском информационном пространстве и могут быть реконструированы через медиатексты, формируемые в различных форматах на различных каналах коммуникации. Каналы и форматы обогащают типологию медиатекстов об исламе специфическими особенностями.

Глава 2

Медиатексты об исламе в контексте нормативных теорий прессы: функциональные особенности

В данной главе решаются задачи, связанные с рассмотрением функциональных особенностей реально циркулирующих в современном информационном пространстве медиатекстов. Общие исходные положения к данному разделу обрисовывают проблемное поле, которое определяется тем, что необходимо объединить в журналистский дискурс совершенно разные медиатексты – от комментариев к журналистской публикации до видеороликов.

Мы исходим из того, что концепт медиатекста является порождением «неклассического» способа коммуникации. Если классическое журналистское произведение, будучи репрезентативным, не утрачивает при этом своей стилевой, смысловой автономности, то медиатекст открыт медиапроцессу, является его маргинальной частью и практически полностью от него зависит. Поэтому типоформирующими факторами медиатекстов выступают для нас нормативные теории прессы, которые могут быть реконструированы через содержание СМИ.

Таким образом, медиатекст проявляет себя как фрагмент медиадискурса и полностью определяется им. В этом смысле медиатекст не автономен, хотя может быть представлен в формате журналистского произведения. В этом случае закономерности его построения необходимо определять не через жанровую и тематическую принадлежность, а через особенности выражаемой риторической модальности, которая как «кащеева смерть» находится не в теле произведения, а в медиадискурсе в целом.

«Текст» в этом случае не является синонимом произведения. В его объем, к примеру, может быть включен ряд комментариев пользователей сетей Интернет, в которых СМИ всегда заинтересовано. Заголовок какой-либо публикации может рассматриваться как медиатекст. В качестве медиатекста может быть представлен блог со всем своим содержимым или его отдельные фрагменты и т.д.

Содержательный и дискурсивный анализ медиатекстов об исламе осуществлен с учетом наработок теоретиков отечественной журналистики. И.М. Дзялошинский отмечает, что любой текст может быть представлен в виде трех проекций. Одна проекция позволяет нам увидеть событийное, предметное наполнение текста, дает ответ на вопрос, о чем этот текст. Вторая проекция схватывает смысловое наполнение текста, содержащееся в оценках, объяснениях, завуалированных или прямых интерпретациях предмета (Здесь адресат получает ответ на вопрос, что именно сказано в тексте по поводу того, о чем в нем сообщается). Третья позиция фиксирует выразительные ресурсы, которые использованы для воссоздания события, для установления контакта с аудиторией, для обеспечения восприятия и понимания содержания, разъяснения того, как сделан этот текст, какого его качество. То есть речь идет о выразительных ресурсах, которые есть в распоряжении инициатора коммуникации, в первую очередь – родной для аудитории язык, заключенные в нем символические значения¹.

Отмечая многообразие подходов к определению функций СМИ, И.Д.Фомичева указывает, что понятие функции охватывает и предназначение, и реальную роль СМИ². То же можно сказать и о нормативных теориях прессы, с той лишь разницей, что

¹ Дзялошинский И.М. Коммуникационные процессы в обществе: институты и субъекты. С.69-72.

² Фомичева И.Д. Социология СМИ. С.39-40.

«предназначение» является в них производной величиной от того, кто мыслится «хозяином положения» по отношению к СМИ. Таким образом, нормативные теории выступают не только типоформирующими факторами для медиатекстов, но и определяют их функциональную палитру.

Теории прессы, проявляемые в различных регионах, могут усиливать друг друга или вступать в противоречие. Противоречие проявляет себя как острое различие функциональной направленности медиатекстов. По отношению к религии такая направленность дает о себе знать как продвижение разного толкования роли, значения религии в обществе, как проявление идеологических позиций, в которые религиозные убеждения могут быть встроены в качестве одного из составляющих элементов. Функциональный анализ медиатекстов осуществлен через выявление доминирующих коммуникативных стратегий (информирование, убеждение, внушение и т.д.), а также через определение выделенных Лотманом функций текста: 1) передача константной информации, которая лежит на поверхности и легко схватывается наиболее простыми методами анализа; 2) выработка новых смыслов; 3) сохранение культурной памяти.

Конкретные медиатексты представлены в виде «кейсов», – определенных феноменов, которые изучаются в их реально существующем контексте, когда границы между контекстом и феноменом не отчетливы.

Исходные положения определили логику размещения параграфов.

В первом параграфе на примере преимущественно печатных публикаций рассматривается наиболее распространенная, как показывает анализ, тенденция слияния информационной и идеологической функций медиатекстов об исламе.

Во втором параграфе на примере случаев распространения в социальных сетях языка вражды и негативных стереотипов об исламе рассматриваются риски дисфункции медиатекстов.

В третьем параграфе на примере русскоязычных публицистических произведений и татароязычных СМИ рассматриваются медиатексты, которые несут позитивный потенциал межконфессионального диалога.

§1. Конвергенция информационной и идеологической функций медиатекстов об исламе

Цель данного параграфа – рассмотреть, как в медиатекстах об исламе проявляется конвергенция таких теорий прессы, как теория социального участия (демократизация коммуникационного процесса, преобладание горизонтальных коммуникаций) и авторитарная теория, отражающая степень политизации той или иной темы. Будем исходить из того, что и та, и другая нормативная теория проявляет себя в медиатекстах об исламе через идеологическое содержание.

Степень активности идеологических воззрений по отношению к религии в разные периоды времени различна. К примеру, в советское время большинство исследователей относилось к религии как к чистой идеологии. Это можно увидеть, если обратиться к литературе, а также к медиатекстам того периода. Деятельность международных террористических организаций современного толка ведет к острой политизации и идеологизации презентации темы ислама в медиасфере, в первую очередь – в сети Интернет.

Для выявления идеологического содержания в текстах об исламе определимся с понятием идеологии. Согласно

социологическому словарю, существует три основных значения термина «идеология».

В первом случае под ней понимаются различные специфические виды убеждений, совокупность связанных друг с другом идей, сфокусированных вокруг основополагающих ценностей. Этот тип идеологии находится в оппозиции господствующим институтам, и служат объединению своих приверженцев в секты или партии. Автор приводит в пример коммунизм, фашизм и некоторые разновидности национализма.

Во втором случае под термином «идеология» понимаются идеи и убеждения, являющиеся в некотором смысле искаженными или ложными. Второе понимание идеологии связано с марксистской традицией. То есть характер идеологии определяется экономическим устройством общества и в классовых обществах идеология искажается классовым интересом.

В третьем случае термин «идеология» используется для обозначения любой совокупности идей и убеждений, охватывающих различные сферы – от научного знания до религии и повседневных представлений о надлежащем поведении вне зависимости от того, истинны эти представления или ложны. При этом признается, что все идеи и убеждения социально детерминированы¹.

Таким образом, за все время исследования идеологии сформировалось несколько отличающихся друг от друга теорий и различных трактовок этого термина. Подробный обзор литературы по этой теме мы находим у А.Тузикова². Рассмотрев различные трактовки, мы можем выделить два крайне разных подхода к

¹ Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б.С. Социологический словарь / Пер. с англ. Под ред. С.А.Ерофеева. Казань, 1997. С.98-100.

² Тузиков А.Р Идеология в теоретическом измерении: между прошлым и будущим. М., 2005.

идеологии. Первый: это система взглядов, которая навязывается обществу некоторым количеством людей. Второй же подразумевает, что идеология представляет собой дискурс, то есть область унифицированной и структурированной практики использования языка, ограничивающей то, что может быть сказано и помыслено.

Рассматривая идеологическое выражение ислама в медиапространстве, мы не можем опираться только на одну точку зрения. Потому что если мы возьмем за основу первую теорию, то окажется, что любая религия – это навязанная кем-то идеология, которая меняется со временем, приспосабливаясь под нужды идеологов. Но полностью отрицать эту теорию мы тоже не можем, так как в любой религии существуют различные направления и течения, которые могут попасть под политическое влияние. Если мы возьмем за основу только второй подход, то получится, что любое проявление религии изначально идеологично, так как любая религия, несомненно, может быть рассмотрена как область систематизированной и структурированной практики использования символического языка.

Рассматривая идеологическое выражение ислама, мы примем во внимание обе точки зрения, за которыми может стоять соответствующий вид идеологического содержания. С учетом сказанного разделим на три вида идеологическое проявление религии в медиатекстах.

1) Идеологическое проявление через теоретический анализ и обобщение. Мы исходим из того, что любая попытка систематизации религиозных взглядов и выражение этого публично носит идеологический характер. В этом случае проявление культурного и идеологического содержания в том или ином тексте разделить очень трудно.

2) Идеологическое проявление как заблуждение. Это случай, когда религия проявляет себя через общественные стереотипы. Тогда идеология выступает чаще всего как «ложное сознание», не систематизированно, стихийно.3) Идеологическое проявление как манипуляция. Последний случай связан с действиями политических групп и профессиональных идеологов. С нашей точки зрения, основное различие между этими видами идеологического проявления в том, что в последнем случае мы имеем дело с манипулированием людей для достижения определенными группами политических целей.

С целью выявления идеологического содержания в медиатекстах об исламе обратимся к случайной выборке публикаций об исламе за один год – с января 2012 по февраль 2013. Этот период интересен для нас тем, что в информационном пространстве России еще не было темы, связанной с запрещенной в нашей стране террористической организацией ИГИЛ. Не было такой жесткой политизации образа ислама, развернутой после терактов, проведенных исламистами в различных странах. В выборку вошло 18 материалов, представляющих разные – зарубежные, федеральные, региональные – источники информации разной направленности. Публикации были получены через базу данных «Интегрум». Эта база данных включает в себя материалы из более, чем двадцати тысяч печатных изданий, телеканалов и блогов¹.

Обратимся к заметкам, опубликованным в печатных СМИ. Курсивом выделены заголовки. В скобках в конце текста указан источник.

«В Са растет число соблюдающих Рамадан. Людей интересует чистый ислам, без предрассудков, говорят эксперты. В

¹ Интегрум // URL: <http://www.integrum.ru/> (дата обращения: 10.04.2013).

Средней Азии число людей, соблюдающих пост в Рамадан, с каждым годом становится все больше и больше, отмечают эксперты. По их словам, это говорит о том, что все больше мусульман хотят найти истинный ислам без неверных толкований» («ЦентрАзия»).

«В Казани прошел обучающий семинар для журналистов по основам ислама. Основное внимание было обращено на ислам и общечеловеческие ценности. Сегодня в Республиканском агентстве по печати и массовым коммуникациям состоялся обучающий семинар для журналистов по основам ислама. Ученые рассказали об основах этой религии, акцентировав внимание на исламе и общечеловеческих ценностях» («Татар-информ»).

«Привязанный к исламу. Привязанный к исламу Канадский профессор Дэвид Рой Уолки, преподаватель английского языка в Университете им. короля Абдул Азиза в г. Джидда, объявил о принятии им ислама в штаб-квартире Всемирной ассамблеи исламской молодежи (г. Джидда) и произнес слова свидетельства перед заместителем руководителя программы призыва (даавата) Ассамблеи шейхом Абдулиляхом аль-Аджланом. Изменивший свое имя на Дауд профессор сказал, что пришел к исламу с полной убежденностью после познания и изучения этой религии» («Исламский мир»).

Мы видим, что события в этих заметках не носят политического характера сами по себе, и передающие их источники тоже не придают им политический характер. Однако по содержанию этих заметок, вырванных из общего контекста мировых событий, можно понять, что тема ислама находится в актуальном ряду. Она попадает в фокус внимания и верующих, которые «хотят найти чистый ислам», и государственных учреждений (Республиканское агентств по печати и массовым

коммуникациям), и журналистов, и общественных организаций (Всемирная ассамблея молодежи). То есть медиатексты, будучи открыты медиапроцессу, являясь частью его, уже не воспринимаются автономно от смыслов, которыми заполнен этот медиапроцесс, даже если сами тексты являются информационными заметками, лишенными комментариев. По отношению к исламу медиапроцесс идеологизирован: идет мировоззренческая борьба между подлинным исламом и суррогатами, которые распространяют экстремистские организации исламистов. В 2012-2013 годах накал этой борьбы не был очевиден для широкой российской аудитории. Однако ее ответ лежал на всех медиатекстах об исламе, представленных общественно-политическими русскоязычными СМИ. В большей степени, чем в информационных жанрах, это было видно в жанрах аналитических или жанрах развернутых интервью. Обратимся к примерам.

Публикация *«Р.Хайдаров: Взаимодействие религии и государства в Таджикистане - проблемы и перспективы»*. Этот материал представляет собой аналитическую статью. Автор рассказывает о влиянии ислама на политическую ситуацию в Таджикистане. «В последние годы в странах Центральной Азии и, в частности, в Таджикистане значительно возрос интерес населения, особенно молодежи к исламу, - отмечается в статье. - Это в первую очередь связано со сложной социально-экономической ситуацией и идеологическим, духовным вакуумом в таджикском обществе. Идеи светского, правового и демократического государства, которые провозглашены в таджикской Конституции, сегодня не всегда осуществляются в обществе».

По мнению автора, люди, не найдя поддержки от государства, обращаются к религии в поисках справедливости. Кроме того религия служит средством сплочения людей, а для молодежи это

еще и способ нахождения своей идентичности. Проблема, как считает Хайдаров, кроется в отсутствии квалифицированного светского образования: большинство молодых людей растут безграмотными, с узким кругозором и поэтому, посещая мечеть в поисках справедливости, они, возможно, могут стать объектом манипуляции со стороны религиозных деятелей.

Как мы видим, в этом материале поднимается вопрос отношений между государством и гражданами. Автор не касается культурных ценностей религии, он рассматривает ислам только в контексте общественной ситуации: «Ислам может играть роль инструмента в политической сфере, и с учетом социально-политической обстановки в центрально-азиатском регионе его роль в этом качестве будет возрастать. Возможно, это проецирует конфронтацию между светскими радикалами и религиозными группировками».

Точку зрения подобного рода мы можем также увидеть в материале *«Ариф Юнус: В перспективе Азербайджану не избежать исламской революции»*. Эта публикация представляет собой развернутое интервью с директором департамента конфликтологии Института мира и демократии (Баку) Арифом Юнусом. Юнус рассуждает о феномене исламской революции. Он, также как и Хайдаров, считает, что в ислам зачастую приходят люди, которые разочаровались в идеологии демократии и прозападных ценностях. Исламская революция, с точки зрения специалиста по конфликтологии, это – когда шариат, правовой документ мусульман, становится одним из главных законов страны. Но он предполагает, что Азербайджан все-таки пойдет по тому же пути, что и Турция, которая считается исламским государством, но религия в нем отделена от светской власти. Исламская революция,

– считает директор Института, – возможна из-за неправильной политики властей.

«Я изучил очень много судебных процессов относительно верующих. Наши власти, особенно в провинциях Азербайджана, зачастую арестовывают не тех, кто являются радикалами, а рядовых верующих, которых потом представляют общественности как “радикалов” и “террористов”. И достаточно, особенно в регионах страны, чтобы ты ходил в коротких брюках и имел бороду, и тебе запросто полицейский может сбрить бороду или подбросить в карман наркотик, а то и огнестрельное оружие. А это может привести только к одному – увеличению числа радикалов. Вот эта политика репрессий со стороны властей Азербайджана приводит уже к тому, что даже далекие от политики люди начинают занимать достаточно радикальную позицию и на каком-то этапе, когда может произойти социальный взрыв, и верующие в ислам могут сыграть значительную роль», – делает эксперт вывод.

Следующим мы рассмотрим аналитический материал французской газеты *Le Monde* «*Почему разрастается исламофобия?*». В ней заявляется: «Успех ультраправых во Франции и их превращение в "национальную правую силу", отказывающуюся, по крайней мере, на словах, от "любых форм ксенофобии, расизма и антисемитизма", делая при этом боевую ставку на борьбу с мусульманской иммиграцией, перекликается с прорывом похожих политических образований по всей Европе».

В этой публикации, также как и в предыдущих материалах, ислам упоминается в контексте социально-политической обстановки. Автор статьи рассказывает о росте антиисламских настроений в Европе и о антиэмигрантской политике некоторых политических партий. Причину роста антиисламских настроений в Европе автор также объясняет распространением среди мусульман

исламского экстремизма и джихадистского салафизма. Отображаются разные точки зрения на ситуацию в Европе. По мнению эссеистов Дэниэла Пайпса (Daniel Pipes), Аяан Хирси Али (Ayaan Hirsi Ali), Мелани Филипс (Melanie Phillips), Марка Стейна (Mark Steyn), Бернарда Льюиса (Bernard Lewis), Брюса Боуэра (Bruce Bawer), а также Роберта Спенсера (Robert Spencer), директора сайта Jihad Watch, Европейский союз вскоре будет поглощен экспансионистским арабским миром. Это случится благодаря массивной арабской иммиграции, которую поощряет мультикультурная элита. В противовес такой точке зрения приведено мнение религиозного антрополога Малека Шебея. Он считает эту исламофобию «отставшей от жизни», не замечающей разнообразия культуры мусульман в 2010-е годы. «"Большинство мусульманских стран азиатской зоны, самые густонаселенные из них, живут мирным исламом, – утверждает он. – И хотя на Востоке или в Пакистане и остались анахроничные группировки талибов, мусульманская планета не представляется мне охваченной огнем и залитой кровью. Я также вижу повсюду параллельные примеры модернизации».

Таким образом, автор затрагивает проблему, актуальность которой растет благодаря активности медиасферы по заданной теме: проблему исламофобии. Ее причинами являются: страх перед террористическими актами, страх межэтнических конфликтов, реальные столкновения иммигрантов и местного населения. В рассмотренных выше материалах мы видим отсылки к первому и второму источнику исламофобии. Это, как мы видим, идеологизирует журналистский материал.

На третий источник исламофобии (реальные конфликты иммигрантов и местного населения) указывает публикация «Ф.Плещунов: *Ислам в современной Испании. Мечта о*

возрождении Аль-Андалуса». Здесь объектом внимания становится конфликт на религиозной почве между иммигрантами и местным населением. Конфликт заключается в том, что немалое число адептов ислама иммигрировавших из стран Центральной Азии решило затеять в стране культурно-религиозный передел. «Сегодня испанское общество слышит со стороны исламских общин все больше требований, основные из которых касаются возвращения построенных еще во времена Аль-Андалуса мечетей, по итогам Реконкисты в большинстве случаев преобразованных либо в католические соборы, либо в памятники культурного наследия». Аль-Андалус – название, под которым была известна Испания во время мусульманского владычества в Средние века.

Плещунов находит подобные требования абсурдными, тем более что количество мечетей в Испании сегодня и так растет. «Тем не менее, кое-кто из мусульман явно не готов с этим согласиться, отмечает он. – В 2010 году несколько туристов-мусульман из Австрии, посетившие собор в Кордове в рамках экскурсии, решили там совершить намаз. Двое представителей охраны собора, предложившие им прервать намаз и продолжить экскурсию, немедленно были избиты правоверными. Если те, кто считает себя мусульманами, уже вчера ведут себя таким образом в пока еще католическом соборе, то чего же испанцам следует ожидать в случае, если они согласятся вернуть мечеть? – задается вопросом автор. – Быть может, летальных экзекуций христиан, случайно забредших в любое скопление суннитов, подобных тем, что время от времени практикуются сегодня в Пакистане (где частью суннитского большинства, фактически, объявлена охота еще и на шиитов)?»

Приведенная выдержка из материала говорит в пользу того, что перед нами – идеологическое выражение ислама. Плещунов

считает, что случаи, подобные тому, который он описал, возникают из-за того, что религиозное учение искажается радикализмом и предрассудками. Тем самым автор статьи отделяет идеологию от культурных ценностей ислама. В этом материале идеология проявляется в позициях участников конфликтов, которые автор описывает как ложное сознание. Вывод он делает следующий: «Так что ради всеобщего блага, нет, прежде всего, ради блага самих мусульман и ислама, пусть храмы останутся храмами, а мечети останутся мечетями».

Схожесть рассмотренных нами материалов в том, что, либо действующие лица, если они являются духовными лицами и учеными, либо сам автор намеренно отделяют культурные ценности ислама от политической ситуации в стране и конфликтов на религиозной почве.

В подтверждение нашего наблюдения следующий материал под названием *«Американский имам Яхья Хенди: “Исламское государство может быть атеистическим”*». В этой публикации имам Яхья Хенди отвечает на вопросы, касающиеся политики и религиозных ценностей. Приведем характерный отрывок беседы.

«— Еще недавно религию от государства однозначно отделяли. Но многие исследователи – скажем, в Иране – склонны рассматривать ислам как совокупность социально-экономических отношений. Должен ли ислам становиться частью государственной идеологии?»

– Я сторонник того, что духовное правительство и власть должны быть разделены. Государство не должно быть вовлечено в определение того, что является, а что не является религией. Политики – они люди. У некоторых из них есть свои религиозные предпочтения. Таким образом, их политика пропитана их религией. Для меня светскость означает свободу религии или религий. Страна

не может принять одну религию за счет других или создавать особые условия для одной религии – опять же за счет других».

В этой же публикации имам проясняет причину идеологизации ислама в наши дни. Идеологизации религии способствуют усилившиеся экстремистские течения, которые выступают от имени ислама, и поэтому верующие вынуждены им противостоять, втягиваясь в идеологический дискурс. В нем, в отличие от дискурса культурного, эмоции, чувства включаются в мировоззренческие позиции, сопровождаются активными действиями или призывом к ним. Вернемся к высказываниям имама:

«Ваххабизм – довольно маленькое движение. И я, как и львиная доля мусульман, не смотрим на ислам глазами ваххабитов. Экстремизм, который совершается ваххабистским течением, нельзя поддерживать. Я считаю, что мусульмане должны выступать против ваххабизма и религиозного экстремизма гораздо громче представителей других религий. Можно сказать, что ислам был "похищен" экстремизмом во имя своих целей. И я как имам заявляю: хватит терпеть, нужно вернуть исламу его прежнее светлое имя!».

Таким образом, в аналитических материалах об исламе мы находим проявления разных типов идеологии. Идеология как ложное сознание преподнесена в виде:

- 1) описаний заблуждений людей, втянутых в межрелигиозное противостояние и конфликты;
- 2) в описанных журналистами экстремистских действиях фанатичных адептов ислама.

Идеология как система взглядов проявляется в рассмотренных нами аналитических материалах в виде позиций лидеров мнений, к

которым можно отнести духовных лиц и ученых, политиков и известных журналистов.

Нужно отметить, что журналисты играют в этом ряду не последнюю роль. Для примера приведем материал *«М.Марсонет: Выбор между диктатурой и исламом. Претензии на экспорт демократии представляют собой тяжелейшую ошибку»* («Il Legno Storto», Италия).

В поле зрения итальянского журналиста Мигеле Марсонета – сложная проблема отношения к Сирии и ее правителя, снискавшего славу диктатора. Автор рассуждает о том, что «Тот, кто сегодня проявляет сомнения по поводу необходимости того, чтобы Европа и Соединенные Штаты способствовали падению Асада в Сирии, рискует прослыть провокатором. Подобные сомнения выходят за рамки политической корректности, и известно, что эти рамки - довольно определенные. Беда тому, кто их нарушает, результатом будет политическое и культурное отторжение. Сирийский президент – безжалостный диктатор, который не останавливается перед убийством своих сограждан, лишь бы удержаться у власти. Следовательно, Запад должен внести свой вклад, чтобы демократия восторжествовала везде, где только возможно».

В этой значительной по объему статье объектом критики являются сторонники экспорта демократии, в том числе администрация США: «...проблема заключается в том, что Запад намерен "экспортировать" либеральную демократию, только потом отдавая себе отчет, что это не происходит автоматически в политическом и культурном аспектах, которые имеют тысячелетние традиции, зачастую прямо противоположные демократии»

Автор обращается также к политикам Италии. Он опирается на книгу С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций». Таким образом, мы видим, что эта публикация претендует на внимание хорошо подготовленной аудитории, а ее автор – на включение в ряды лидеров мнений.

Несмотря на то, что средства массовой информации, как лицензированные организации с профессиональным штатом сотрудников, несут ответственность перед законодательством своих стран, тесное сближение их с форматами Интернета может превратить рядового пользователя в жертву дегуманизированных коммуникаций. Речь о том, что даже если сами авторы публикаций, поднимающие тему религии с целью просвещения, развенчания существующих стереотипов, а также их рядовые читатели далеки от обличительной риторики, она может проявиться в комментариях непозитивно настроенных пользователей. Их определенный процент уже «задан», сформирован на других медиаплощадках сферы риска.

Наблюдения показывают, что провоцирующими к негативной реакции становятся зачастую выступления религиозных лиц, которые от привычного канона проповеди переходят к рассуждениям на светские, мировоззренческие темы. Для примера приведем две публикации 2016 года, появившиеся в популярном в Казани Интернет-издании «Бизнес-Онлайн», которое активно освещает тему конфессиональных отношений. Первый материал подготовлен на основе выступления в рамках рождественских парламентских встреч в Совете Федерации на секции «Воспитание и образование: духовно-нравственные аспекты» митрополита Казанского и Татарстанского Феофана. Публикация появилась в «Бизнес-Онлайн» 31 января с красноречивым подзаголовком: «О соблюдении балансов в республике, отсутствии у школьников

желания действовать для улучшения ситуации в стране и Арнольде Шварценеггере»¹. В своей речи митрополит Феофан рассуждает о снижении патриотизма у школьников, о православных ценностях. Он приводит данные исследования, согласно которому популярные герои книг и боевиков более узнаваемы в среде подростков, чем исторические личности.

Пользователи Интернета, которые оставили 164 комментария под публикацией, восприняли речь митрополита по большей части негативно. Слова священнослужителя оценивались как «мракобесие». Подобная реакция отчасти объясняется тем, что рядовые члены общества полагают, что религия не должна вмешиваться в дела государства, в частности, в образовательный процесс. Именно эта позиция проявлялась у агрессивно настроенных авторов комментариев. Наиболее часто употребляемые слова и выражения в комментариях: «не лезьте», «у нас светское государство», «церковь хочет восстановить влияние», «религия должна быть отдельно от школ». Общий настрой Интернет-пользователей свидетельствует, что они представляют собой тех, кого нельзя отнести к верующим, а способы выражения их недовольства обнаруживают у них отсутствие культуры ведения дискуссии по теме религии.

Вторая статья за авторством Рустама хазрата Батыра «Среди мусульманок есть боксеры, имамы и панки»² рассказывает о достижениях женщин-мусульманок в разных странах. Основная мысль статьи заключается в том, что ислам развивается и что

¹ См.: Митрополит Феофан: «Вот в Татарстане, мы тоже знаем, что непростой регион...» // Бизнес-Онлайн: Деловая электронная газета Татарстана // URL: http://www.business-gazeta.ru/article/300680/?utm_source=search (дата обращения: 1.02.2016).

² Среди мусульманок есть боксеры, имамы и панки // Бизнес-Онлайн: Деловая электронная газета Татарстана // URL: http://www.business-gazeta.ru/article/303838/?utm_source=search (дата обращения: 3.03.2016).

женщина в современном исламе не является ущемленной в правах. Как пример автор приводит женщин летчиц, женщин имамов, рассказывает о наличии женского исламского панк-рока. Автор задавался целью развенчать существующие мифы и стереотипы об исламе. Публикация вызвала интерес. Однако 104 комментария обнаружили устойчивую часть пользователей, у которых эти стереотипы только активировались. Диалог в ленте комментариев представляет собой спор сторонников и противников ислама. Основная мысль, проводимая у негативно настроенных участников: «ислам – то же самое, что террористическая организация ИГИЛ». Отрадно, что сторонники ислама не переходили на ответную агрессию, предлагая оппонентам самим ознакомиться с вероучением ислама, прежде чем делать однозначные негативные выводы.

Кто несет ответственность за формирование такого контента? Помимо личной ответственности субъекта высказывания, ответственность несут средства массовой информации, иные информационные ресурсы (паблики) которые осуществляют формирование колонок своих новостей и модерацию комментариев к материалам. Стремление источника информации осуществить вброс в аудиторию сенсационных сообщений оказывается зачастую сильнее, чем забота о том, чтобы избежать риска исламофобии у этой аудитории. Причина видится в том, что сами работники редакций подвержены влиянию этих рисков. Они являются представителями населения, мало отличаются от него в том, что касается мировоззренческих вопросов. Указывая на сложный состав обыденного сознания, В.В. Ученова отмечает, что в нем присутствуют натуралистические и ценностные компоненты, конкретно-образные представления, реалистические и фантастические обобщения, традиционные и личностные

предрассудки, эмпирические знания, практические навыки в их мыслительной фиксации¹.

Ученые гуманитарии делают вывод о неготовности секулярного общества к равноправному диалогу с верующими². Данная ситуация носит международный характер. Размышляя о появлении в СМИ интолерантных смыслов, И.М. Дзялошинский указывает, что в их основе не всегда лежит прямо выраженная речевая агрессия. Выбирая тему своего будущего выступления, журналист изначально, по мысли этого автора, стремится к такому событию, такому сюжету, который несет в себе мощный заряд конфликта, легко обеспечивающего разделение его участников на «хороших» и «плохих»³. В этой связи данный автор предлагает, изучая проблему толерантности, перейти к изучению к «образов вражды» как устойчивой совокупности представлений и когнитивных структур, координирующих и регулирующих отношения индивида с явлениями внешнего мира. При формировании текстов «образы» проявляются как набор ожиданий, в соответствии с которыми усматриваются, отбираются, группируются и комментируются факты⁴. С нашей точки зрения, «образы вражды» в профессиональном сознании журналистов по отношению к исламу являются признаком идеологизации этого сознания. В медиатекстах, ориентированных на массовое сознание, это выражается в негативных стереотипах, которые определяют движение сюжета и позицию автора материала.

Наблюдения показывают, что в социальной сети наиболее обсуждаемыми становятся посты на Интернет-ресурсах (пабликах),

¹ Ученова В.В., Шомова С.А. Полифония текстов в культуре. С.195.

² Медиа накануне постсекулярного мира. Коллективная монография / Под ред. В.А.Сидорова. СПб.: ИД «Петрополис», 2014.

³ Дзялошинский И.М. Российские СМИ: как создается образ врага. Статьи разных лет. М., 2007. С.73.

⁴ Там же.

которые ссылаются на СМИ. Пользователи в этом случае читают журналистский материал, который отображен в социальной сети. Очевидным примером того, как одним сообщением можно поднять волну образов вражды, служат последствия шокирующей новости о «няне-убийце», потрясшей общественность 4 марта текущего года. Факт криминальной хроники оброс подробностями именно в Интернет-СМИ, сообщивших и о том, что женщина-убийца в момент задержания была одета по-восточному, и что она уроженка Узбекистана, и что она выкрикивала такие фразы как: «Аллах вас покарает» и «Аллах акбар». На видеохостинге Youtube было вывешено видео ее движения около метро. Все это вместе с многочисленными сообщениями СМИ дало повод для эмоциональных комментариев Интернет-пользователей, Их мнения выражали шок по поводу события, были проникнуты образами вражды, содержали прямую речевую агрессию против ислама. Высказывались также претензии к власти по поводу миграционной политики, выражалось негативное отношение к «гастарбайтерам» из стран Средней Азии, страх перед террористическими атаками. Негативные высказывания в адрес ислама были во многом продиктованы существующими стереотипами и предрассудками. Таким образом криминальная новость с совокупностью комментариев к ней затронула политический, национальный и религиозные дискурсы. Все это отодвинуло на задний план информацию о том, что подследственная раньше наблюдалась у психиатра, что инициирована психиатрическая проверка на ее вменяемость.

Таким образом, профессиональное сознание журналистов, пишущих на тему религии, сегодня работает в соответствии с такой нормативной теорией прессы как теория социального участия. Роль

журналиста ограничивается трансляцией установок и стереотипов обыденного сознания, он сам является их носителем.

Между тем, публикации, которые так или иначе затрагивают тему религии, тему межконфессиональных отношений должны быть выведены из ряда тематических направлений, которые могут служить популяризации информационного источника и его рейтингам. Важные для нравственного здоровья нации темы должны стать прерогативой качественной журналистики, эрудированных, грамотных медиаспециалистов, не подверженных влиянию обыденных стереотипов. В России эту ситуацию государство пытается регулировать административными и правовыми методами, а также поощрением качественных медиатекстов по вопросам этноконфессиональных отношений через организацию профессиональных конкурсов.

Примером может послужить ежегодный Республиканского журналистского конкурса на лучшее освещение в средствах массовой информации Республики Татарстан вопросов межэтнических и межконфессиональных отношений. Организатором конкурса является республиканское Агентство по печати и массовым коммуникациям «Татмедиа». В состав конкурсной комиссии входят представители профильных ведомств, эксперты в области журналистики и массовой информации, специалисты по вопросам межэтнических и межконфессиональных отношений. В задачи конкурса входит популяризация освещения в средствах массовой информации различных аспектов развития и взаимодействия культур, этносов и религий, положительных примеров межкультурного и межрелигиозного диалога и сотрудничества; освещение мероприятий, проводимых органами государственной власти и общественными организациями по противодействию экстремизму и терроризму; формирование в

обществе культуры межэтнического и межконфессионального мира и согласия¹. Как показывает практика, данный конкурс стимулирует работу в заданном направлении именно тех журналистов, которые представляют СМИ, включенные в ООО «Татмедиа». СМИ, которые не находятся под влиянием государства, в большей степени подвержены идеологии сети Интернет.

Очевидно, что сами журналисты должны принять на себя определенные правила освещения тех или иных тем. В России нормативная теория социально ответственной прессы представлена слабо. В качестве положительного примера можно привести Общественную коллегия по жалобам на прессу, которая уже более десяти лет рассматривает информационные споры между аудиторией, героями публикаций и СМИ². Среди них не часто, но встречаются конфликты, вызванные формами подачи темы религии в СМИ. Подробнее об этом будет сказано в третьей главе данной монографии.

Таким образом, можно заключить, что современные медиатексты об исламе, публикуемые в общественно-политических СМИ, открыты медиапроцессу, который структурирует их идеологически. В этой связи даже лаконичные информационные жанры не могут выполнять исключительно функцию информирования: общий политизированный дискурс, в который сегодня включена тема религии, придает информации в заметках

¹ См.: Положение о проведении Республиканского журналистского конкурса на лучшее освещение в средствах массовой информации Республики Татарстан вопросов межэтнических и межконфессиональных отношений. Утверждено распоряжением руководителя Республиканского агентства по печати и массовым коммуникациям «Татмедиа» № 104-р от 25.08.2014 // Архив авторов.

² См.: Общественная коллегия по жалобам на прессу / URL: <http://presscouncil.ru/> (дата обращения: 21.12.2015).

дополнительные смыслы. Поэтому можно говорить о конвергенции нормативных теорий прессы на данном тематическом направлении.

Основными теориями, которые проявляют себя в медиатекстах о религии, являются теория социального участия и авторитарная теория прессы. Обе проявляют себя через различное идеологическое содержание. Теория социального участия проявляет себя через идеологические стереотипы, которые дают о себе знать по отношению к исламу и в профессиональном сознании журналистов, и в комментариях к публикациям пользователей сети Интернет. Негативные стереотипы об исламе выступают в данном случае как «ложное сознание». Авторитарная теория прессы в глобальном медиапространстве проявляет себя через участие государств в политизации дискурса религии, через рациональные идеи, которые распространяются в интернациональной медиасфере. В российских СМИ авторитарная теория проявляет себя через государственный контроль, который эффективен для источников, находящихся под влиянием власти.

Представляется, что вопросы освещения этно-конфессиональной проблематики должны стать предметом общей информационной политики в стране. Публикации о религии необходимо вывести из ряда рейтинговых и скандальных тематических направлений. Эти темы должны стать прерогативой качественной журналистики, эрудированных, грамотных журналистов, действующих в соответствии с теорией социальной ответственности прессы, провозглашенных ею принципов профессиональной этики журналиста.

Нами рассмотрены два типа идеологического содержания в медиатекстах об исламе – рациональное идеологическое содержание в медиатекстах, представленное через систематизацию взглядов о религии, и представленное через заблуждение. Третий

тип идеологического содержания – манипуляция, проводимая профессиональными политтехнологами и идеологами, будет рассмотрена в следующем параграфе.

§2. Язык вражды как дисфункция медиатекстов об исламе

В задачу данного параграфа входит рассмотрение коммуникативных стратегий и рисков, которые несут в себе медиатексты о псевдоисламе.

Основной площадкой их распространения являются сети Интернет. Рассматривая роль социальных сетей в жизни современного общества, социолог Мария Филь указывает на их открытость всякого рода манипулятивным практикам. В таком тематическом сегменте это тоже становится возможным потому, что вера, которая могла бы противостоять влияниям извне, зачастую уступает место так называемой ритуальной религиозности. По мнению М.Филь, ритуальная религиозность является следствием того, что современное общество, объявив после Второй мировой войны высшей ценностью свободу, узаконило таким образом в равных правах все мировоззренческие системы. А это означает, что ни одна из них не может претендовать на истинность, на исключительность. Между тем, именно убежденность в истинности своей веры и является смысловым стержнем мировоззрения. Освобождение от этого стержня оставляет только поверхностную ритуальность, которая по большому счету ни к чему не обязывает¹.

¹ Филь М.С. Социальные сети: Новые технологии управления миром. М., 2016. С.16-17.

То же самое можно сказать и о либертарианской теории прессы. Свобода ради свободы ведет, как было показано в первой главе, к появлению таких феноменов, как «Шарли Эбдо». В сочетании теорией социального участия такой «коммуникативный гибрид» создает условия для жесткой идеологизации медиатекстов о религии, для проникновения в них содержания экстремистского толка. В таком случае функция форума (социального участия) в СМИ и функция психического регулирования¹ – становятся своей противоположностью, происходит их дисфункция.

Такого рода тексты, которые в реальности представляют не тему религии, а ее суррогат, псевдоислам, трудно соотносить с нормативными теориями прессы. Теории прессы, несмотря на свое различие, формировались с верой в человека, тогда как медиатексты о псевдоисламе представляют человеконенавистническую идеологию. В то же время эти тексты нельзя игнорировать, потому что они спекулируют на реальных потребностях людей. Поэтому их можно в определенной степени отнести к крайнему, абсурдному выражению таких теорий, как теория социального участия и теория свободы слова (либертарианская нормативная теория прессы). Именно они воплотились в такую рыночную модель глобального курсирования информационного продукта, когда сам контент оказывается не важен. Важны технологические характеристики текста, благодаря которым он вбрасывается в «топовую» десятку тем². Террористическим организациям экстремистского толка это и надо для распространения языка вражды на широкую аудиторию.

Язык вражды – так принято обобщать все языковые средства выражения резко отрицательного отношения «оппонентов» –

¹ См. о функциях: Фомичева И.Д. Социология СМИ. С. 85-117.

² Филь М.С. Указанная работа. С. 192.

носителей иной системы религиозных, национальных, культурных или же более специфических, субкультурных ценностей¹. Язык вражды включает в себя любые некорректные высказывания в адрес этнических и конфессиональных групп², а также всю совокупность медатекстов, их вариаций и элементов –заголовков, фотографий, карикатур и т.п., – прямо или косвенно способствующих возбуждению национальной или религиозной вражды или хотя бы неприязни. Язык вражды может возникнуть в тексте случайно, то есть автор не вкладывал намеренно того смысла, который, как получается в итоге, несет текст. Язык вражды также может возникнуть умышленно, когда автор сообщения поставил цель выразить свое резко негативное отношение. В случае умышленного применения языка вражды есть вероятность того, что сообщение является провокационным и рассчитано на отрицательную эмоциональную реакцию читающего. Если мы воспользуемся моделью сценариев, которую приводит Дзялошинский, то увидим, что сообщение с языком вражды активизирует в сознании человека негативный доминантный сценарий (*δ-сценарий*). Итогом выполнения *δ-сценария* является агрессия или страх.

Запрет на разжигание межнациональной и межрелигиозной розни существует в законодательных актах многих государств. В Российской Федерации это 13 статья п.5 Конституции РФ. «5. Запрещается создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности

¹ Язык вражды в российских СМИ: гендерное измерение // URL: <http://www.owl.ru/win/womplus/2002/denisova2.htm> (дата обращения: 5.02.2016).

² Прикладная конфликтология для журналистов М.: Права человека, 2006. С.95.

государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни»¹.

В 2005 году руководитель исследовательской группы Информационно-аналитического центра «Сова» А.Верховский отмечал, что в мониторинге российской медиасферы, который их центр ведет с 2001 года, религиозно ориентированный язык вражды (т.е. направленный на конфессионально определяемые объекты) встречается не так уж часто по сравнению с языком вражды, ориентированным этнически. По данным их исследовательской группы, даже после захвата заложников в «Норд Осте», осуществленном не только под сепаратистскими, но и под исламскими лозунгами, доля высказываний, интолерантных по отношению к исламу и мусульманам, была довольно мала: чуть больше 5% высказываний, поддерживаемых авторами публикаций, а всего – менее 4%². Сегодня ситуация в информационно-тематической повестке дня российской медиасферы существенно изменилась. По данным мониторинга Информационно-аналитического центра «Сова», в 2015 году в шестидесяти регионах страны 199 процессов завершилось обвинительными приговорами за ксенофобскую пропаганду³.

По отношению к религии проявления языка вражды можно разделить на несколько категорий:

¹ Конституция Российской Федерации // URL: constitution.ru/10003000/10003000-3.htm (дата посещения: 10.03.2015).

² Верховский А. Религиозная интолерантность и язык вражды / Язык вражды в обществе, политике и СМИ: Материалы конференции. М.: Центр развития демократии и прав человека, 2005 // Сова: Информационно-аналитический центр. URL: <http://www.sova-center.ru/hate-speech/publications/2004/11/d3021/> (дата посещения: 3.04. 2016).

³ Расизм и ксенофобия. Декабрь 2015. Предварительные итоги года // Сова: Информационно-аналитический центр. URL: <http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/publications/2015/12/d33572/> (дата обращения: 5.02.2016).

1) Прямое оскорбление. Оскорбление может быть нанесено как мусульманину, так и приверженцу другой веры со стороны фанатичных адептов ислама.

2) Провокационное сообщение. Сообщение, которое не несет в себе прямого оскорбления, но неизбежно вызовет негативную реакцию. Провокационным сообщением может быть не только текст, но и фотография с комментарием, искажающим смысл изображения, а также видеоряд. Цель авторов подобных сообщений не только вызвать отрицательные эмоции у верующих, но и спровоцировать фанатиков на ответные оскорбления, тем дискредитировав всех мусульман.

3) Создание условий для межрелигиозных конфликтов в виде сетевого ресурса. В данном случае создатель ресурса поощряет создание провокационных тем на форуме и модерировать форум исходя из интересов провокаторов.

4) Ресурс, который несет в себе скрытую идеологию, прикрываясь культурными ценностями. Подобного рода сайты могут принадлежать сектам. На них могут быть размещены «проповеди», скрыто настраивающие слушателей на нетерпимость к людям другой веры. Цитаты из священных книг могут быть использованы в другом контексте и интерпретированы по-другому. Люди, не имеющие религиозного образования, могут попасться в подобную ловушку.

Рассмотрим проявления языка вражды в социальной сети ВКонтакте. Алгоритм поиска сообществ содержащих язык вражды, такой же, как и при поиске сообществ, объединяющих приверженцев ислама, то есть вводим ключевое слово «ислам» в поисковую строку. В данном случае в нашем поле зрения - сообщества с небольшим количеством участников.

Приведем примеры. Страница «Правда об исламе»¹. Здесь язык вражды виден по изображению – аватару группы. Символы ислама - полумесяц и пятиконечная звезда – выбрасываются на рисунке в мусорную урну, в которой лежит символ фашизма свастика. Ислам в данном случае сравнивается с фашизмом.

Проявление языка вражды по отношению к исламу, к его представителям в лице шиитов и суннитов нередко можно встретить в комментариях, оставляемых под публикациями СМИ и в диалогах на формах. Анализ показывает, что подобные диалоги, в которых солидаризируются те, кому ислам ненавистен, играют роль негативной идентичности, т.е. формирования «мы» в противостоянии чему-то или кому-то.

Нередко медиатекст, содержащий язык вражды, формируется посредством объединения двух фрагментов, в результате чего рождается иной, негативный смысл. К примеру, публикуется сообщение о строительстве мечетей: «В Европе полным ходом идет строительство мечетей. От Бельгии до Греции, от Испании до Германии 2013 г. обещает стать рекордным по числу строящихся исламских культовых сооружений». Совсем иной смысл придает этому сообщению злоеца картинка рядом. Назовем это псевдокультурным выражением ислама.

Следующим примером распространения языка вражды может послужить группа «ВКонтакте» «Жуткая правда об исламе»². В этой группе язык вражды мы видим в первом же сообщении: «"Такийя", или мимикрия мусульманских правдолюбцев в поздний период предджихадья».

¹ ВКонтате // URL: http://vk.com/truth_about_islam (дата обращения: 15.03.2013).

² ВКонтате // URL: http://vk.com/anti_islam (дата обращения: 15.03.2013).

Другой пример сообщения на этой же странице. В нем говорится о пророке Мухаммаде: «В истории было много убийц, грабителей и сексуальных хищников. Были даже те, кто утверждал, что помазаны на это Богом... Но был только один человек, который сделал из этого религию».

В фотоальбомах представлено большое количество карикатур, содержащих в себе прямое оскорбление верующих мусульман.

Подобной же тематики придерживается группа «Правые против экспансии ислама в России»¹. Язык вражды прослеживается в описании группы. Обращает на себя внимание то, что текст написан с ошибками: «Ислам является проблемой для России. Ислам это войны, теракты, преступность, человеческие жертвы. Ислам это дорогостоящие, удушающие меры безопасности для нашего государства. Ислам это отрицание Российского законодательства и стремление к шариату и сепаратизму. Ислам это агрессивное, надменное поведение лиц исповедующих эту "религию". Республики и территории, поражённые исламом, экономически депрессивны и являются дотационными. Мы против экспансии ислама в России». Текст написан с грубыми грамматическими и стилистическими ошибками.

Случается, что на подобных сайтах вывешиваются видеоролики, содержащие шок-контент в виде происходящей смерти, и все это сопровождается циничным комментарием за кадром.

В следующем сообщении еще одно сравнение ислама с фашизмом: «Необходимо признать Ислам религиозной сектой, не принимающей общечеловеческих моральных законов, исповедующих принципы убийства одних групп людей другими по религиозному и иному мировоззрению. Запретить рекламу в любом

¹ U ВКонтакте // RL: <http://vk.com/islamkiller> (дата обращения: 15.03.2013).

виде Ислама и его сторонников, постройку мечетей и учебных заведений для подготовки служителей культа Ислама. Другого выхода нет, этот "зеленый фашизм" привлекает все больше людей, ограниченных в своем нравственном и интеллектуальном развитии».

Подобного рода страницы весьма похожи друг на друга. Сообщества ВКонтакте призваны объединять людей со схожими взглядами. В данном случае предметом объединения становится ненависть к исламу. Язык вражды в этих сообществах проявляется во всех перечисленных нами видах, таких как: прямое оскорбление; сообщение-провокация; запугивание. Эти сообщества и их информационные ресурсы находятся вне правового поля, срок их существования недолог.

Провокация является одной из наиболее опасных технологий воздействия на сознание человека.

Подобные сообщества могут возникать, с одной стороны, по инициативе конкретных пользователей, на основе стереотипов об исламе и, как следствие, будут являться идеологическим выражением агрессивного отношения к религии как ложного сознания. Как правило, в такие группы объединяются социальные маргиналы или психологически неустойчивые личности. С другой стороны, создание сообществ с языком вражды может являться частью политического плана. И тогда над таким проектом, целью которого является провокация, стремление вызвать негативную реакцию у верующих, работают профессиональные медиаспециалисты. В этом случае мы имеем дело с жестким идеологическим манипулированием. Однако эффект воздействия подобных страниц, на наш взгляд, довольно низок. Дело ограничивается конфликтами в сети и не становится известным общественности.

Очевидно, что и в том, и в другом случае медиатексты, распространяющие язык вражды, отражают групповое, даже сектантское мышление, для которого характерны конформизм участников, внушаемость, уход от индивидуальной ответственности, а также групповая поляризация, когда изначальные установки, - как положительные, так и отрицательные, - став установками группы, усиливаются¹. То есть агрессивность по отношению к «Другому» у неблагополучных членов общества находит оправдание в групповых действиях и при этом становится выше. Все это отражает характер деструктивных медиатекстов, которые, как мы видим, не имеют никакого отношения к религии.

Рассмотрим случай, когда конфликт вышел за пределы всемирной паутины и оказался на первых полосах газет во многих странах. В сентябре 2012 года произошло нападение на американские посольства в странах Ближнего Востока. Причиной стал появившийся на сайте Youtube.com фильм «Невинность мусульман». В фильме содержится множество проявлений языка вражды.

Сюжет фильма начинается с того, что «банда мусульман», вооруженных топорами и дубинами, грабит аптекарскую лавку. Жена аптекаря спрашивает, почему же мусульмане нападают на мирных жителей. Аптекарь пишет на доске «формулу», приравнивающую мусульманина к террористу. Далее сюжет переходит к рассказу о жизни пророка Мухаммеда. Пророк представлен создателями фильма, как жестокий тиран, не признающий другие религии, кроме ислама. Ислам же, по замыслу сценаристов фильма, есть «бредовая идея» Мухаммеда.

Фильм «Невинность мусульман» сам по себе является провокацией. Если опираться на модель сценариев, описанных

¹ Майерс Д. Социальная психология. СПб.: Изд-в «Питер», 2000. С. 375.

Дзялошинским, то в фильме однозначно присутствуют негативные *д-сценарии*. При этом создается впечатление, что фильм должен максимально оскорбить верующих мусульман, – язык вражды в разных формах последовательно транслируется с экрана. Высмеиваются культурные ценности верующих. Демонстрируются негативные стереотипы об исламе и предрассудки.

Подобного рода медиатексты с языком вражды достаточно давно существует в сети Интернет в разных формах. Однако другие формы антиисламского языка вражды не вызвали такого резонанса в обществе, как фильм «Невинность мусульман». Очевидно, бурная реакция общественности связана с тем, что здесь мы можем заметить заранее спланированную акцию. В странах Ближнего Востока и Центральной Азии почти нет Интернета и сравнительно небольшое количество людей знает английский язык. Фильм был переведен на арабский язык и «доведен» до широкой аудитории именно к 11-му сентября, годовщине терактов в Нью-Йорке, когда версия взаимосвязи этого трагического события с исламистскими экстремистами прозвучала на весь мир. Информация о фильме распространилась подобно эпидемии. Итогом стали нападения разъяренной толпы мусульманских фанатиков на американские посольства и гибель послов Соединенных Штатов в мусульманских странах. Усилил напряжение в публичном пространстве отказ сайта Youtube удалить видео под предлогом свободы информации. Многими этот отказ был воспринят как политический ход США против исламского мира. Несколько стран Ближнего Востока блокировали доступ к Youtube.

В фильме «Невинность мусульман» были использованы опасные и высокоопасные технологии воздействия на сознание аудитории. К опасным технологиям относится провокация. К высокоопасным относится технология социальной индукции. В

данном случае «социальная индукция» проявилась в том, что за ситуацией вокруг фильма следил весь мир и негативные сценарии, заложенные в нем, вовлекли в эту тему не только верующих мусульман.

Сделаем предварительный вывод. Медiateкст «Невинность мусульман» является не только проявлением языка вражды, он также стал идеологическим выражением отрицательного образа ислама в публичном пространстве. Можно быть уверенным, что за созданием фильма, его переводом и передачей в страны Ближнего Востока стоит группа политтехнологов, политиков, заинтересованных в негативной реакции верующих и в беспорядках, организованных фанатиками.

Новым витком в эскалации языка вражды стала деятельность запрещенной в России террористической организации ИГИЛ, выдающей себя за исламское государство. Приспешниками этой организации создана профессиональная пропагандистская сеть. Основной целью пропаганды, как это и характерно для террора, является устрашение противника. Противником выступает весь мир, находящийся вне идеологии ИГИЛ. Но есть и другая цель – вербовка новых членов организации. И здесь уже адресат точечный – это молодежь.

Как возможно одновременное устрашение и привлечение мы покажем на примере фильма «Звон Сабель». Этот медiateкст попал в июне 2015 года в социальную сеть ВКонтакте. Нам удалось с ним познакомиться, пока информационный ресурс, пользователь которого предъявил пост с данным фильмом и комментарием «Опасно!», не был заблокирован Роскомнадзором за нарушение норм информационного права.

Кинолента «Звон сабель» отснята в 2014 году в жанре документального фильма. Его композиция разворачивается в

течение 1 часа 23 минут. Язык в фильме звучит арабский, но присутствуют субтитры на русском языке. Фабула фильма представлена несколькими самостоятельными сценами. Однако впечатление, что они между собой не связаны, обманчиво. Они объединены общей смысловой канвой, которая проходит через весь фильм.

Рассмотрим данное кинопроизведение с точки зрения трех составляющих: 1) композиция фильма, 2) способы его воплощения (видеоряд, звук) 3) концептуальные идеи, доносимые до зрителя авторами.

Сразу отметим, что этот пропагандистский продукт создан профессионально, с использованием всех канонов современного документального кинематографа. Сюжет выполнен в умелом сочетании статики и динамики: за диалогами персонажей следуют активные действия – «экшн».

Композиционно сцены располагаются в определенном порядке. Начинает фильм шокирующая сцена расстрела боевиками террористического Исламского Государства гражданского автомобиля, в котором едут «спецагенты» правительства (очевидно, Ирака). Камера находится на машине боевиков. Голос за кадром на арабском языке поясняет зрителю, что машина, на которой движутся боевики, принадлежит патрулю, который охотится за агентами правительств стран-противников. Далее прямая видеосъемка фиксирует расстрел обнаруженного автомобиля с «агентами». Фоном звучит саундтрек.

Звуковое сопровождение играет в фильме очень важную роль. Его основной музыкальной темой стал арабский нашид в исполнении певца и композитора ИГ Abu-Ali под названием «Sallel as-Sawatim» («Звон сабель»). Нашид – мусульманское песнопение, музыкальный жанр, распространенный в арабских странах.

Исполняется нашид без музыкальных инструментов (акапелла). Для него характерна восточная мелодика и повторяющийся текст, что делает его запоминающимся и узнаваемым. Саундтрек звучит при переходе между сценами и во время сцен казни. В фильме использован такой прием: сцена казни повторяется несколько раз в замедленной съемке под музыку. Подобный прием производит сильное воздействие на психику зрителя, закрепляя в памяти шокирующие кадры как «необходимое», как «возмездие». Кроме того, с нашей точки зрения, таким образом осуществляется эстетизация убийства. По мнению Т.М.Шатуновой, наблюдаемая в наше время эстетизация социальной реальности может иметь эффект замещения¹. В фильме этот эффект связан с тем, что его создатели хотят не просто ввергнуть в шок зрителей, но и привлечь их. Поэтому им с помощью профессионально подобранного звукового сопровождения и замедленной съемки внушается чувство, что все, что творят «поборники Аллаха» в масках, это красиво.

Во второй сцене мы видим заполненный мужчинами молельный зал мечети. По периметру помещения стоят боевики с автоматами, их лица закрыты масками. Один из боевиков произносит фразы, которые должны быть повторены всеми присутствующими. Смысл фраз в том, что пришедшие отказываются от своей прежней деятельности, от службы в армиях других стран, раскаиваются и встают на «истинный путь». Далее каждый подходит к трибуне и повторяет эти слова в микрофон. После этого один из боевиков пожимает «прощенному» руку. Стоит отметить, что сцен покаяния в фильме несколько. Каждая снята в разных местах, в разной обстановке, но происходящее в них

¹ Шатунова Т.М. Социальный смысл онтологии эстетического (Опыт оправдания красотой). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2007.

одинаково. Показывается ритуал «посвящения» в единую общность. Символика, которой проникнут этот ритуал (священное для мусульман место – мечеть, – «покаяние», «прощение», «клятва»), тесно переплетается с атрибутами военизированной организации: духовное лицо, которое в обычной жизни руководит молитвой в мечети, заменяют вооруженные люди в масках.

Третьей сценой снова показывают расстрел противников ИГИЛ. На этот раз патруль ловит «нарушителя» на границе. Голос за кадром объясняет, кем является пойманный человек. На экране мы видим его фотографию в военной форме. Боевик казнит нарушителя выстрелом в голову. Камера снимает акт убийства. Как и в первой сцене, когда был расстрелян автомобиль с людьми, документально представленный момент убийства потрясает, вселяет страх и ужас. Это не художественное кино, это не компьютерная игра, это на глазах у зрителя прицельным выстрелом убивают конкретного человека. Смерть на документальном экране, как указывают исследователи, вызывает состояние незащищенности психики человека от деструктивного информационного воздействия – внедрения деструктивной информации в сознание и (или) подсознание человека, приводящее к неадекватному восприятию им действительности¹.

В течение всего фильма мы можем увидеть чередование боевых сцен расправ с противником («экшн») и более спокойных сцен, персонажи которых выступают или ведут диалоги. Например: сцена с расстрелом автомобиля, сменяется сценой «покаяния», за сценой расстрела «нарушителя» на границе следует сцена уничтожения собственных паспортов гражданами других стран, перешедших на сторону ИГИЛ. Подобного рода чередование сцен

¹ Информационная и психологическая безопасность в СМИ: В 2-х т. Т.1: Телевизионные и рекламные коммуникации / Под ред. А.И. Донцова, Я.Н.Засурского, Л.В.Матвеевой, А.И.Подольского. М.: Аспект-Пресс, 2002. С.99.

можно обозначить как психологический прием, который погружает психику зрителя в «шок-отдых-шок-отдых-шок», создавая у него ощущение, что картина перевернутого, дегуманизированного мира и есть реальность.

Банализация смерти («обычное дело»), по данным специалистов, ведет к дестабилизации эмоционального статуса личности, появлению у нее страхов, тревожности¹. Согласно Дж.Кантор, в реальной жизни испуг вызывают три категории раздражителей, которые отражаются в медиасодержании: 1) разного рода опасности и увечья; 2) искажение естественных форм; 3) восприятие опасности и страха через опыт других людей². Эти эффекты использованы в фильме.

Концептуальные идеи, которые авторы фильма продвигают в целевую аудиторию, обусловлены пропагандируемой идеологией исламского терроризма: «Исламское государство стоит на страже справедливости и воюет с “угнетателями»; «Противниками являются неверные – те, кто воюют на стороне армий других стран и служат другим правительствам»; «Кара неизбежно их настигнет»; «Несмотря на совершаемое наказание, у противников ИГИЛ есть шанс покаяться, отречься от своих убеждений»; «Многие и многие из разных стран примыкают к ИГИЛ».

Рассмотрение приемов, использованных в организации пропагандистского фильма «Звон сабель», позволяет нам сделать несколько выводов.

¹ Шайхитдинова С.К. Смерть в телевизионных новостях: границы допустимого (по материалам программы «Перехват» ТК «Эфир» г. Казань) // Культурологическая экспертиза. Теоретические модели и практический опыт. Коллективная монография / Автор-сост. Н.А. Кривич, под общ ред. В.А. Рабоша, Л.В.Никифоровой, Н.А. Кривич. СПб.: АСтерион, 2011. С. 348-353.

² Брайант Д., Томпсон С. Основы воздействия СМИ. Пер. с англ. М.: Изд. дом «Вильямс», 2004.

Первое. Устрашение потенциальной аудитории фильма осуществляется через «банализацию» смерти на документальном экране, через дестабилизацию эмоционального состояния личности и внедрение таким образом в ее подсознание, внушение ей чувства неизбежности ложной дегуманизированной реальности, в которой человеческая жизнь ничего не стоит.

Второе. Привлечение потенциальной аудитории осуществляется через создание эффекта присутствия Высшей Силы. Удачные военные операции объясняются Божьей помощью. Боевики кричат «Слава Аллаху!» после взятия блок-поста, после подрыва конвоя и т. д. Все их действия представляются единственно правильными. Таким образом производится героизация тех, кто ценой смерти людей «от имени Аллаха» вершит «справедливое дело».

Третье. Отдельные сюжеты фильма, будучи прокручены несколько раз под мелодичный, красиво исполненный нашид, фактически производят эстетизацию убийства, эстетизацию ужаса.

Таким образом, фильм «Звон сабель» нацелен на две, казалось бы, взаимоисключающие друг друга задачи: запугивание и привлечение. Запугивание врагов и привлечение сторонников.

Эффективность псевдорелигиозной пропаганды зависит не только от профессионально используемых приемов воздействия на психику зрителя, но и от комплекса нерешаемых в современных цивилизациях проблем. Социальная несправедливость, невозможность повлиять на существующее положение вещей создает условия, в которых молодые люди с неустойчивым мировоззрением могут стать доступной мишенью для исламистского терроризма с его двойной целью: запугать и привлечь.

Подводя общий итог данного параграфа, необходимо отметить, что деструктивные тексты по теме ислама не имеют никакого отношения к религии, они транслируют установки, характерные для узкогруппового, сектантского мышления. Причинами распространения таких установок в социальных сетях или на других Интернет-площадках выступают, с одной стороны, социальные и психологические проблемы маргинальных членов общества, которые в языке вражды видят возможность выброса своей агрессивности. С другой стороны, подобные медиатексты являются орудием в политической борьбе. Профессиональные медиатеchnологи используют их для создания негативных стереотипов, для усиления конфронтации между представителями разных конфессий. Таким образом обеспечивается напряженность обстановки в социуме.

Необходимость обращения к изучению подобного рода медиасимулякров вызвана тем, что эти тексты находятся в свободном доступе для массовой аудитории. На них можно наткнуться, набрав в поисковой строке Интернета слово «ислам». Таким образом, определяется зона риска прежде всего для той категории граждан, которые не относятся к верующим или представляют другие конфессии. В связи с этим возникает также вопрос о противодействии языку вражды. Думается, одним из путей могут стать медиатексты об исламе, поддерживающие такую функциональную направленность журналистики, как просвещение и поощрение этно-конфессионального диалога.

§3. Функции просвещения и этно-конфессионального диалога медиатекстов об исламе

Сегодня как никогда актуален вопрос о том, что презентация темы религии в медиапространстве, так же, как и другие темы, связанные с ценностными устремлениями и идентичностями человека, не может быть отдана на откуп политике и медиабизнесу. Этой темой должна заниматься качественная журналистика, грамотные, эрудированные журналисты, действующие в соответствии с профессионально-этическими принципами теории социальной ответственности прессы. В истории российской печати есть свидетельства подобного отношения к теме, когда можно было говорить о просветительской функции медитатекстов об исламе.

Произведенный нами анализ собранных в одном сборнике публикаций, появившихся в российских газетах в XIX-XX веках по теме ислама, свидетельствует об этом. По своему характеру это были путевые заметки, очерки о мусульманских городах, которые посетили, паломники, русские путешественники¹. Эти публикации насыщены краеведческими описаниями нездешних мест, географическими подробностями, историческими фактами. Несмотря на то, что описание дается от первого лица, больших эмоций автор при этом не выражает. Напротив, если они возникают и не являются позитивными, автор старается их сдерживать. В этом, как нам видится, проявляет себя обдуманная информационная политика того времени. Для примера приведем отрывок из серии очерков некоего Ш.Ишаева, посетившего Мекку

¹ См.: Исламские города в русской периодической печати XIX – начала XX века / сост. Назим Межид-ад-Дейрави; науч. консультант Г.З.Пумпян. М.: ООО «Садра», 2015.

и ряд других арабских городов и опубликовавшего свои впечатления в ноябре 1896 года в Средне-Азиатском Вестнике:

«...Нужно заметить, что особенно много паломников гибнет по дороге между Меккою и Мединою в пустынных степях отчасти от грабежей арабов, отчасти от причин весьма таинственного, загадочного свойства... Здесь я считаю своим долгом упомянуть имена более опасных хранителей паломнических денег и вещей из числа наших среднеазиатов, это: Мухаметжан Мансуров, Кары Махмут и Закир-Эффенди (...). Вообще дела складывались так, что мне приходилось поскорее уносить ноги из священного города... Я нанял более десяти мулов конвоиров из татар и надежных арабов, под охраною которых благополучно вернулся в Джидду (...). Заканчивая настоящий рассказ, я считаю нужным оговориться. Обо всем, что я видел, говорю как очевидец, ничего не прибавляя, а даже немножко убавляя, чтобы не затронуть как-нибудь нечаянно религиозного чувства мусульман, которые возвращаясь из хаджа, обыкновенно считают своим долгом рассказывать разные чудеса...»¹.

Обращает на себя внимание предупреждение Ш.Ишаева об «опасных хранителях денег». Адресат информации – такие же, как и автор заметок, паломники, авторская роль – очевидец, – все это говорит в пользу теории социального участия прессы. Забота о религиозных чувствах верующих может быть как проявлением морального кредо автора, так и политикой издания, которое опубликовало данный материал. Другими словами, непосредственность самовыражения с помощью газетного слова была в печати XIX века возможна.

¹ Ишаев Ш. Мекка, священный город мусульман // Исламские города в русской периодической печати. С.68-69.

Сегодня этого очень трудно достигнуть: любой материал, даже если он сам не содержит идеологических смыслов, будучи опубликован в общественно-политическом издании, автоматически становится частью какого-либо идеологического дискурса. Медiateкст, как было показано в Первой главе нашего исследования, не имеет автономности, он фактически структурируется медиапроцессом. Однако существует возможность оказаться выше медиапроцесса, вне создаваемого этим процессом дискурса. Эта возможность открывается через личность публициста, через его позицию. В этом случае медiateкст становится автономным публицистическим произведением, которое в некотором роде оказывается вне времени.

В качестве примера можно привести полемические эссе Рауиля Бухараева. Одно из них – «Исламские уроки Достоевского»¹ – написано по случаю дискуссии «Если бы я был Бен Ладеном», организованную газетой «Известия» к первой годовщине теракта 11 сентября.

Как отмечает автор, материал дискуссии, который «Известия» называли «жестким, на грани фола» разговором (отстаивая «заедино с Америкой превосходство христианской цивилизации над исламом»), вызвал у него «помимо совестного чувства оскорбленности», и совсем иные мысли, которыми он и решил поделиться...». Понятно, что логического сравнения цивилизаций и конфессий быть не могло и быть не может. Бухараев прореагировал на пассажи журналиста О.Осетинского в газете не только как блестящий знаток ислама, знаток всемирной истории и виртуозный полемист, а в первую очередь как человек, «...которому в его

¹ Бухараев Р. Исламские уроки Достоевского // Ностальгия по Откровению / Р.Бухараев. М.: Наталис, 2005. С.251-264.

родном доме сначала плюнули в лицо, а потом, на протяжении целого месяца с большей или меньшей степенью, как говаривал Швейк интеллигентности рассуждали о том, правильно ли плевать в лицо или, с точки зрения “европейской цивилизации” это вполне допустимо, когда очень уж хочется». Так публицист сразу расставил акценты, указав на то, что «Известия» выбрали неверный тон, который не служит взаимопониманию.

Далее Бухараев с помощью фактов своей биографии рассказывает о своей естественной включенности как мусульманина в мир взаимоотношений различных людей, проживающих в разных странах, имеющих разные привычки и судьбы. При этом он не воспринимается нами как идеологизированный представитель своей конфессии. Он предстает гражданином мира. Речь свою он начинает с социальных проблем восприятия или невосприятия религии. Но это тема не религиозной публицистики, а публицистики светской, где журналист (кстати говоря, Бухараев в первых же абзацах представляется как журналист Би-Би-Си) настроен на диалоговую коммуникацию.

Говоря о нравственной вседозволенности, допущенной газетой «Известия», Бухараев обращается к образу капитана Лебядкина с его обывательскими рассуждениями из «Бесов» Достоевского. Своих оппонентов автор называет «капитанами Лебядкиными», которые «спасают» Моцарта и Достоевского от «мусульманских варваров». Газета, как указывает публицист, предоставила свои страницы для накипевшей в стране ксенофобии, для активного невежества.

Дальнейшее разворачивание мысли в этом произведении связано с обращением к монологу Ивана Карамазова о том, почему он «мира Божьего не приемлет». Таким образом, Бухараев формулирует основную проблему, связанную с восприятием

религии в социальной жизни: «Вопрос “А судьи кто?” даже не висит в воздухе, – пишет он. – Все распределено по полочкам: мировое добро и мировое зло, волки и овцы, цивилизация и варварство». То есть основное напряжение мировоззренческого столкновения, по Бухараеву, пролегает не между разными религиями и людьми разных религиозных убеждений, а между биполярным миром и Миром, который может выступать синонимом Храма.

Весь образный ряд произведения Бухараева – цитаты из христианских и мусульманских Священных Писаний, обращение к русской художественной литературе, к личным переживаниям, личному жизненному опыту, – подтверждают его мысль. Таким образом, перед нами предстает образец публицистики человека, который понимает, что будущее России напрямую зависит от жертвенного благородства отдельных людей по отношению друг к другу. Он заканчивает словами о том, что пресса, делающая вид, что не понимает этого простого факта, несет полную ответственность за нравственный и философский хаос, царящий в стране. Масштаб публицистики Бухараева выражается в том, что, несмотря на то, что после публикации его работы прошло четырнадцать лет, прозвучавшие в ней выводы актуальны и сегодня.

Такого рода медиатексты об исламе можно назвать просветительскими, их значение выходит далеко за рамки сугубо журналистских задач. В любом случае публицистика Рафиля Бухараева свидетельствует, что рассуждение на мировоззренческие темы невозможно без чувства нравственной и социальной ответственности автора.

Этим определяется авторская позиция и в целом тональность материалов о религии, которые несут положительный потенциал.

Данный параграф посвящен рассмотрению именно такого рода медиатекстов. Их можно встретить в разных источниках.

Обратимся к, казалось бы, рядовому газетному отчету (публикация из базы данных «Интегрум»). Материал имеет название «*Ислам как образ жизни*». В его первой части рассказывается о конференции прошедшей в Якутской мечети. Конференция была посвящена хаджу. Обращает на себя внимание воодушевление автора, что обнаруживает в нем верующего: «Впервые в своей жизни я видел такое количество людей, собравшихся для молитвенных обрядов. Человеческое братство – это не может не изумлять! Главное, что поразило, – перед Аллахом все едины: и богатые шейхи, и простые мусульмане. Никто не смотрел друг на друга с любопытством или осуждающе. Мусульмане видят друг в друге только людей, равных себе, – рассказывает Абдул».

Во второй части муфтий Муса Сагов рассказывает об исламе как об образе жизни: «Как сообщил муфтий, каждый мусульманин обязан постоянно очищаться молитвами и совершенствоваться духовно, нравственно и физически, стремясь стать безупречным человеком. Таким образом, ислам ставит своей целью создать здоровое, полноценное общество, близкое к идеалу. “Ислам - очень мирная религия”, – подчеркивает он».

В третьей части публикации автор говорит об открытости мировых религий. Он подводит к мысли о том, что неважно, какой религии человек придерживается, важно чтобы он был добропорядочным членом общества:

«Религий в мире достаточно количество, и все основные из них призывают общество придерживаться основополагающих ценностей во взаимоотношениях с другими людьми. К сожалению, в разросшемся информационном поле знакомству с культурой разных народов многонациональных республик и городов

уделяется мало внимания, и, может быть, именно поэтому наше общество еще недостаточно доверительно относится к своим соседям». («Эхо столицы», Якутск). Мы видим, что в отчете о конференции передаются чувства верующих, мнения авторитетных людей, и сам автор говорит о религиях как о культурном достоянии человечества.

Другая публикация подводит к выводу о том, что даже если тема, которой касается журналист, является политической, просветительская презентация ислама предполагает обращение к ценностям, которые противостоят отрицательным проявлениям политики:

«В исламе нет места терроризму. Ислам является религией мира, терпимости и гармонии, и не имеет ничего общего с терроризмом – об этом заявил министр информации и радиовещания Пакистана Сейид Самсам Бухари. “В исламе нет места для терроризма, воинственности и экстремизм. Те, кто участвует в такой деятельности, не может даже претендовать на имя мусульманина”, – продолжил он и призвал людей и СМИ к передаче истинного образа ислама за рубежом» (ИА Инфо-Ислам - info-islam.ru).

Теперь обратимся к публикациям, которые освещают политические события.

Заметка об акции *«Ислам против экстремизма»*. В ней сообщается о том, что в рамках акции состоится концерт: «Напомним, что, в рамках акции “Ислам против экстремизма” в городах и районах республики с апреля текущего года проходят мероприятия, направленные на укрепление патриотизма, духовности и консолидации общества» (Федеральное агентство по делам молодежи - fadm.gov.ru). Акция демонстрирует людям культурные ценности ислама, убеждает их в том, что сама по себе

религия не является источником экстремистских идей. Об этом и сообщает источник.

«О миссии ислама на территории Татарстана: Легитимация особых прав этнической группы». Эта публикация представляет собой научную статью. Автор статьи обращается к дискуссиям о роли ислама на территории современного Татарстана. В статье религия рассматривается в качестве инструмента легитимации статуса татар в республике. Автор статьи приводит историческую справку о возникновении и становлении ислама на территории нынешней Республики Татарстан: «Идея принятия ислама имела изначально прагматическую основу – установление контактов с более сильными соседями, готовыми обеспечить защиту от врагов. Важным фактором, помимо военной поддержки, являлось налаживание экономических связей. Считается, что болгары принимали участие в торговле по Великому шелковому пути и Северному морскому пути, через территорию Волжской Булгарии проходили также крупнейшие торговые пути - Великий Волжский путь и Пушной путь».

Большое внимание уделяется такому направлению в исламе как джадитизм: «На рубеже XVIII и XIX вв. известный татарский богослов Курсави призвал татар к модернизации ислама, что подразумевало под собой поворот к западному миру. Интеллектуальное движение, которое он возглавил, получило название «джадидизм» (от арабского «аль-джадид», что означает обновление, реформа). «Джадидизм», таким образом, представляется татарстанскими историками как течение в религиозной образовательной среде, которое стремилось соединить религиозное образование с современным знанием» (Социс – социологические исследования).

На основании исторических фактов автор публикации приходит к выводу, что ислам как фактор, легитимирующий особые права татар на данной территории, в той или иной мере присутствовал всегда. Ислам играет большую роль в легитимации особых прав татар как потомков традиционного населения. Этот материал посвящен сложной теме переплетения истории и идеологии.

В качестве предварительного вывода отметим, что в проанализированных нами текстах использованы не опасные для психики человека технологии воздействия – технологии информирования и технологии убеждения. Если воспользоваться моделью речевого воздействия, которую приводит И.М. Дзялошинский, то мы можем сказать, что при прочтении публикаций у читающего в сознании срабатывает *p-сценарий*. То есть сценарий, который сподвигает к рациональным действиям. *D-сценарии*, вызывающие эмоциональную реакцию, сработают в основном у верующих мусульман. Описанные культурные события вызовут у верующего, несомненно, положительную эмоциональную реакцию.

Пример позитивного образа ислама на телевидении предоставляет еженедельная передача «Мусульмане», телеканал «Россия 1». Этот проект позиционирует себя как культурно-просветительский тележурнал (С приходом нового продюсера проект прекратил существование¹). Информацию о программе мы можем увидеть на сайте канала: «Мусульмане, живущие в России, говорят на десятках разных языков, но имеют один общий – русский. Значит, в первую очередь программа «Мусульмане» знакомит единоверцев друг с другом». Первые письма

¹ См.: Как «мусульмане» ушли с российского телевидения // Кавполит. URL: http://kavpolit.com/articles/malenkij_vklad_v_izmenenie_otnoshenija_k_musulmana-23029/ (дата обращения: 25.04.2016).

телезрителей, которые пришли в адрес программы шесть лет назад, удивили ее создателей. Оказалось, что основная аудитория «Мусульман» – это люди других вероисповеданий, которых программа знакомит с традициями и культурой последователей пророка Мухаммеда. Вторая задача программы, по свидетельству ее зачинателей, – рассказать об исламе людям, исповедующим другие религии. Не «перетянуть» их в свою веру, а показать общее в традициях, интересное в обычаях, главное в заповедях. Содержание программы это подтверждает¹.

Теория социального участия прессы дает о себе знать в подобного рода публикациях в утверждении просветительской функции медиатекстов об исламе, в преодолении негативных стереотипов. Сегодня наблюдается тенденция к усилению данного направления. Мусульманские религиозные деятели все чаще выступают в светской прессе с разъяснениями о том, что такое «настоящий ислам». Они дают интервью, ведут собственные блоги в Интернете.

Отдельного внимания заслуживает праздничная проповедь муфтия Равиля Гайнутдина на праздник Курбан Байрам (база данных «Интегрум»). Проповедь состоит из нескольких частей. В первой части муфтий приветствует единоверцев и призывает совершить праздничную молитву:

«В этот праздничный день Курбан-Байрама мы также, наполненные чувствами радости и искренней богобоязненности, обращаемся к нашему Творцу – Всевышнему Аллаху благословить всех нас, принять наши молитвы и добрые дела, принять хадж паломников, которые, очистившись от греха, как безгрешные

¹ См.: Мусульмане: Культурно-просветительский журнал. Телеканал Россия 1 //URL: http://russia.tv/brand/show/brand_id/3959 (дата обращения: 5.03.2013).

младенцы, в добром здравии, с радостью от выполненного долга перед Аллахом, инша Аллах, скоро вернутся на Родину».

Далее Равиль Гайнутдин передает поздравления от президента и председателя правительства Российской Федерации. Здесь можно было бы предположить, что вмешивается политика, значит, имеет место идеологическое выражение религии. Однако слова президента и председателя правительства не несут в себе идеологии.

«Поздравляю российских мусульман с началом празднования Курбан-Байрама. На протяжении столетий этот праздник проникнут самыми добрыми и светлыми чувствами, служит сближению людей, утверждению в обществе идеалов добра, милосердия и взаимного уважения, раскрывает глубину непреходящих духовных ценностей ислама» (В.В Путин).

«Государство и впредь будет оказывать необходимое содействие Духовным управлениям мусульман, мусульманским общинам в организации хаджа и проведении праздничных торжеств. Пусть священный Курбан-байрам прибавит Вам сил, принесет успех и удачу во всех благих начинаниях. Доброго здоровья, счастья и благополучия Вам, Вашим близким и всем прихожанам» (Д.А.Медведев).

Мы можем сделать вывод, что если высказывание о религии звучит от лица политика, государственного деятеля, то этот материал необязательно должен содержать идеологию. Проповедь Равиля Гайнутдина после передачи поздравлений от лица Путина и Медведева продолжается историей праздника жертвоприношения и завершается молитвой. Дзялошинский приводит проповедь в пример как технологию убеждения. Это, по мнению данного автора, безопасная технология воздействия на аудиторию.

Проповедь является культурным выражением религии, потому что в ней провозглашаются общечеловеческие ценности.

Перейдем к следующему виду медиатекста. Рассмотрим позитивный образ ислама на страницах в Интернете. Обратим внимание на тематику и содержание тематических сайтов. Для мониторинга выберем социальную сеть ВКонтакте, которая является по составу своих пользователей самой молодежной в рунете. После введения в поисковую строку по сообществам ВКонтакте ключевого слова «ислам» запрос выдал большое количество страниц сообществ, формируемых вокруг темы ислама. Рассмотрим наиболее популярные (выявлено по количеству пользователей).

Страница «Islam-today.ru – Ислам. Мусульмане»¹. В данном сообществе состоят 169 тысяч человек. На главной части страницы расположено эмоциональное сообщение о выходе новой коллекции мусульманской

одежды: «Ассаламу алейкум, сестренки! Долгожданный момент! Я знаю, как долго вы ждали официального выхода новой коллекции, и я очень благодарна вам за ваше терпение и понимание... Поверьте, наша команда действительно переживает, что не все получилось у нас вовремя и что мы вас заставили ждать». Подобного рода страницы часто заключают договоры с различными фирмами о размещении на их Интернет-площади рекламы. Реклама не несет в себе идеологии.

В фотоальбомах, как показывает наблюдение, находятся фотографии мечетей, фотографии священных текстов, фотографии высказываний ученых ислама. В видеозаписях размещены интервью с духовными лицами, видеосъемки с праздников Рамадан

¹ «Islam-today.ru – Ислам. Мусульмане». Паблик в социальной сети ВКонтакте // URL: <http://vk.com/islamrf> (дата обращения: 10.04.2013).

и Курбан-байрам. На «стене» группы сообщения строятся примерно по одному типу: текст, а чуть ниже прикрепленное изображение. В данном случае текстом является либо притча, либо цитата из Корана, сунны Пророка или хадисов. Изображением может быть красивый пейзаж, вид мечети или фотография священного текста. Приведем пример такой записи под названием *«Ибо они никогда не лгали»*. (Муслим.Закят,134): «У Посланника Аллаха (Да благословит его Аллах и приветствует) спросили: «Может ли мусульманин быть трусливым? Он (Да благословит его Аллах и приветствует) ответил: «Да, может». Может ли мусульманин быть скупым? Да, может. А может ли мусульманин быть лгуном? – Нет, никогда». (Муватта, Калям, 19; Байхаки, Шуйб).

Обратимся теперь к странице «Salamworld: моя религия – Ислам»¹.

Это сообщество схоже с рассмотренным нами выше. В нем состоит 91 тысяча участников. На главной странице расположено сообщение с просьбой о помощи: «Ассаляму алейкум ва рахматуллахи ва баракятух... (...) Salamworld просит Вас помочь этому ребенку. Спецпост! Максимальный перепост во все группы!!! Просим Вас, помогите спасти ребенка!!! У него мама и папа - инвалиды 2 группы и мимо них просто нельзя пройти!».

Именно такого рода сообщения преобладают на этом сайте. Фотографий в фотоальбомах нет. В видеозаписях содержатся интервью с духовными лицами, притча в формате мультфильма. Там же в видеозаписях размещен короткометражный фильм на тему исламофобии. На наш взгляд, этот фильм можно отнести к

¹ Salamworld: моя религия – Ислам. Паблик в социальной сети. // URL: <http://vk.com/salamworld> (дата обращения: 10.04.2013).

неидеологическому - культурному выражению ислама. Потому что тема раскрывается с юмором, в анекдотической истории. В ювелирную лавку забежал грабитель, и, когда он наставил на продавца пистолет, вошел очередной покупатель, - бородатый в длинной одежде. Когда он по требованию грабителя поднял руки, из его мобильного, который он держал в руке, раздались звуки азана: стереотип террориста был воплощен. Грабитель испугался и убежал.

Страница «Ислам един, Аллах один»¹. Эта страница по структуре и содержанию практически ничем не отличается от рассмотренных нами ранее.

Как показывает наше наблюдение, сайты за пределами социальной сети, даже если представляют себя как культурные, содержат злободневный контент на тему происходящих в мире политических событий вокруг ислама. Таким образом, к формам культурной репрезентации ислама в медиапространстве относятся: информационные сообщения в СМИ о культурных событиях, связанных с исламом, фотоснимки, телепрограммы просветительской направленности, проповеди, притчи на религиозную тему, фильмы не несущие в себе идеологию, фестивали, мода, благотворительные акции, а также ориентированные на такого рода медиатексты страницы в социальных сетях Интернета.

Другое направление, требующее особого внимания – региональная пресса в мусульманской республике. В качестве отдельного «кейса» выступает татароязычные СМИ. Непохожесть опыта национальных СМИ в сравнении со СМИ русскоязычными может быть выражена в том, что первые следуют

¹ «Ислам един, Аллах один». Паблик в социальной сети // URL: <http://vk.com/islamallah> (дата обращения: 10.03.2013).

такой нормативной теории прессы, как теория национального развития. В российских условиях это означает, что ценностные приоритеты определяются прежде всего интересами этноса, интересами культурной идентичности, частью которой для татарского народа является ислам. В 2005 году национальная татароязычная печать отметила свое столетие. Обращаясь в связи с этим к ее истории, профессор В.З.Гарифуллин указывает, что у ее истоков стояли прогрессивные представители нации конца XIX – начала XX века – мусульманское духовенство. Создателем первой татарской газеты «Нур» («Луч») в Санкт-Петербурге выступил ахун (военный священнослужитель) Атаулла Баязитов, спустя два месяца появились газеты в других городах страны. Создателем «долгожителя» национальной печати газеты «Йолдыз» («Звезда») выступает педагог-теолог Ахметхади Максуди. Журнал «Шура» («Совет») редактировал муфтий Ризаэтдин Фахретдин, посвятивший всю свою жизнь служению исламу. В качестве первого образца специализированного журнала для правоверных России прославился журнал «Әд-дин вә әл-әдәп» («Религия и нравственность»)¹.

Продолжив ряд названий газет и журналов того времени, В.З.Гарифуллин указывает, что национальная журналистика татар была направлена на просвещенную часть населения, получившую образование в основном в духовных учебных заведениях того времени – медресе.

В конце XX века произошло возрождение мусульманской журналистики, которая сегодня представлена во многих регионах России разными типами СМИ, в том числе и Интернет-сайтами.

¹ Гарифуллин В.З. Мусульманская журналистика как важнейший механизм демократизации общества // Информационное поле современной России: практики и эффекты: Материалы VII Межд. научно-практ. конф. / Под. ред. В.З.Гарифуллина. - Казань: Казан. ун-т, 2010. С.47.

Существует Союз мусульманских журналистов, в Казани ежегодно проводится фестиваль мусульманских СМИ и издательств. По отношению к татароязычной прессе важно отметить, что в течение всей своей истории она была и остается направленной не только на религиозное просвещение мусульман, но на сплочение нации, чем обеспечивается особая «прочность» создаваемого ею информационного поля¹. Детальному обзору современных татароязычных медиатекстов посвящен первый параграф третьей главы данной монографии.

Таким образом, теория социально ответственной прессы наделяет медиатексты об исламе просветительской функцией. Важную роль играет при этом личность автора, его кругозор и позиция. Журналист, пишущий на тему религии, может не быть верующим или может не принадлежать к данной конфессии, однако он не должен браться за тему с «холодным рассудком». Необходима его публицистическая вовлеченность, его способность с уважением принять убеждения верующего, его веру как мир «Другого».

Национальная пресса в мусульманской республике представляет собой самостоятельный «кейс» для изучения, так как являет собой особый опыт подачи темы ислама в медиатекстах.

Подведем итоги по Второй главе.

Сложность рассмотрения функциональной направленности современных медиатекстов об исламе заключалась для нас в том, что необходимо было подвести к «общему знаменателю» тексты очень разных форматов. Эта задача была решена на основе методологического подхода, определяющего медиатекст как воплощение коммуникативных стратегий, дискурсивных практик. То есть необходимо было выделить типичные сегменты

¹ Гарифуллин В.З. Указанная работа. С.48.

журналистского дискурса, и таким образом типологизировать медиатексты. В качестве фактора, который был положен в основу типологии, выступили известные нормативные теории прессы. С их помощью были выделены три основных функциональных направления, представленных медиатекстами об исламе.

Первое и второе направления порождены теорией социального участия, когда в массовую коммуникацию свободно включаются представители любых социальных слоев и групп. Это ведет к идеологизации содержания, связанного с темой религии. Там, где речь заходит об исламе, идеологии присутствуют в виде рациональных рассуждений, ложного сознания (стереотипов и предрассудков) и в крайнем своем выражении – в виде языка вражды. Как показало наше исследование, это относится и к журналистским заметкам, и к журналистским интервью, и к выступлениям духовных лиц. Вид средства связи особой роли в данном случае не играет. Такого рода медиатексты отдаляются от трансцендентного общения, становятся орудием в борьбе политических сил.

Позитивный потенциал темы ислама, по нашему мнению, может быть выражен через ценности теории социальной ответственности журналиста и теории национального развития. В их основе лежат этические нормы, которые противостоят риску продвижения групповых интересов в ущерб гуманистическим интересам личности и общества.

Глава 3

Российская медиасфера: между традицией и «новым журнализмом»

В данной главе рассмотрены два случая («кейса»), раскрывающих диаметрально противоположные представления о том, как необходимо раскрывать тему религии в медиатекстах.

В первом параграфе выявлены особенности представления образа ислама в СМИ такого мусульманского региона России, как Республика Татарстан. Известное нам комплексное исследование по данной теме проводилось социологами Казанского университета в 2003-2004 годах. Исследование русскоязычных СМИ выявило наличие их влияния на формирование негативного образа ислама и мусульман. Анализ медиатекстов показал, в частности, отсутствие четких концепций у изданий при освещении проблем, связанных с исламом. Социологические интервью выявили, что основная установка редакций – дистанцироваться от религиозных проблем. Они «отдаются на откуп» журналистам, способным писать материалы по этой тематике. При этом в татарстанских газетах отсутствует реакция на материалы российских СМИ, негативно представляющих ислам¹.

Как показывает наше исследование медиатекстов об исламе за пятилетний период, начиная с 2012 года, ситуация принципиально не изменилась. (При этом в целом по России в последние десять лет зафиксирована тенденция роста интолерантных высказываний в коммуникации между верующими и неверующими). Наш анализ

¹ Кузнецова-Моренко И., Салахатдинова Л. Ислам в медийном пространстве. Казань, 2004. - С.56-60.

показывает, что сами журналисты нередко выступают проводниками негативных стереотипов о религии.

В этом контексте становится важным опыт формирования публичного образа ислама, освобожденного от типичных стереотипных суждений о нем. Уникальный кейс представляют в этом смысле татарские СМИ, которые транслируют взгляд на проблематику, связанную с исламом, как бы «изнутри», но при этом не в отрыве от российской общественной ситуации.

Во втором параграфе главы представлена точка зрения на религию в духе «нового журнализма». Термин взят нами в кавычки в связи с тем, что публикацию, которая здесь анализируется, «новожурналистской» можно назвать с большими оговорками. Течение нового журнализма возникло в 60-е годы прошлого века в США - в культурных, исторических и географических условиях, далеких от тех, что мы наблюдаем в современной России. И все же мы посчитали уместным актуализировать этот термин как напоминание о том, что в арсенале журналистских приемов существует крайняя субъективация позиции автора, почти литературное описание его впечатлений от собранных фактов. Будучи применен к освещению темы религии такой стиль в наше время и в наших условиях превратился, как нам представляется, в обыкновенный стеб.

В третьем параграфе на примере работы Казанской коллегии по жалобам на прессу сформулированы правила, которых авторы рекомендовали бы придерживаться при написании текстов о религии.

§ 1. Образ ислама в татароязычных СМИ Республики Татарстан

В данном параграфе представлены некоторые выводы по исследованию татароязычных медиатекстов за пятилетний период. Их изучение осуществлено методом дискурс-анализа. Используются также данные выпускных квалификационных работ по обзору СМИ Республики Татарстан, осуществленные магистрантами кафедры журналистики Казанского федерального университета, которые прошли обучение по профилю «Этноконфессиональные отношения в медиасфере» (2015-2017гг).

«Мусульманскость» как культурный, но не идеологический маркер.

В последние годы этномедиа стали особым объектом изучения российских теоретиков¹ (Журналистика 2016; Журналистика 2017). Татароязычные СМИ называют себя национальными, но не «этническими» (Очевидно, потому, что данное определение предполагает некий метаконтекст – федеральный, государственный и т.п.). Характеристики современного татароязычного медиадискурса во многом связаны с историей его развития.

Татарской прессе уже более ста лет. В советское время районные газеты на татарском языке выходили как дубляжи русскоязычных (в татарских сельских районах наоборот – русскоязычные выходили как дубляжи татароязычных, сегодня так же). В годы перестройки в России началось возрождение национальных культур многочисленных народов, проживающих в стране. Государство поддержало национальные издания

¹ См. : Журналистика в 2015 году: М-лы Междунар. науч.практич. конф. М., 2016. - С. 245-246; Журналистика в 2016 году: М-лы Междунар. науч.практич.конф. – М., 2017, с.314-315.

дотациями, иначе они бы не выжили в условиях жесткой рыночной конкуренции, т.к. рекламодатель шел прежде всего в СМИ, ориентированные на массовую аудиторию. В 2007 году общественно-политические татароязычные газеты Татарстана большей частью (85%) были объединены в вертикально организованный холдинг «Татмедиа» с участием республиканских органов власти¹. Это спасло неконкурентоспособную национальную прессу от разорения, но лишило ее надежд на институциональную самостоятельность. Данное обстоятельство, думается, повлияло на то, какую нишу заняли татароязычные СМИ на региональном медиарынке. Их политическая повестка дня определяется прежде всего вопросами национальной идентичности и культурного развития этноса. Теоретики татароязычных СМИ ведут их историю от мусульманской прессы. Профессор Васил Гарифуллин указывает на то, что национальная журналистика татар возникла в начале прошлого века усилиями исламских просветителей и была направлена на просвещенную часть населения, получившую образование в основном в духовных учебных заведениях того времени – медресе².

Вопрос о том, рассматривать ли этническую и религиозную идентификацию татар как целостный процесс или как два взаимоувязанных, но разных направления национального развития, является дискуссионным. Тот же вопрос встает в региональной информационной политике. С одной стороны, тема ислама обстоятельно и регулярно представляется не только в специализированных религиозных изданиях и Интернет-ресурсах на татарском языке, но и в общественно-политической периодике и

¹ АО Татмедиа / URL: <http://tatmedia.ru/geo> (дата посещения: 10.06. 2017).

² Гарифуллин В.З. Место и роль мусульманских СМИ в информационном поле Татарстана // Журналист. Социальные коммуникации. 2013. №1. С. 120-125.

на телевидении. С другой стороны, есть в системе республиканских СМИ и издания таблоидного формата, далекие от идей, которые несла просветительская мусульманская журналистика XX века. Свои технологические акценты, расставляют и новые медиа. Тем не менее, каким бы ни был контент современных татароязычных СМИ, они не являются проводниками иных религиозных доктрин. Более того, в национальных медиа Республики Татарстан целенаправленно поддерживается этноконфессиональная целостность мировосприятия татар. Об этом свидетельствует и мониторинг татароязычных СМИ.

Повседневные практики жизни этноса, инкорпорировавшие в себя ценности традиционного ислама, рассматриваются как препятствие для чуждых радикалистских идеологий. Не случайно возникновение угрозы позициям принятого в республике ислама ханафитского мазхаба связывается прежде всего с внешним влиянием из других регионов. После повергнутого всех в шок покушения, совершенного в Татарстане на руководителей Духовного управления мусульман (ДУМ РТ) в июле 2012 года, местная пресса опубликовала высказывания экспертов по этому поводу. Они указали на риски, связанные с тем, что в 90-е годы прошлого века сотням молодых людей из Татарстана разрешалось учиться в Саудовской Аравии, Катаре, где ваххабизм, то есть возвращение к средневековой модели ислама, является государственной идеологией¹. Отмечалось, что необходимо опираться на собственную систему духовного образования. Риск радикализации татарской мусульманской уммы был связан с

¹ Озвучены версии нападения на муфтия // Российская газета. региональный выпуск. Казань / URL: <https://rg.ru/2012/07/19/reg-pfo/fayzov.html> (дата посещения: 15.06. 2017).

опасностью ее «кавказизации»¹. Было также указано на появление в среде верующих «криминалитетных мусульман», которые приняли ислам в тюрьмах, отстроили на мафиозные деньги мечети, занимаются рэкетом, сборами мусульманского «общака», произволом, диктатом и преступлениями в отношении мусульман, нарушающих правила их криминального сообщества².

Эксперты, как можно заключить, ведут речь о носителях чуждой толерантному Татарстану идеологии как о людях пришлых, потерявших связь с малой родиной или как о криминальных маргиналах, «без роду и племени». Соответственно ведущей особенностью образа ислама в местных СМИ является его неразрывное единство с историческими корнями и жизнью этноса. В этой связи можно сказать, что «мусульманскость» в республике это в первую очередь культурный, объединяющий, а не идеологически разъединяющий, маркер.

Характерным примером представления религии в виде общей культурной платформы, объединяющей очень разных людей, является рубрика «Вот и они мусульмане» в газете «Ирек майданы» («Площадь свободы»)³. Здесь известные, пользующиеся доброй славой люди представлены как мусульмане. Герой публикации «Бин – мусульманин»⁴ - популярный комик Великобритании Роуэн Аткинсон, который известен как «Мистер Бин». Герой публикации «У Курбана Бердыева была комната для намаза»⁵ – Курбан Бердыев, бывший тренер футбольной команды «Рубин». В

¹ За и против: татарстанские ваххабиты - миф, или реальная опасная сила // Аргументы и факты. Региональный выпуск. Казань / URL: <http://www.kazan.aif.ru/society/details/85096> (дата посещения: 15.06. 2017).

² Там же.

³ См.: Гарифуллина Л.Т. Этноконфессиональная тематика в татароязычных СМИ: компетенции журналиста. Магистрск. дис, Казань, КФУ, 2017, 87 с.

⁴ Бин – мөселман // Ирек майданы. 10.10.2013.

⁵ Корбан Бердыевның намаз бүлмәсе бар иде // Ирек майданы. 17.10.2013.

публикации «Я однажды читал намаз в Кул Шарифе»¹ героем является игрок команды «Рубин» Гекдинез Карадинез. В публикации «Прочитал Гаёт-намаз и посадил дерево»² – президент Республики Татарстан Рустам Миннеханов.

Другим примером может послужить татароязычное телевидение. Обратимся к еженедельной рубрике «Рухи хэзинэ» («Духовное наследие») государственной теле-радиокомпании (ГТРК) «Татарстан». Десяти-пятнадцатиминутные сюжеты о представителях разных поколений, застигнутых телекамерой в их повседневной жизни или в дни праздников, достаточно полно и ярко раскрывают тему этно-конфессиональной идентичности татар.

Вот красноречивый сюжет о мусульманской моде³. Он начинается с видеоряда, запечатлевшего манекенщиц на подиуме, демонстрирующих мусульманскую одежду. Это – повод завести разговор о том, как исламские предписания в одежде реализуются модельерами. Видеоряд чередует интервью с кадрами показов мод. Ведущий рассказывает, как начался возврат к исламу, как после девяностых годов возникла потребность одеваться по шариату. Журналист поднимает вопрос: должны ли мусульманки Татарстана одеваться так же, как в арабских странах? Ответ на него дают татарстанские дизайнеры. Они считают, что у мусульманок-татарок должен быть свой неповторимый стиль. Поэтому часто в одежде используются национальный орнамент и яркие, характерные для татарской культуры цвета (в то время, как в арабских странах в одежде приветствуется черный цвет).

¹ Кол Шәрифтә намаз укыганым бар // Ирек майданы, 23.10.2013.

² Гаёт намазы укыды һәм агач утыртты // Ирек майданы. 17.10.2013.

³ Рухи хэзинэ. Служба национального вещания ГТРК Татарстан // URL: <http://trt-tv.ru/sluzhba-nacionalnogo-veshhaniya/ruhi-x%D3%99zin%D3%99/> (дата обращения: 15.04.2016).

Зарисовочные сюжеты дополняют телевизионные репортажи. Нередко поводом выступает знакомство с открывшейся или действующей мечетью в каком-нибудь из районов республики. Журналисты рассказывают о них не только как о центрах приобщения к религии, но и как о центрах культуры и образования. Вот сюжет о мечети Габдельгаллям, которая находится в селе Сосновая Слобода. Здесь проводятся курсы по чтению Корана и изучению арабского языка. Корреспондент берет интервью у бабушек, которые посещают эти курсы. В мечети также есть библиотека старинных книг. Хазрат рассказывает историю некоторых из них. Мечеть является местом, где можно поговорить с единоверцами на темы, на которые возможно трудно разговаривать с родными или просто знакомыми, – говорит хазрат. – Поэтому роль мечети не ограничивается только лишь местом совершения молитвы¹.

Следующий сюжет – о новой мечети, которая открылась в одном из районов Казани. Мечеть названа «Гаилә», что в переводе означает «семья». Поэтому повествование касается темы семьи в исламе. В мечети есть специальная комната для свадебной церемонии – никаха. Корреспондент берет интервью у прихожан, которые благодарят тех, кто построил мечеть. Ее имам хазрат Рустем Хайруллин рассказывает о роли отца и матери в семье².

Характерная для рубрики простота отображения темы, ее включенность в повседневность, неторопливая повествовательность, представленность разных поколений в естественной обстановке, сосредоточенность на традиционных ценностях – все это соотносится с национальным бытом татар,

¹ Рухи хэзинэ. Служба национального вещания ГТРК Татарстан // URL: <http://trt-tv.ru/sluzhba-nacionalnogo-veshhaniya/ruxi-x%D3%99zin%D3%99/> (дата обращения: 15.04.2016).

² Там же.

располагает к приятию темы. Очевидно, что такие сюжеты создают ощущение единения не только верующих, но всех представителей татарской нации. Таким образом, социальная и информационная политика в Татарстане формирует образ Дома, в котором царит атмосфера согласия. Все негативное при этом рассматривается как то, что находится «за порогом», чуждое. Образ ислама является частью этой политики.

Чувства верующих: и единство, и плюрализм.

Здесь надо указать на еще одну особенность образа ислама в татароязычной прессе: через его представление происходит трансляция установок общественной морали. Под рубриками на религиозные темы медиатексты воспитательного характера регулярно появляются не только на государственном телевидении, но и в городской и республиканской прессе. В них пишут о том, как формировать отношения между людьми, как строить семью, как сочетать светскую и религиозную жизнь. Для верующих эта проблематика относится к теме правильной жизни в вере. Но тексты такого рода находят своего потребителя во многом еще и потому, что затрагивают «вечные вопросы», на которые современные светские медиа и не пытаются искать ответы. Заполнить эту нишу мусульманской журналистике помогает опора на естественные для нее моральные авторитеты.

Характерный пример - интервью газеты «Ватаным Татарстан» («Моя Родина Татарстан») с заведующим кафедрой Российского Исламского университета Галиуллой Адхамовым, в котором теолог говорит о том, в каких случаях молитва не будет услышана¹. Другой пример - публикация о создании семьи: «Как найти себе пару?»². В ней представитель мусульманского духовенства

¹ Дога нигэ кабул булмый? // Ватаным Татарстан, 1.11. 2013.

² Гаилә // Ватаным Татарстан, 25.10. 2013.

указывает на то, что, к сожалению, среди мусульман растет число тех, кто говорит «талак» (арабское слово, указывающее на развод). Причина, - рассуждает автор, - не в том, что у молодых нет опыта семейной жизни, а в неправильном понимании роли семьи, несоблюдении шариата...». Ряд подобных нравоучительных медиатекстов можно продолжить.

В татарских СМИ проводится политика межконфессионального мира. Об этом свидетельствует сравнительный анализ двух различных газет – республиканского издания «Ватаным Татарстан» и частного издания «Ирек майданы» («Площадь Свободы»), проведенный в 2013-2014 гг.¹ В тот период актуальной темой для обсуждения СМИ стал ряд поджогов церквей на территории республики и проблемная ситуация в одной из школ города Нижнекамска, где ученицам запретили носить паранджу и хиджаб. В связи с ситуацией в школе «Ватаным Татарстан» помещает материал «Запретить нельзя завязывать»². В заголовке не поставлена запятая, которая должна стоять по правилам татарской и русской пунктуации. От ее места смысл заголовка может поменяться на противоположный. Газета таким образом не дает окончательного ответа о своей позиции. Решение как-будто «повисает в воздухе».

Теракты в виде поджогов семи православных церквей всколыхнули население республики. «Ватаным Татарстан» откликнулась на один из поджогов лексемами тревожности: «Взрыв. Будут ли мстить мусульманам?»³. Однако далее публикации были нацелены на то, чтобы успокоить общественное мнение, поддержать межконфессиональный мир: «Мусульмане

¹ См.: Гарифуллина Л.Т. Этноконфессиональная тематика в татароязычных СМИ: компетенции журналиста.

² Тыярга ярамый бэйлэргэ // Ватаным Татарстан, 26.11.2013.

³ Шартлау: үчне мөселманнардан алырлармы? // Ватаным Татарстан, 23.10. 2013.

помогли церкви»¹, «Церкви под защитой Бога и его посланника...»², «Белая мечеть – место принятия общего решения»³, и др.

Газета предоставила слово различным лидерам мнений. В интервью агентству «Интерфакс-Поволжье» председатель Государственного Совета РТ Фарид Мухаметшин отвечает на вопрос, «...как Вы считаете, кому было нужно нарушить межнациональную и межконфессиональную стабильность в республике?»: «...Мое внутреннее чувство подсказывает мне, что есть внешние силы, которые не хотят в центре России видеть стабильность. Думаю, заказчики находятся далеко за границами России. Но у них ничего не получится...» («Дружбе не иссякнуть»⁴). Идея межрелигиозной и межнациональной стабильности звучит не только из уст политических лидеров, но и самих журналистов. Например, в статье «Необъявленная война: мы ее служители?» приведены слова автора публикации Наиля Шафигуллина: «Радикалы зря стараются. У нас, у татар, нет ненависти к русским, у русских - к татарам, у мусульман - к христианам... Поэтому нет причин для нападения друг на друга. Но даже если мы знаем, что народ, который живет в толерантной атмосфере, не пойдет на такое, не надо терять бдительность»⁵.

Завершает череду этих публикаций авторитетный мусульманский богослов Юсуф хазрат. Он начинает свое выступление словами: «Поджог места, где тысячи людей преклоняются перед Богом – это ужасающий поступок. Мечеть ли

¹ Мөселманнар чиркәүгә ярдәм күрсәтте // Ватаным Татарстан. 14.12..2013.

² Йосыф хәзрәт Дәүләтшин. Чиркәүләр – Аллах һәм аның илчесе сагында... // Ватаным Татарстан, 22.01. 2014.

³ Ак мечет-уртак фикергә килү урыны // Ватаным Татарстан, 14.01.2014

⁴ Тынычлык какшамас // Ватаным Татарстан, 27.12.2013.

⁵ Наил Шәфигуллин. Игълан ителмәгән сугыш: без аның тотыкларымы? // Ватаным Татарстан, 21.01. 2014.

это или церковь – никто не имеет права наносить вред молельням, посягать на самые сокровенные уголки человеческой души»¹.

По наблюдениям Л.Т. Гарифуллиной, мониторинг газет обнаруживает большое различие повестки дня газет «Ватаным Татарстан» и «Ирек майданы»: те события, которые попадают на страницы одной газеты, почти не встречаются на страницах другой, и наоборот². «Ирек майданы» не освещала подробно ситуации, связанные с поджогом церквей, однако заинтересованно отнеслась к ситуации с «файзрахмановцами», призывавшим к отклонению от традиционных норм ислама. «Ватаным Татарстан» упомянула о них лишь в одной заметке «Экстремистов выселяют на улицу»³. В ней сообщается о решении суда по поводу религиозной группы, организованной Файзрахманом Сатаровым, старым человеком, провозгласившим себя «расулем Аллаха», т.е. толкователем Корана. Как сообщалось на одном из православных интернет-ресурсов, назвавших эту группу сектой, Файзрахман запретил своим фанатам лечиться, учиться и общаться с окружающим миром. Там были и дети. Их содержали в подвале частного дома⁴. В Татарстане группу признали экстремистской. В газете «Ирек майданы» по этому поводу вышла большая публикация «Не уйдем по своему желанию»⁵. В ней, судя по ее тону, было проявлено сочувствие «файзрахмановцам».

¹ Йосыф хэзрэт Дәүләтшин. Чиркәүләр – Аллаһ һәм аның илчесе сагында... // Ватаным Татарстан, 22.01.2014.

² Гарифуллина Л.Т. Этноконфессиональная тематика в татароязычных СМИ: компетенции журналиста.

³ Экстремистлар урамда кала // Ватаным Татарстан, 20.11. 2013.

⁴ Сектанты 10 лет держали детей в подземном бункере // http://www.ansobor.ru/news.php?news_id=3211

⁵ Үз ирегебез белән китмибез // Ирек майданы. 21.11.2013.

К примеру, журналистом Фаритом Салиховым были заданы виновникам ситуации проникнутые беспокойством вопросы: «Как вы относитесь к тому, что на вас навесили ярлык “секта”? Каково самочувствие у детей, где они сейчас? Какова будет их судьба, когда исполнят решение суда и их выставят на улицу? Какие трудности возникнут в ходе возвращения детей к родителям?». Журналист продолжил тему детей, живших у «файзрахмановцев», в следующей публикации¹: «Среди детей есть такие, которые раньше проживали в проблемных семьях с выпивающими родителями. Они не видели там воспитания. Были среди них и бездомные. Вы не считаете спорными действия по их возвращению в прежнюю обстановку?». Очевидно, что позиция «Ирек майданы» по данной ситуации отличается от позиции «Ватаным Татарстан», которая проявила официальность и нейтралитет.

Еще один отличительный момент освещения религиозной тематики в газете «Ирек майданы»: газета обращает внимание и на конфессиональные характеристики христианства. На ее страницах публикуются интервью, где раскрываются тонкости религии, тех или иных обрядов, традиций. Приведем для примера интервью с актрисой Аграфеной Васильевой «Иисус и сам мяса много не употреблял»², где речь идет о великом христианском посте и о его правилах: что можно кушать, что нельзя, какие молитвы нужно читать во время поста и др. Таким образом, газета поддерживает позицию образованных мусульман. Эту позицию выразил в своих исследованиях о северном исламе, которые он проводил в архивах европейских библиотек, корреспондент Би-Би-Си, выходец из Татарстана Равиль Бухараев. Он исходил из того, что ислам как самая молодая из древних религий был явлен в подтверждение

¹ Балалар акыллы, эшчэн һәм сүз тыңлаучан // Ирек майданы. 21.11.2013.

² Иисус үзе дә итне күп кулланмаган // Ирек майданы. 26. 12.2013.

истинности прежних Божественных откровений и Коран обязывает мусульман верить в то, что несли все пророки человечества: «Таким образом, вселенский универсализм ислама проистекает не из каких-то человеческих или культурных претензий, но как логический вывод из того фундаментального принципа, что ислам признает и поддерживает Божественное происхождение всех явленных религий, в том числе и в первую очередь иудаизма и христианства»¹.

В лучших своих проявлениях татарские СМИ поддерживают такого рода «вселенский универсализм». Однако из-за социального разнообразия отряда верующих эта позиция не является последовательной. К примеру, та же «Ирек майданы» публикует неодобрительную заметку «Ляйсан Утяшева крестила сына»², в которой есть оппозиция «свой-чужой». (Знаменитую спортсменку и телеведущую Ляйсан Утяшеву, которая вышла замуж за известного шоу-мена Павла Волю, татары принимали как татарскую мусульманку, а тут выяснилось, что она крестила своего сына). Конфликтное неприятие «других» может проявить себя не только по отношению к другой вере. Приведем высказывание молодого хазрата Лотфуллина по поводу концерта Элтона Джона в Казани³: «Вот идут на этот концерт, совершают прелюбодеяния, колют наркотики, пьют водку, потом рождаются больные младенцы, возникают неполные семьи, появляются дети-сироты. Все начинается с малого. Кажется, это безобидная пропаганда, но в ее основе лежат очень страшные вещи. Это – харам. Если полагаться на Коран, то гомосексуалистов нужно сбрасывать с высоких

¹ Бухараев Р.Р. История российского мусульманства: беседы о Северном исламе СПб., 2015. – С.7.

² Лэйсэн Утяшева улын чукундырган // Ирек майданы. 3.10. 2013.

³ Кызык айткэн // Ирек майданы. 10.10. 2013.

домов». Еще один материал в той же тональности: «“Голубых” - за решетку?»¹.

Традиционное versus глобальное.

Третья особенность образа ислама в татароязычных СМИ связана с тем, как разрешается незримый конфликт между религией и современными медиа. Этот конфликт не является специфически татарстанским и характерным именно для ислама. Поднимая проблему «обмирщения» церковного сознания, соучредитель Гильдии религиозных журналистов МедиаСоюза Александр Морозов, в частности, указывает, что «медиа обслуживают цивилизацию предметов одноразового пользования и конструируют мир очень коротких мотиваций. Религия – с ее длинными цепочками контекстов – не попадает в формат медиа»².

Наш анализ показал, что технологическое развитие медиа все дальше разводит аудиторию верующих, ориентированную на традиционные тексты о религии, и аудиторию, ориентированную на секулярное медиапотребление. Различие в подаче темы ислама в татароязычных СМИ в том и в другом случае можно проследить на примере бумажной и Интернет-версий выпусков городской муниципальной газеты «Шәһри Казан» («Город Казань»).

В бумажном варианте издания есть еженедельная страница «Иманлы сүз» (Слово веры»). Анализ показывает, что публикации на этой странице продолжают традицию агиографической литературы, текстов трансцендентного общения. Чаще всего поучительные истории подаются в виде притч. В 2014 году газета предприняла публикацию серии рассказов по мотивам книги хазрата Джалиля Фазлыева «Нравоучения Локмана Хакима». Главным героем небольших притч является Локман Хаким,

¹ Зәңгәрләре төрмәгә? // Ирек мәйданы. 16.01.2014.

² Вера в мире коммуникаций // URL: <http://www.pravmir.ru/vera-v-mire-kommunikacij/> (дата обращения: 18.02.2017).

который попадает в разные ситуации. В качестве примера приведем один из рассказов. В завязке рассказывается о том, что когда Локман Хаким был рабом, он никогда не брал ягоды без разрешения хозяина. Здесь же приводится один из нравоучительных выводов: нельзя брать чужое. Второй вывод следует за первым: умный не должен выделять себя среди глупых. Другие рабы решили оболгать главного героя и сказали хозяину что он воровал и ел ягоды из сада. Хозяин спрашивает Хакима, какое же наказание ему дать. Хаким предлагает хозяину дать всем рабам теплой воды и заставить бежать. Хозяин соглашается. В результате у всех начинается рвота и становится видно, кто на самом деле ел плоды. Справедливость восторжествовала¹.

Публикация в том же формате «Если бы было терпение» сопровождается подзаголовком «Нравоучение». В ней повествуется о случае из жизни Хазрати Гали. По структуре материал является притчей, состоит из вступления, завязки, кульминации и развязки. Нравоучительный вывод следует в конце материала. Хазрати попросил прохожего посторожить лошадь, пока он прочитает намаз. Хазрати намеревается наградить его за это пятью дирхамами, но ничего ему об этом не сказал. Позже выяснилось, что украдена уздечка. Хазрати посылает слугу за новой. Слуга на базаре видит украденную уздечку и выясняет, что вор продал её за пять дирхамов. В конце концов, продавец возвращает владельцам уздечку за ту цену, которую сам купил у вора. В итоге Хазрати тратит те самые пять дирхамов, что предназначались прохожему в качестве награды. Нравоучительный вывод содержится в монологе Хазрати: если бы вор подождал Хазрати, то получил бы деньги, не беря грех на душу².

¹ Шахри Казан. 2014. 3 сент. С.9.

² Шахри Казан. 2011. 14 апр. С.7.

Притчи с другими действующими лицами в бумажных выпусках газеты публикуются регулярно. На этой же тематической странице представлены хадисы, изречения из Корана, размещается лунный календарь для того, чтобы верующие соотносили время намаза (молитвы) с временем восхода и захода солнца. Очевидно, что адресатами бумажной версии газеты являются представители старшего поколения. Среди подписчиков российской бумажной периодики это стабильный контингент. Повествовательность, сюжетность, композиционная целостность притч, метафоричность, образность их языка – все это характеризует данный формат как литературное произведение. Вместе с тем, будучи продолжением традиции агиографии, притчи могут быть также отнесены к медиатекстам, рассчитанным на массовую аудиторию. Они не публикуются с такой регулярностью на сайтах, однако именно их интонациями пронизаны интернет-публикации, рассчитанные на верующих мусульман.

Интернет-версия газеты не стала копировать бумажные выпуски. На ее сайте материалы об исламе помещены под рубрикой «Дин» («Религия»). Их адресатом являются татароязычные пользователи Интернета. Как правило, это молодежь. В ее среде процент верующих в сравнении с их бабушками и дедушками не велик, поэтому публикации на сайте в большей степени приближены к журналистике. По жанру это интервью с хазратами, заметки о мусульманских праздниках, перемежающиеся с заметками о культурной жизни города и Республики Татарстан в целом. Газета «Шәһри-Казан» иллюстрирует таким образом тенденцию, о которой говорилось ранее. Речь о том, что СМИ «подключают» религиозную тематику к теме этно-культурной идентичности. Вопрос об идентичности («Кто я такой?»), как нам представляется, имеет больше шансов

привлечь новые поколения аудитории, чем глубинные вопросы веры, рассчитанные на подготовленное к ним религиозное сознание. Говоря языком медиарынка, стоимость информации об идентичности выше, чем стоимость информации о религии как таковой.

Индикатором нечувствительности медиа к специфике темы религии выступает концепт «оскорбление чувств верующих». Так называется статья Уголовного кодекса РФ, по которой в 2016 году состоялся первый в России суд. Ответчиком стал 38-летний интернет-пользователь, который вступил в социальных сетях в дискуссию о библейских заповедях. Истцами выступили двое молодых людей, которые заявили, что представляют в суде «интересы всех православных христиан»¹. В Татарстане стремятся к досудебному разрешению подобных конфликтов.

Примером может послужить информационный спор, который развернулся вокруг музыкального клипа татарской певицы Резеды Ганиуллиной. Она исполнила песню на татарском языке «Жаным» («Душа»), сопровождая исполнение «восточным танцем». Подобные исполнения с танцем оголенного живота, эротическими позами и взглядами, в откровенном шелковом одеянии включены в индустрию развлечения не только в Татарстане. В Казани выход «восточных танцовщиц» можно заказать в некоторых ресторанах и клубах. К целомудренному образу национальной татарской культуры эти танцы никакого отношения не имеют. Однако возмущение мусульманской общественности вызвал не сам сценический имидж певицы, а то, что в качестве декораций она выбрала силуэты и стены известной в республике Белой мечети.

¹ Начался первый в России суд по статье «Оскорбление чувств верующих»// <https://life.ru/t/%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8/188064> (дата обращения: 15.06.2017).

Речь идет о святыне города Болгар, воздвигнутого вокруг старинного городища в качестве символа славной истории татарского рода и его мусульманской силы. Вопрос об оскорблении чувств верующих поднял имам Закабанной мечети Казани Саэтжагфар Лотфуллин. Разразился скандал, отголоски которого дошли и до федеральных СМИ.

По-разному подавалась информация об инциденте в газетах «Ватаным Татарстан» и «Ирек майданы». «Ватаным Татарстан» откликнулась на событие двумя публикациями. В первой - «Мечеть – это не баня»¹ - было процитировано помещенное в социальной сети гневное порицание певицы имама Лотфуллина. Также по этой теме высказались муфтий РТ Камиль Самигуллин и глава Спасского района Казани Камиль Нугаев. Тон публикации – обвинительный. Вторая публикация – это опрос, который провела газета среди читателей, обратившись к ним с вопросом «Не обидели ли вас клип, снятый у Белой мечети?»². Приведены как положительные, так и отрицательные ответы. В газете «Ирек майданы» по этому поводу публикуется лишь одна заметка «Мой сценический образ – Восточный»³. В публикации приводятся слова Резеды Ганиуллиной о том, что она считает свое исполнение танцев профессиональным и относит их к искусству, но если это кого-то оскорбило, приносит извинения. Публикация выполнена в оправдательном тоне по отношению к певице⁴.

Показательно, что два месяца спустя у СМИ РТ вновь появился повод написать об имаме Закабанной мечети: он не прошел аттестацию ДУМ РТ с формулировкой «недостаточный уровень

¹ Мэчет мунча түгел // Ватаным Татарстан. 23.09. 2016.

² Ак мэчет янындагы клип рэнжетмэдеме? // Ватаным Татарстан. 24/09..2016.

³ Сэхнэ образым Шэрыкъ стилиндэ // Ирек майданы. 26.09.2016.

⁴ См.: Гарифуллина Л.Т. Этноконфессиональная тематика в татароязычных СМИ: компетенции журналиста.

знаний». Популярная газета «Бизнес-online» сообщала, что на комиссии мулы попеняли мятежному имаму на то, что он не сдержал обещания не провоцировать медийные скандалы. Газета напомнила, что в 2013 году Лотфуллин прославил Татарстан тем, что призывал бойкотировать концерт «пропагандиста смертного греха» Элтона Джона. Другой скандал связан с тем, что он «проклял» в социальных сетях установленные дорожной инспекцией радары слежения как несоответствующие законодательству РФ, «а также шариату». Резюмируя мнение опрошенных экспертов, «БИЗНЕС Online», заключает, что марш религиозных консерваторов ислама стал ответом на ультралиберальное отношение западного мира к пороку¹. Под данной публикацией было оставлено 235 комментариев. Их общая тональность – поддержка искреннего верующего человека, который инициировал различные социальные проекты, поддерживал детей-сирот, успешно, как и его отец, управлял Закабанной мечетью, сделав ее, по отзывам прихожан, одним из лучших духовных учреждений Казани. Пользователи практически едины в мнении, что указанная причина, дающая повод для отстранения имама от должности («не умеет читать Коран в оригинале»), является надуманной: здесь вмешалась политика.

Характерно, что подробности этой истории, привлечшие к обсуждению широкую общественность, изложены в русскоязычной прессе, а не в татарской. В самом этом кейсе, как в капле воды, отражена специфика положения дел, сложившегося вокруг темы ислама и ее освещения в региональных СМИ. А именно: основные векторы информационной политики направлены «сверху - вниз». В экстремальных ситуациях это дает положительный результат,

¹ «Не умеет читать Коран в оригинале»: как танцы в Болгаре «сгубили» имама Закабанной мечети // URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/327887> (дата посещения: 15.06.2017).

позволяя сохранить баланс социальных взаимодействий. Однако практика постоянного применения официальной идеологии толерантности вытесняет на периферию механизмы саморегуляции. Важный опыт гражданского самовыражения остается в статусе «комментариев».

Сделаем выводы.

В России, как во всем мире, в последние годы возросла актуальность изучения особенностей представления публичного образа ислама, освобожденного от типичных стереотипных суждений о нем. Национальные татарские СМИ являют собой уникальный исследовательский «кейс» для этой цели по следующим причинам:

- они транслируют взгляд на проблематику, связанную с исламом, как бы «изнутри», но при этом не в отрыве от российской общественной ситуации;

- более чем столетняя история татарской прессы, выходящей в различных российских городах, история республиканских татароязычных СМИ обогатили татарскую журналистику опытом толерантного освещения проблематики, связанной с культурным развитием татарского этноса и региона;

- татароязычные СМИ поддерживают ценности традиционного ислама ханафитского мазхаба, что вместе с информационной политикой татарстанских русскоязычных СМИ обеспечивает стабильность жизни в мусульманской республике в центре России.

Анализ медиатекстов татароязычных газет разных форм собственности, а также телевидения, дает основания отнести к ведущим особенностям формируемого ими образа ислама следующее:

- образ ислама неразрывно связан с историческими корнями и жизнью татарского этноса;

- «мусульманскость» в медиатекстах это в первую очередь культурный, объединяющий, а не идеологически разъединяющий маркер;
- через представление образа ислама происходит трансляция установок общественной морали, от которой освободили себя секуляризированные СМИ;
- образ ислама связывается с просвещенностью, широтой кругозора, культурностью.

Создание положительного публичного образа ислама в татароязычном сегменте республиканского информационного пространства достигается следующими способами:

- образ ислама в СМИ является неотъемлемой частью социокультурной политики, которая проводится в регионе в целом;
- татароязычные СМИ вне зависимости от учредителя и формы собственности не реагируют на негативные стереотипы об исламе в федеральных СМИ, они не являются проводниками иных религиозных доктрин;
- в татароязычных СМИ формируется и распространяется идеология «Дома», которая поддерживается также в русскоязычном сегменте информационного пространства под девизом «Наш дом - Татарстан»;
- ценности традиционного миролюбивого ислама преподносятся инкорпорированными в повседневные практики жизни этноса. Это подключает их к теме этнокультурных идентичностей, востребуемых среди молодежи;
- носители радикалистских идеологий рассматриваются как «пришлые», «чужаки» или люди «без роду и племени»;
- ряд лидеров мнений объединяет в себе как политические, так и моральные авторитеты в лице духовных служителей. Те и другие не противоречат в своих позициях друг другу. Это особенно важно для

ценностной легитимации политических решений, принимаемых при возникновении острых ситуаций;

- плюрализм мнений аудитории верующих, ориентированных на традиционные религиозные ценности, и аудитории, ориентированной на секулярное медиапотребление, обеспечивается через поддержку многообразия информационных ресурсов.

- нетерпимость, которая может быть проявлена в контексте плюрализма мнений, приобретает в этом контексте моральный, а не идеологический характер. Случающиеся информационные споры решаются в досудебном порядке.

§ 2. «Дорога к Храму» в стиле «нового журнализма»

В основу данного параграфа положено подготовленное нами мнение эксперта Общественной коллегии по жалобам на прессу по делу об оскорблении чувств верующих¹. Жалоба поступила на публикацию сайта «Сноб» (проект РБК) от 8 июня 2015 года «Собчак vs Красовский: Дорога к храму»².

Медиатекст представляет собой интервью с имамом, взятое в мечети. Мечеть посетили известная «бизнес-леди» Ксения Собчак и телеведущий Антон Красовский. Заявителем в Общественную коллегию по жалобам на прессу выступила казанская студентка Диляра Нурметова, которая усмотрела в стиле интервью оскорбление чувств верующих. Рассмотрение спора состоялось в

¹ См.: Шайхитдинова С.К. Мнение эксперта по жалобе на Интернет-публикацию «Собчак&Красовский: Дорога к Храму» / Настольная книга по медийному саморегулированию. Вып. 6. М., 2016. С.37-42; ее же: Религиозные чувства верующих в медиасфере / Информационное поле современной России: практики и эффекты: Сб-к ст. XII Междунар. науч.-практич. конф.- Казань, 2015. С.364-369.

² Собчак vs Красовский: Дорога к храму // Сноб // URL: <https://snob.ru/selected/entry/93638/?v=1456654324> (дата обращения: 15.11.2015).

Казани 20 ноября 2015 года при участии различных СМИ, активистов медиа-аудитории, религиозных деятелей. Стенограмма заседания опубликована на сайте Коллегии со всеми материалами дела №128. Представители «ООО Сноб Медиа», авторы конфликтной публикации в заседании не участвовали.

Прежде чем приступить к изложению подготовленного нами экспертного мнения, произведем обоснование названия данного параграфа. А именно: объясним введенное в него понятие нового журнализма. Как известно, им обозначается направление в журналистике, которое сформировалось в 60-е годы XX века и лет десять было популярно в США на волне возросшего интереса американской общественности к документальной прозе и к проявлениям контркультуры. Одной из знаковых фигур, воплощавших тот образ мыслей и стиль, является «журналист вне закона» Хантер Стоктон Томпсон, произведения которого активно стали переводиться на русский язык в конце 90-х и нашли у нас своих почитателей. В 2016 году в Казанском университете О.Р. Файзуллиной была защищена кандидатская диссертация по его творчеству¹. На основе обзора зарубежной и отечественной литературы соискательница со ссылкой на М.Джонсона, Дж.Холлоуэла, Дж. Арлена отмечает ряд типологических черт Нового журнализма:

- для автора, отдающего дань такого рода творчеству, характерна попытка быть субъективным, «включенным» и образно мыслящим по отношению к сообщаемым и комментируемым событиям (в отличие от авторов традиционной журналистики, которую отличает «обезличивание, лаконичность и клишированность»);

¹ См. Файзуллина О.Р. Творчество Хантера Стоктона Томпсона в контексте художественно-документальной традиции литературы США. Канд. дис. Казань, 2016. – 148с.

- присутствие голоса автора - представление события в «новожурналистском тексте» зависит от восприятия автора и того, какова значимость этого события для него;

- автор интересуется не только тем, что происходит «на сцене», как это делает традиционная журналистика, но и тем, что творится «за кулисами»;

- автор демонстрирует отстранение от формального, «сдержанного» стиля письма с его простыми повествовательными предложениями, предпочтение отдается неформальному стилю письма: сленгу, жаргону, сниженной лексике, просторечиям, неологизмам;

- ключевым отличием Нового журнализма от традиционной журналистики является привлечение авторами приемов и техник художественной литературы – в контексте актуальных документальных событий они заиграли новыми красками.

Диссертантка приводит заключение отечественных исследователей этого феномена О.О. Несмеловой и Ж.Г. Коноваловой, которые, проанализировав материал антологии Т.Вулфа, подчеркивают типологическую значимость ряда выделенных им новожурналистских приемов. А именно:

- повествование разворачивается в виде отдельных сцен;

- герои представляются в драматические моменты их жизни;

- диалоги приводятся практически полностью, без купюр, в отличие от журналистской выборки цитат;

- представляется многообразие точек зрения;

- повествование часто ведется от третьего лица;

- осуществляется акцент на «статусных» деталях или привычках, манерах, жестах, характерных для определенных людей, сообществ и субкультур.

Дж. Холлоуэл добавляет к этому ряду еще два художественных приема:

- внутренний монолог или презентация без прямого цитирования того, что думает и чувствует герой;
- сложное описание образа или соединение обнаруженных черт характера в один общий тип героя.

Продолжая тему специфики новожурналистского стиля, диссертант с опорой на теоретиков указывает также на особую роль героя как ключевого компонента повествования, на такие литературные техники, как ретроспекция, предзнаменование, измененная хронология событий, метод включенного репортажа, мозаичная композиция, где у каждого отдельного отрывка есть своя динамика и структура¹.

Нами приведен перечень признаков Нового журнализма в таком объеме в связи с тем, что эти признаки в той или иной степени могут быть представлены в современных медиатекстах. Однако вопрос в том, что эстетическая программа того или иного стилевого направления, будучи представлена особенностями организации текстов, этим не исчерпывается. Ее концептуальная основа лежит в социокультурных обстоятельствах времени ее породивших. Новый журнализм, возникший в Соединенных Штатах на волне увлечения литературой *non-fiction* и волне контркультурного протеста против стандартов респектабельного буржуазного мира, сегодня не может повториться. «Ситуация человека» сделалась другой. Идеалы прошлого вытеснены идеологией общества потребления. Поэтому то, что вчера расценивалось как творческое выражение «бунтаря», сегодня предстает как «игра». То, что вчера будоражило как новая, ни на

¹ Там же. С.26-27. См. также: Несмелова О.О., Коновалова Ж.Г. Новый журнализм: теоретические принципы и их художественное воплощение // Ученые записки Казанского университета. Т. 153. Кн. 2. 2011. - С.245-258.

что не похожая стилевая линия, сегодня оборачивается обыкновенным стебом. Поэтому «новый журнализм» в нынешнем исполнении, новоявленные «новожурналистские тексты» заключены нами в кавычки.

Обратимся к экспертному мнению. Перед экспертом был поставлен вопрос, содержатся ли в спорной публикации нарушения норм профессиональной этики журналиста? Если «да», то в каких фрагментах текста.

Характеристика объекта исследования. Интернет-публикация «Собчак & Красовский: Дорога к храму» (на время исследования - 292982 просмотра) выполнена в виде интервью с исламским богословом и проповедником, имамом московской Мемориальной мечети Шамилем Аляутдиновым. Разговор ведут во время посещения мечети известная в силу своей социальной активности «бизнес-леди» Ксения Собчак и телеведущий Антон Красовский. Интервью сопровождают провокационные фотографии. Их смысловое содержание будет раскрыто в пояснениях к выводам исследования.

«Сноб», на странице которого опубликовано интервью - международный бизнес-проект, представляющийся как «уникальное дискуссионное, информационное и общественное пространство для людей, которые живут в разных странах, говорят на разных языках, но думают по-русски (...). Формат «Премиум» предоставляет доступ ко всем возможностям проекта «Сноб» и дает право посещать российские и зарубежные мероприятия в сопровождении гостя, а также включает в себя карту привелегий участника проекта»¹.

¹ Международный бизнес-проект «Сноб» // Режим доступа 25.08.15-07.09.2015: <http://snob.ru/selected/entry/93638>

Методологическая база исследования базируется на теории социальной ответственности прессы. Мы исходим из того, что нормы профессиональной этики журналиста, сформировавшиеся как принципы восстанавливавшихся после Второй мировой войны западных демократий, являются основой медиаэтики и в постмодерную эпоху новых медиа. Объединяющим критерием, по которому выявляются манипулятивные злоупотребления в общении с массовой аудиторией, выступают идея целостности общества и идея сохранения гуманистических ценностей в нем¹. Исследование публикации осуществлено методом дискурс-анализа².

Выводы исследования.

Вывод 1.

Материал «Собчак & Красовский: Дорога к храму» является идеологическим. Носителями определившей его формат и стиль идеологии предстают как сами авторы публикации, так и проект «Сноб» в целом. Одна из направленностей представляемого этим проектом идеологического дискурса – разрушение метафизических оснований традиционной культуры. Дискурс с соответствующим смысловым содержанием представляет собой социальный и символический капитал, работающий на интересы глобального бизнеса. Стоимость поддерживающего этот дискурс информационного ресурса пропорциональна популярности участвующих в нем медийных лиц. Сами лица чаще всего не являются прямыми проводниками идеологических установок. Это дискурсивные персонажи, которые зарабатывают таким образом

¹ Профессиональная этика журналиста. Документы и справочные материалы. Вып. 4. Составитель Ю.В. Казаков. М., 2004.

² Чепкина Э.В. Русский журналистский дискурс: Текстопорождающие практики и коды: Монография. Екатеринбург, 2000.

или самовыражаются в соответствии со своим жизненным кредо.

Социальной базой данного ресурса выступают состоявшиеся, а потому состоятельные «интеллектуалы», «профессионалы», озабоченные личностным ростом и эффективностью своей вписанности в систему ценностей современного «евроатлантического мира», «евроатлантической культуры» (эти слова четырежды упомянуты в публикации в положительном контексте, как отправной критерий оценки). Целевой аудиторией являются они же, а также молодежь, все, для кого включенные в проект дискурсивные персонажи являются лидерами мнений.

В анализируемом материале выполнение направленности дискурса осуществляется 1) через профанизацию базовых ценностей «отсталых», «неэффективных» традиционных культур и религий; 2) через использование такого манипулятивного приема как стеб (трикстерство, демифологизация), что позволяет любое возражение оппонента поднять на смех, любую замеченную другой стороной рациональную функцию авторов стеба словесно довести до абсурда.

Стеб в качестве стилового приема как раз и обнаруживает идейное отсутствие журналистики в публикации: подобно форматам агитации и пропаганды анализируемый текст является монологическим, даже тоталитарным, не допускающим никаких других точек зрения кроме авторской. Ответы интервьюируемого на поставленные вопросы интерпретируются и концептуализируются строго на основе дискурсивной идеологии обозначенного Интернет-ресурса. В этом и заключается основное нарушение профессиональной этики: под видом журналистского формата (интервью полилог с репортажными вставками, иллюзия авторской свободы) потребителю продвигается информационный продукт с тенденциозным контентом.

Пояснение.

Концепцию любого материала, адресованного массовой аудитории, отражают заголовок и врубка. Они гласят:

Собчак&Красовский: Дорога к храму.

Ксения Собчак и Антон Красовский, подобно равноапостольному князю Владимиру, встретились с представителями мировых религий, дабы выбрать, какая из них им больше подходит.

По врубке становится понятным, что основное смысловое содержание публикации будет центрироваться вокруг ее авторов, а не их собеседников: «*Ксения Собчак и Антон Красовский, подобно равноапостольному князю Владимиру...*». Собеседникам, кто бы они ни были, отведена вспомогательная роль «разных попов», «представителей». Вознесение своего «я» выше всего того, что составляет естественную иерархию символического пространства культур (равнять себя с князем Владимиром, «выбирать» религию, как туфли в обувном магазине) обнаруживает и реальный смысл заголовка. «Дорога к храму» в данном случае это не путь духовного очищения. Это просто мем, который начинает ряд обозначений, содержащих сакральные смыслы для реальных представителей культур и религий, но подвергнутых, обесмысливанию в этом материале («ритуальные сооружения», «идолы», «уродливая стела» и т.д.). Поэтому точнее было бы его назвать «Собчак-Красовский & Дорога к храму».

Далее роль авторов в публикации уточнятся: «два шута». К этому амплуа приложены фотографии, на которых «тетка в клоунской бороде» и «мужик в сарафане» предстают в позах ряженых. Разыгрывание обозначенных амплуа представляет собой авторский прием. В сочетании с закрепившимся в российской медиасфере образом «я» Ксении Собчак провокационно

подчеркнутое ею «шутовство в заданном формате» невероятно расширяет границы текстового поведения: не только что хочу скажу, о чем хочу спрошу, как это было всегда, но как бы все это шутейно, в игре. Антон Красовский как мастер словесной обработки спектакля скандально обозначен, чтобы не потеряться на фоне своей пары, не толерантным словом, Для дела сгодилось все.

Идеологический контент публикации проявляет себя

- в двуполярном противопоставлении мусульман другим культурным идентичностям (евроатлантическая культура, — «*а русские, безусловно, это люди евроатлантической культуры*» - и мусульмане, «*либеральная демократия*» и «*великий исламский мир*», светская Собчак и несветская Чечня, американцы и мусульмане, христианин и мусульманин, мечеть как «*символ победы над Американским Заговором*» и т.п.).

- в распространении массовых стереотипов только одной из сторон (на эти стереотипы указывает заявитель)

- в конструировании идеологического противника и его «разоблачении» (Материал написан на позициях абсолютизации блага либеральных свобод. Всем, кто живет иначе, отказано в праве быть *Другими*).

Двуполярная логика и социальные стереотипы на злободневные темы хорошо продаются. На уровень продаж такого рода контента указывает количество посещений. Адреналин, который получают авторы публикаций «на грани фола», заставляет игнорировать любые возражения общественности. Таким образом, во всех фрагментах текста, выражающих его концептуальную идею, нарушены такие принципы профессиональной этики журналиста как объективность, недопустимость дискриминации по конфессиональному признаку, недопустимость распространения

сведений, поддерживающих социальную рознь, право на ответ¹. Дискриминация по конфессиональному признаку здесь проявляется в том, что авторы публикации отказывают в праве на счастье верующим - людям, избравшим не такую, как они сами, систему жизненных координат.

Вывод 2.

Сведения, которые содержат негативные стереотипы об исламе, не рассматриваются нами как сведения, оскорбляющие чувства верующих. Чувства верующих в их повседневном выражении являются частью их автономной частной жизни. Для того, чтобы в данном случае говорить об оскорблении общности мусульман, необходимо указать на объективно существующие факторы, благодаря которым эта общность перед лицом «двух шутов» может быть обозначена. Такой общности нет, т.к. невозможно гарантировать одинаково равную реакцию на сентенции, изреченные частными персонами (т.е. не журналистами лицензированного общественно-политического СМИ) в рамках частного бизнес-проекта, каким он представляется эксперту, не владеющему документами об учредителях и собственниках данного Интернет-ресурса.

Нет гарантии устойчивой общности и относительно восприятия материала неверующими. Ответы на вопросы интервью имама Шамиля Аляутдинова изложены не в пересказе, а через точно воспроизведенную прямую речь. (Постмодернистская деконструкция реальности, затеянная авторами, требует, чтобы «объект», который подвергается деконструкции, был представлен в первоизданном виде, как он есть, т.е. документально. В интервью это выразилось в том, что каждый выражал строго свою точку зрения:

¹ Профессиональная этика журналиста. Документы и справочные материалы. Вып. 4. Составитель Ю.В. Казаков. М., 2004.

«Беседа все отчетливей напоминала абсурдную юмореску про грузина и доцента»). Данная текстовая ситуация открывает перед грамотным читателем возможность самому понять, что - к чему. И не исключено, что он может занять в разговоре оппонентов сторону духовного лица. В таком случае анализируемый текст можно рассматривать как продвижение ценностей мусульманской культуры в среду светской аудитории.

Пояснение.

Субъективное ощущение задетых религиозных чувств может возникнуть в адрес коротких юбок, в адрес анонимных комментариев в сетях, в адрес некорректных высказываний в СМИ и т.д. Поводов для эмоциональных реакций верующих в социальной жизни предостаточно. Представляется, что критерием необходимости их коллективного выражения в миру должно выступать наличие достаточно устойчивой конфессиональной общности, чувства которой оказываются задеты. Такая общность, как нам видится, должна существовать как общность до предполагаемого инцидента. Она, как нам видится, формируется прежде всего как феноменологическая по отношению к признанным религиозным святыням. Свою символическую субъектность общность доказывает повседневно в религиозной обрядности, в молитве, в поклонении святыням. Если такая общность не проявляет себя как единое в религиозной жизни, то ее 'единство' в виде единства чувств не следует конструировать в жизни социальной. Проблемы культуры толерантности возмутителей спокойствия в случаях, где нет необходимости заявлять о коллективной воле, нацеленной на защиту религиозных святынь, должны, по нашему мнению, остаться собственными проблемами этих возмутителей.

Тексты массовой информации, в которых создается идеологическое противостояние, требуют для завершения своего дискурса такого же оппонирования от имени «мы», какое формируют они¹. Однако подобное развитие информационного спора чревато, в особенности в области этно-конфессиональных отношений. В этой связи представляется необходимым в ответ на любые – большие и маленькие – провокации в медиасфере преодолевать соблазн консолидированного социального активизма. Как указывают исследователи, носители секулярного сознания уже не могут претендовать на тотальное «владение умами», но в праве рассчитывать на равноправие наряду с другими мировоззренческими группами². Верующие могут стать примером гуманистического посыла во взгляде на культурное многообразие мира.

Краткий ответ на поставленные перед экспертом вопросы:

1. В материале «Собчак&Красовский: Дорога к Храму» содержатся сведения, которые нарушают принципы профессиональной этики журналиста, такие как: объективность, недопустимость дискриминации по конфессиональному признаку, недопустимость распространения сведений, поддерживающих социальную рознь. Эти сведения содержатся в речи авторов публикации Ксении Собчак и Антона Красовского.
2. В материале «Собчак & Красовский: Дорога к Храму» не содержатся сведения, оскорбляющие религиозные чувства мусульман. Конструирование идеологической оппозиции, профанизирующей ценности традиционной культуры и мировых религий, а также распространение негативных стереотипов об

¹ Жижек С. Возвышенный объект идеологии. М., 1999.

² Медиа накануне постсекулярного мира. Коллективная монография /Под ред. В.А. Сидорова. СПб., 2014.

исламе и других конфессиях, является частью бизнес-проекта «Сноб» и характеризует меру социальной ответственности нашего медиабизнеса.

§ 3. «Звон колоколов и призыв к намазу»: этика освещения темы религии.

Спорная публикация «Звон колоколов и призыв к намазу» появилась в «Независимой газете» в марте 1998 года. Став предметом выполненного нами экспертного заключения, она была помещена в выпущенный по этому случаю сборник текстологических экспертиз. Он использовался нами в преподавании курса по Основам журналистики¹. С того времени прошло двадцать лет. Вновь откроем сборник, чтобы посмотреть, какие нарушения профессиональной этики были в то время нами зафиксированы. Оказалось, они примерно того же характера, что и нарушения, которые можно наблюдать сегодня. То есть можно говорить о типичности ошибок журналистов на этом тематическом направлении. Обратимся к тексту экспертного мнения.

Суть конфликта. 15.04.98 народный депутат Госсовета Республики Татарстан Туфан Миннулин обратился с депутатским запросом в прокуратуру республики с просьбой дать правовую оценку ряду публикаций о Татарстане в «Независимой газете» (Москва) на предмет наличия в них высказываний, направленных на возбуждение национальной или религиозной вражды, унижение национального достоинства, а также пропаганды исключительности одной из конфессий. Речь идет о публикациях собственного корреспондента «Независимой газеты» В.Постновой «В Казани

¹ См.: Шайхитдинова С.К. Экспертиза текстов массовой информации: Материалы к курсам по «Основам журналистики». – Казань, 1999.

введена надбавка к зарплате за национальность» (6.03.98), «И опять лидирует Татария. Рейтинг президента Шаймиева растет прямо пропорционально задолженности по зарплате в республике» (15.04.98), а также редактора журнала «Наука и религия» О.Газизовой «Звон колоколов и призыв к намазу» («Независимая газета», 18.03.98). С просьбой произвести экспертизу спорных публикаций обратилась прокуратура Республики Татарстан.

Общая характеристика публикации.

Наименование издания: «Независимая газета». Заголовок спорной публикации: «Звон колоколов и призыв к намазу». Подзаголовок: «К вопросу об исламо-православной идиллии Татарстана». Автор: Ольга Газизова. В сноске к публикации представлена следующая информация об авторе: публицист, переводчик, редактор журнала «Наука и религия». Объем публикации: 270 строк.

Другие характеристики: публикация имеет сверстанную под фамилией автора врубку в 18 строк, которая передает общую цель газетного выступления; публикацию сопровождает фотоснимок Артема Жителева с пометкой «НГ-фото» и подписью «Казанский Кремль - минарет и церковь без крестов». Опубликовано: 18 марта 1998 года.

Информационно-содержательный анализ спорной публикации.

Жанр, цели и стиль публикации определены во врубке, которая, судя по верстке, принадлежит самому автору. Прочитаем ее полностью:

«Суверенный Татарстан представляется религиоведам, политологам и прочим радетелям свободы совести тем местом, где в отличие от “нехорошей” Чечни ислам демонстрирует завидное миролюбие, идиллически сосуществуя с православием. Принято восхищаться политикой Минтимира Шаймиева,

который не оказывает явного предпочтения ни одной из этих двух конфессий и свято соблюдает принцип государственного невмешательства в церковные дела. Но реальность порой оказывается сложнее идеала...»

Использование оборотов *«прочие радетели свободы совести», «нехорошая» Чечня, «идиллически сосуществуя»,* свидетельствует, что автор не стремится идти по пути объективного журналистского исследования, когда максимальное личностное отстранение обеспечивает всесторонний анализ неоднозначного явления. Автор избирает путь, когда, напротив, его угол зрения, собственная установка становится ориентиром в подборе и интерпретации фактов относительно сосуществования двух конфессий. Иначе говоря, выступление выдержано в публицистическом жанре, допускающем использование аргументации, построенной на эмоциональном восприятии, которое, как правило, не может считаться адекватным существующему положению вещей. Обратимся для примера к вступительному абзацу публикации:

«Звон колоколов (правда звон очень робкий, стыдливый и торопливый) действительно звучит в Казани в унисон с призывами к намазу (правда призывы эти разносятся с минаретов не живыми муэдзинами, а беззастенчиво оглушительными громкоговорителями)».

Кроме сведений, что сегодня призывы к намазу звучат из громкоговорителей, остальное в этом отрывке - факт гносеологический, то есть сведения, передающие реальность восприятия, переживания. Цель такого рода фактов - не доказывать, а вовлекать в определенное эмоциональное состояние.

Автор обходит Казань *«стопочками апостольскими»,* для него - территория Казанского Кремля - *«священная для каждого*

русского земля», то есть взгляд сфокусирован на положении только одной из конфессий, представителем которой выступает сам автор.

В первой трети публикации называются «приметы дискриминации русского православия»: «Свято-Преображенский монастырь принадлежит хозяйственным службам администрации президента Шаймиева», «захоронения святых продолжают разоряться и разграбляться поныне», «не в лучшем положении Благовещенский собор», который также «принадлежит не Церкви, а Республике Татарстан», «на священной для каждого русского земле воздвигается мечеть Кул-Шариф».

Следующая треть публикации посвящена описанию того, как автор добивался приема у Анастасия, архиепископа Казанского и Татарстанского, о встрече с ним и сравнении его с муфтием Габдуллой Галлиулой не в пользу первого. Автор публикации выступает сторонником миссионерства Казанской епархии, требующей как минимум ведения служб на двух языках. Владыка Анастасий, - констатируется в публикации, - не выражает согласия ни на словах, ни на деле. В последней трети публикации без дополнительных фактов происходит переход к основному выводу, сделанному на основе впечатления автора:

«Почему же владыка Анастасий так боится миссионерства? Потому ли, что он просто не любит ничего татарского? Думается, дело здесь не только в этом. Похоже, что подлинных хозяев Татарстана устраивает положение православия как клубной религии - религии, выбитой из колеи и удушенной русской диаспоры, которая просто вынуждена существовать в условиях духовной резервации».

На этих позициях интерпретируется и объективный факт, который вступает в противоречие со сведениями, приведенными в первой трети публикации:

Послушному владыке «власти - в точном соответствии с золотоордынскими традициями - вручают «ярлык» на епархию и даже деньги на восстановление храмов, порушенных предками нынешних исламистов (в частности. Духовное управление мусульман «пожертвовало» владыке Анастасию 60 миллионов старыми на «реставрацию» кремлевского Благовещенского собора...))»

Таким образом, рассматриваемое газетное выступление выполнено в соответствии с избранным жанром личного, субъективного осмысления наблюдаемой ситуации со стороны нештатного автора газеты. Некорректность в подаче темы межконфессиональных отношений допущена в том, что автор усилил субъективизм своей позиции, выступая как представитель русского православия, в то время как читателю отрекомендован в качестве редактора журнала «Наука и религия», то есть специалиста, от которого аудитория вправе ждать объективной оценки этого специфического предмета разговора.

Профессиональная небрежность редакционных работников «Независимой газеты» выразилась и в том, что публикацию сопровождает снимок, на котором изображен архитектурный памятник - Башня Сююмбике,- названная в подписи к снимку минаретом.

При публикации подобного рода выступлений газета, которая поддерживает имидж независимой, должна быть готова предоставить такую же газетную площадь под выступление мусульманина, пристрастный взгляд которого обнаружит «приметы дискриминации» и положение мусульманства как клубной религии в российских городах. Он также должен иметь право высказаться о необходимости активного миссионерства со стороны религиозных деятелей его веры.

Вот такое экспертное мнение было вынесено нами двадцать лет назад. Время показало неправоту позиции автора спорной публикации. Республика Татарстан на деле доказала, что является регионом, в котором представители разных религий стремятся и живут в мире и согласии. И это происходит не «благодаря» журналистике, которую представляла Ольга Газизова, а вопреки.

Далее приведем текст Решения Казанской коллегии по жалобам на прессу. Решение примечательно тем, что в качестве объекта анализа выступает комментарий из социальной сети. Этому предшествовала дискуссия о том, правомерно ли на коллегии говорить о нарушениях медиаэтики в отношении такого рода медиатекстов. Коллегия проголосовала за обсуждение. Конфликтный комментарий, как выяснилось, был спровоцирован публикацией ресурса, который распространяет информацию в сетях подобно СМИ. Обратимся к тексту.

Решение Казанской коллегии по жалобам на прессу «О жалобе Регины Чибриковой на негативные комментарии по отношению к исламской религии к публикации “СМИ: в честь Курбан-байрама в Татарстане зарежут шесть верблюдов”, размещенной в паблике “Зеленодольс-Онлайн” социальной сети ВКонтакте 05.09.2016»

г.Казань, 17 октября, 2016 г.

На третьем заседании Казанская коллегия по жалобам на прессу в составе председателя палаты медиа-сообщества Светланы Шайхитдиновой, членов палаты: Ильшата Аминова, Римана Гилемханова, Фирдуса Гималтдинова, Зуфара Закирова, Ильдара Закирова, Нины Киркиной, Гульнары Сабировой, Инны Серовой, Руслана Сиразетдинова, Минневазыха Фатихова; председателя палаты медиа-аудитории Риммы Ратниковой, членов палаты: Ислама Ахметзянова, Лилии Бакулиной, Айгуль Залегдиновой, Этери Ильиной, Людмилы Кузьминой, Каусарии Матросовой, Розы

Ситдиковой, Леонида Толчинского рассмотрела поступившую в коллегия жалобу Чибриковой Регины Николаевны на негативные комментарии по отношению к исламской религии к публикации «СМИ: в честь Курбан-байрама в Татарстане зарежут шесть верблюдов», размещенной в паблике «Зеленодольск».

Позиция заявителя.

Присутствующая на заседании коллегии Р.Н. Чибрикова пояснила, что пользователь под ником «Олеся Морозова» назвала ислам жестокой религией, мусульман – людьми, смывающими свои грехи путем убийства, что выходцы из запрещенной в России группировки ИГИЛ – «по чудному совпадению, исламской веры»¹. По мнению заявителя, данные утверждения оскорбляют ее чувства как верующего человека, а также оскорбляют чувства других верующих.

Заявитель Регина Чибрикова отметила также, что заголовок публикации о том, что «СМИ: в честь Курбан-байрама в Татарстане зарежут шесть верблюдов» является некорректным по отношению к верующим, поскольку религиозный обряд представляет собой приношение животных в жертву, а употребление слова «зарежут» в сопровождении снимка верблюдов крупным планом провоцирует отрицательные эмоции.

Заявителем было также отмечено, что модератор паблика «Зеленодольск. Онлайн» не прореагировал на ее обращение с просьбой удалить конфликтные комментарии.

Позиция адресата жалобы.

Адресат жалобы на заседании коллегии отсутствовал. Однако заявитель проинформировала Коллегию, что ею было направлено заявление в республиканскую прокуратуру по этой теме, что Олеся

¹ URL: <https://vk.com/zelendol?w=wall-1491009_399677>(Дата посещения: 17.10.2016).

Морозова вызывалась в прокуратуру в связи с этим, т.е. ник принадлежит реальному человеку.

Обстоятельства, установленные в ходе заседания Коллегии.

Публикация, под которой были размещены спорные комментарии, является перепечаткой из СМИ, однако заголовок администраторами паблика был изменен. В ходе изучения данного вопроса члены Коллегии пришли к выводу, что именно такой заголовок, поставленный на паблике в нарушение авторского права коллег из СМИ мог стать отправной точкой в информационном конфликте. Первый комментарий Олеси Морозовой гласил: «Бедные животные, занесло ведь их в исламскую религию». Комментарии других пользователей также были об этом: Г.Н. : Ужас»» А.С.: «Зачем верблюдов-то убивать?»¹(Q).

Вопросы процедуры.

В целях установления статуса интернет-ресурса, на котором была размещена публикация, к которой были помещены комментарии, ставшие предметом жалобы, Казанская коллегия выяснила, что паблик «Зеленодольск. Онлайн» принадлежит сайту «Казань-Ферст» социальной сети «ВКонтакте». Данный социальный ресурс не является официально зарегистрированным СМИ, однако активно использует контент общественно-значимого содержания, его публикации могут быть перепечатаны в СМИ, так же, как и сам ресурс использует перепечатки.

С учетом изученных обстоятельств члены коллегии проголосовали единогласно за принятие жалобы к рассмотрению.

Мнение эксперта.

¹ URL: <https://vk.com/zelendol?w=wall-1491009_399677> (Дата посещения: 17.10.2016).

Экспертом по жалобе выступила Политова Светлана Павловна, кандидат психологических наук, доцент кафедры религиоведения Казанского федерального университета.

Перед экспертом был поставлен вопрос: содержатся ли в комментарии под ником Олеся Морозова, помещенным под публикацией от 05.09.2016 «СМИ: в честь Курбан-байрама в Татарстане зарежут шесть верблюдов» (паблик «Зеленодольск-Онлайн» в социальной сети «ВКонтакте»), сведения, оскорбляющие религиозные чувства верующих мусульман?

В результате проведенного исследования эксперт пришел к следующим выводам:

«Нет, сами по себе сведения в комментарии оскорблять религиозные чувства верующих мусульман не могут, но они могут восприниматься верующими мусульманами как оскорбительные, что и имело место в рассматриваемой ситуации. Поскольку восприниматься как оскорбительные могут любые сведения, в зависимости от отношения к ним, определить степень допустимости каких-либо действий можно и нужно путем разработки “договора” между сторонами взаимодействия, в котором необходимо “прописать” перечень допустимых/недопустимых действий, и их границы.

Когда член общества оставляет след, например, публично произносит фразу “Спартак-чемпион”, он, с точки зрения этики человеческого общения, должен осознавать ту реакцию, которую эта фраза вызовет у окружающих. Способность это осознавать появляется у человека в результате воспитания и социализации.

Считаю, что в целях профилактики возникновения рассматриваемых в жалобе ситуаций социальными институтами должна проводиться работа по определению допустимого в их оценках и в обращении с объектами, с которыми у верующих

связаны религиозные чувства. В этом смысле, Казанская коллегия по жалобам на прессу, может сыграть в этой работе важную воспитательную роль».

В ходе обсуждения ситуации мнения членов коллегии разделились. Было принято решение о голосовании по вопросу о том, содержатся ли в спорном комментарии сведения, оскорбляющие чувства верующих. Большинство голосов члены Казанской коллегии проголосовали за то, что факт оскорбления чувств имел место.

С учетом всего изложенного Казанская коллегия приняла следующее решение:

1. Казанская коллегия полагает, что редакция интернет-ресурса «Зеленодолск-Онлайн» несет ответственность за его содержание согласно нормам медиаэтики, поскольку данный источник является популярным ресурсом, распространяющим в сети информацию по общественно значимым темам. Отсутствие регистрации СМИ не освобождает новые медиа (интернет-ресурсы) от социальной ответственности за публично сказанное слово и за видеоинформацию.

2. Казанская коллегия рассматривает комментарии пользователей к публикациям на общественно значимые темы как часть гипертекста (публикация+комментарии), ответственность за который вместе с авторами и пользователями несут администраторы и модераторы сетевого ресурса. Казанская коллегия не поддержала мнение эксперта о субъективности впечатления об оскорблении чувств верующих в комментариях и считает большинством голосов, что факт невольного оскорбления со стороны пользователя может быть констатирован. Вместе с тем установлено, что данное оскорбление не является злонамеренным, происходит, скорее, от

неведения пользователя и спровоцировано некорректным заголовком публикации.

3. Казанская коллегия считает провокационным, конфликтным заголовком «СМИ: в честь Курбан-байрама в Татарстане зарежут шесть верблюдов». Поставив его без согласия коллег из СМИ, из которого была сделана перепечатка, администраторы паблика «Зеленодолск. Онлайн» нарушили такие нормы медиаэтики, как 1) уважительные отношения с коллегами, 2) уважительное отношение к такой аудитории, как верующие.

4.. Казанская коллегия пришла к выводу, что отказ администрации сетевого ресурса убрать конфликтные комментарии по теме, связанной с межконфессиональным миром, должен также рассматриваться как нарушение такого принципа медиаэтики, как недопустимость дискриминации по конфессиональному признаку.

5. Казанская коллегия рекомендует СМИ при освещении темы религии учитывать ее особый статус в повестке дня, связанный с тем, что верующие как сегмент аудитории данного тематического направления не могут быть в полной мере приравнены к массовой аудитории. Социально ответственная журналистика исходит из уважительного отношения к чувствам верующих любых конфессий.

6. Коллегия просит:

- распространить информацию о данном решении через сайт Союза журналистов Республики Татарстан;
- обсудить решение на занятиях Высшей школы журналистики и медиакоммуникаций КФУ.

В качестве выводов к данной главе приведем тезисы, рекомендованные нами для принятия к сведению при освещении темы религии.

Этика освещения темы религии в СМИ.

1. Тема религии не может быть приравнена к другим темам в СМИ в силу ее тесной соотнесенности с духовной жизнью человека и общества. Журналистам необходимо учитывать такой сегмент аудитории, как верующие. Игнорирование их религиозных чувств сопряжено с риском общественной напряженности. В настоящее время это особенно актуально для темы ислама.

2. Тема религии, будучи оторвана от теологической традиции, вовлекается в «коммуникативные гибриды», становится открытой для идеологического включения посторонних смыслов. Крайним проявлением идеологизации медиатекстов о религии становится «язык вражды». В текстах о псевдоисламе он проявляет себя в идеология человеконенавистничества.

3. Использование в освещении темы религии таких опасных коммуникативных стратегий, как провокация, стеб, троллинг, представляет собой дискриминацию верующих и может быть использовано в борьбе политических интересов. Противостояние этому возможно в рамках двух нормативных теорий прессы - национального развития и социальной ответственности.

4. Созидательное начало теории национального развития прессы заключается в возврате к истокам, в сохранении в современных медиатекстах типологических особенностей произведений с сакральными смыслами, в расположенности к этноконфессиональному диалогу. Положительный опыт реализован в татароязычных СМИ такой мусульманской республики, как Республика Татарстан.

5. Следование концепции социальной ответственности прессы способствует формированию медиатекстов с функцией просвещения. В этом случае в освещении темы религии особую роль играет личность автора, его духовно-нравственная зрелость, способность сопереживать «Другому». Как журналист он не

зависит от массовых и профессиональных стереотипов о религии, не стремится сделать себе имя с помощью «новожурналистских» приемов. Он способен поднять медиатекст до уровня публицистического произведения, найти точки соприкосновения верующих и широкой общественности.

Заключение

С целью выявления типологических характеристик и функциональных особенностей современных медиатекстов об исламе в журналистском дискурсе был поставлен ряд задач.

Первая задача была связана с необходимостью систематизации по аналогии с христианскими письменными документами текстов трансцендентного общения в исламе. Систематизация была произведена в соотнесении с историческими условиями порождения этих текстов. Для этого была привлечена литература по истории ислама, по истории суфизма. Данная работа была произведена для того, чтобы показать специфичность темы религии.

На основе сопоставительного анализа с предложенной В.В.Ученовой типологией текстов трансцендентного общения в христианстве установлено следующее. Теологические трактаты в исламе, так же, как и в христианстве, испытывали на себе влияние реальных событий, вызванных борьбой за утверждение единой веры. Особенностью развития научного знания в исламе в первые века явилось то, что оно развивалось во всех своих проявлениях как теологическое. Важную роль в повышении роли знания наряду с действием в исламе сыграли суфийские мыслители.

Отмечено, что тексты мистических откровений в исламе, так же, как и в христианстве, тяготеют к художественному стилю, к насыщенности метафоричным языком, образами и символами. Выявлено, что если в христианстве традиция достижения мистического откровения помимо монашеской аскезы была запечатлена в письменных текстах, в их особом стиле и построении, на котором лежит печать озарений автора, то в исламе мистическое откровение и сегодня часто достигается посредством

религиозно-духовных практик, которые носят ритуальный характер.

Если в христианском мистицизме откровения могли быть трудами отдельных людей, не претендующих на формирование мировоззрения верующих, то свод правил для верующих мусульман, который не носит мистического характера, но является частью мистифицированной духовной практики (тарикат) предстает как строгое наставление для последователей.

Наряду с теологическими трактатами и мистическими откровениями третий тип трансцендентных текстов в исламе также представлен агиографической литературой. Однако в связи с тем, что ислам предстает религией, созданной последним пророком на земле (Мухаммад – «печать пророков»), мусульманская агиография представлена не житиями святых мучеников-пророков, а притчами, легендами о выдающихся суфиях, наставлениями последователей Пророка, тасфирами и хадисами.

В качестве отдельного типа религиозных текстов в исламе предстают документы нормативно-поучительной направленности. По своему характеру, по своему стилю эти тексты в большей степени отдалены от вертикали трансцендентного общения и в большей степени приближены к горизонтали повседневного общения мусульман. Их доносят до верующих последователи Пророка, духовные лица. Значимость такого рода текстов видится в удержании склонного к символической метафоризации сознания верующего в поле повседневной жизни, в поле здравого смысла. Отмечено, что зачастую для этого используется сегодня площадка средств массовой информации.

Таким образом, установлено, что типологические особенности исторически сложившихся письменных текстов трансцендентного общения в исламе (теологические трактаты, мистические

откровения, тасфиры, хадисы), заключенные в них сакральные смыслы формируют ценностно-духовную сферу общественной жизни как сферу культуры, из которой черпают сюжеты и нормативные положения современные медиатексты об исламе с созидательным потенциалом.

Вторая задача проведенного исследования была связана с необходимостью обозначить типологические характеристики медиатекста, обуславливающие уход от трансценденции к медиации в теме религии. Эта задача выполнялась с привлечением отечественной литературы по теории журналистики, обзор которой показал, как постепенно понятие «журналистское произведение» трансформировалось в понятие «медиатекст». Отмечено, что произведение (это относится не только к журналистике) не теряет своей смысловой и композиционной автономности в зависимости от контекста. Медиатекст, напротив, открыт медиапроцессу, который его структурирует. Это дает основание предположить, что тексты трансцендентного общения в большей степени оказывают влияние на тексты-произведения. В то время как медиатекст стремится к отрыву от смысловой основы первоисточника, растворяется во внешне организованном дискурсе. Интертекстуальность, полимодальность и интегративность как первоначальные типологические характеристики медиатекста дают основание для рассмотрения его как воплощения коммуникативных стратегий. В этой связи такие характеристики, как жанр, композиционная целостность и т.п. не являются для данного феномена значимыми.

Очевидно, что переход от «произведения» к «медиатексту» не является линейным процессом. По отношению к теме религии необходимо говорить о ценностно-духовной сфере в культуре, из которой черпаются сюжеты произведений и медиатекстов. Один из

таких сюжетов – святость и падение праведника. В качестве примера приведена повесть Льва Толстого «Отец Сергей» и мнение Владислава Водько, проводившего параллель между повестью и житием Макария Римлянина, который так же, как герой Толстого, перед перспективой сытой спокойной жизни, сбежал в уединение, где также подвергся искушению. Повесть, по мысли данного автора, перекликается с византийской агиографией: православное христианство не признает предопределения, – заранее неизвестно, кто спасется, а кто – нет.

В татароязычной прессе существует устойчивая группа медиатекстов об исламе, которые в виде небольших притч излагают сюжеты агиографической литературы. Несколько лет они регулярно публикуются под рубрикой «Иманлы сүз» («Слово веры») в газете «Шәһри Казан». На тематической странице под этой рубрикой нам встретилась, например, притча о праведнике, который в духе нормозадающей исламской традиции не поддался искушению. Чтобы его преодолеть, молодой мулла, который впустил на ночлег юную дочь падишаха, обжигает свои пальцы огнем. Его ждет награда: узнав о случившемся, проникнувшись силой духа праведника, падишах выдает принцессу за него замуж. И хотя притча выстроена как произведение – с завязкой, кульминацией, развязкой повествования, перед нами – медиатекст, рассчитанный на массового потребителя.

Таким образом, переход от понятия «произведение» к концепту «медиатекст» представляет собой трансформацию классического способа коммуникации в неклассический. Этот переход воплощается в сложных изменениях, которые претерпевает культура. Обзор литературы по отечественной теории журналистики подтверждает этот процесс и указывает на его временные границы: это рубеж нынешнего и прошлого веков.

Третья задача исследования была связана с определением функциональных особенностей современных медиатекстов об исламе в соотнесении с коммуникативными стратегиями и нормативными теориями прессы. В связи с тем, что медиатекст проявляет себя как фрагмент медиадискурса и полностью определяется им, закономерности его построения были определены не через жанровую принадлежность, а через особенности выражаемой риторической модальности, которая как «кащева смерть» находится не в теле произведения, а в медиадискурсе в целом. Для сохранения предмета исследования в рамках журналистского дискурса мы обратились к нормативным теориям (концепциям) прессы, описание которых представляет собой одну из первых попыток моделирования медиапроцесса с учетом исторической эволюции журналистики. В теориях прессы учтено то обстоятельство, что коммуникация с помощью медиа - это не только передача сообщения от источника адресату с определенным эффектом и определенным образом закодированного. Это еще и взаимодействие неких ожиданий, интересов, позиций, за которыми стоят определенные нормативные требования. Они могут быть обусловлены традицией, особенностями менталитета, местом и ролью государства (медиафера – территория государственной политики), а также общим характером институциональных взаимоотношений, принятых в данном социуме. Каждая из шести, взятых нами на вооружение теорий имеет ярко выраженное ценностное содержание. Таким образом, нами получено новое измерение для типологических характеристик медиатекстов, которые получают свои смысловые и стилевые особенности в рамках авторитарной, советской, либертарианской нормативных теорий, а также теорий социального участия, национального развития и социальной ответственности журналиста.

Четвертая задача была связана с необходимостью выявления конвергенции информационной и идеологической функций медиатекстов об исламе.

Исследование показало, что теории прессы редко представлены в информационном пространстве «в чистом виде». Они образуют «гибридные матрицы» (Дзялошинский). Соответственно и медиатексты, являясь частью этих матриц, несут на себе печать конвергенции смыслов и стилей.

Определено, что медиатексты об исламе в российских СМИ отражают влияние такой нормативной теории прессы, как теория социального участия, когда происходит профанизация сакральных смыслов религии. Полиmodalность медиатекста является основанием конвергенции информационной и идеологической функций. Теряется автономность от других тематических направлений, тексты становятся маргинальными. Идеологизации религии способствуют усилившиеся экстремистские течения, которые выступают от имени ислама, и поэтому верующие вынуждены им противостоять, втягиваясь в идеологический дискурс. В нем, в отличие от дискурса культурного, эмоции, чувства включаются в мировоззренческие позиции, сопровождаются активными действиями или призывом к ним. Идеологическое содержание проникает как в информационные (новостные) медиатексты, так и в аналитические.

В аналитических материалах об исламе были найдены проявления разных типов идеологии. Идеология как ложное сознание преподнесена в виде описаний заблуждений людей, втянутых в межрелигиозное противостояние и конфликты; в виде описанных журналистами экстремистских действиях фанатичных адептов ислама. Идеология как система взглядов проявляется в рассмотренных нами аналитических материалах в виде позиций

лидеров мнений, к которым можно отнести духовных лиц и ученых, политиков и известных журналистов. Отмечено, что журналисты играют в этом ряду не последнюю роль. Профессиональное сознание пишущих на тему религии сегодня работает в соответствии с теорией социального участия. Журналист ограничивается трансляцией установок и стереотипов обыденного сознания, он сам является их носителем.

Пятая задача определена необходимостью охарактеризовать язык вражды, формирующий стереотипы об исламе, как дисфункцию медиатекстов.

Выявлено, что в медиатекстах о псевдоисламе обнаруживаются риски коммуникативных гибридов эволюционизировавших теорий прессы, которые поощряет отрыв темы религии от ценности этнокультурной идентичности. Отсутствие у человека целостности мировосприятия ведет к подмене настоящей веры человеконенавистнической идеологией псевдоислама. Данная идеология является сегодня одной из главных причин распространения языка вражды по теме ислама в СМИ и в сетях Интернет.

Исследование показало, что деструктивные тексты по теме ислама не имеют никакого отношения к религии, они транслируют установки, характерные для узкогруппового, сектантского мышления. Причинами распространения таких установок в социальных сетях или на других Интернет-площадках выступают, с одной стороны, социальные и психологические проблемы маргинальных членов общества, которые в языке вражды видят возможность выброса своей агрессивности. С другой стороны, подобные медиатексты являются орудием в политической борьбе. Профессиональные медиатехнологи используют их для создания негативных стереотипов, для усиления конфронтации между

представителями разных конфессий. Таким образом обеспечивается напряженность обстановки в социуме.

Необходимость обращения к изучению подобного рода медиасимулякров вызвана тем, что эти тексты находятся в свободном доступе для массовой аудитории. На них можно наткнуться, набрав в поисковой строке Интернета слово «ислам». Таким образом, определяется зона риска прежде всего для той категории граждан, которые не относятся к верующим или представляют другие конфессии. В связи с этим возникает также вопрос о противодействии языку вражды.

Шестая задача исследования связана с необходимостью рассмотреть созидательный потенциал медиатекстов об исламе, воплощенный в функциях просвещения и этно-конфессионального диалога.

Сегодня как никогда актуален вопрос о том, что презентация темы религии в медиапространстве, так же, как и другие темы, связанные с ценностными устремлениями и идентичностями человека, не может быть отдана на откуп политике и медиабизнесу. Этой темой должна заниматься качественная журналистика, грамотные, эрудированные журналисты, действующие в соответствии с профессионально-этическими принципами теории социальной ответственности прессы. Журналист, пишущий на тему религии, может не быть верующим или может не принадлежать к данной конфессии, однако он не должен браться за тему с «холодным рассудком». Необходима его публицистическая вовлеченность, его способность с уважением принять убеждения верующего, его веру как мир «Другого». В истории российской печати есть свидетельства подобного отношения к теме, когда можно было говорить о просветительской функции медитатекстов об исламе.

На примере публицистики Рауиля Бухараева показано, как позиция глубокой личности, исламоведа-энциклопедиста способна превратить медиатекст, написанный в ответ на пассажи дискуссии в газете «Известия», на уровень произведения. Воплощение теории социальной ответственности прессы в медиатекстах об исламе разворачивается как реализация просветительской функции. Размышления публициста о конфессии, о межконфессиональных отношениях становятся размышлениями о судьбах мира.

Исследование показало, что национальная пресса в мусульманской республике представляет собой самостоятельный «кейс» для изучения, так как являет собой особый опыт подачи темы ислама в медиатекстах. Отмечено, что региональные СМИ в Республике Татарстан развиваются в соответствии с теорией национального развития прессы. Мусульманская татароязычная журналистика являет собой пример воссоздания позитивного образа ислама, расширяя таким образом функции медиатекста как инструмента диалога в этно-конфессиональных отношениях. Татароязычная пресса Республики Татарстан, которая ведет свою историю от лучших представителей духовенства, продолжает заложенные некогда традиции, реализуя такую функцию медиатекста, как функция памяти (Лотман), создания преемственности между поколениями, формирования ценностного пространства малой родины

Метафоричность языка, насыщенность образами и символами мистических откровений сохраняется в стиливых особенностях притч и легенд, которые публикуются на тематических страницах для мусульман в татароязычных газетах и представляют собой целостные произведения. Нормативно-поучительные наставления в виде диалогов и монологов духовных лиц в большей степени интертекстуальны. За счет этого формата происходит расширение

целевой аудитории национальных СМИ в Интернете. Общую картину дополняет национальное телевидение, сюжеты которого служат единению мусульман.

Таким образом, ряд задач, которые были поставлены для достижения цели нашего исследования, выполнен в полном объеме. Типологические характеристики и функциональные особенности современных медиатекстов об исламе выявлены в журналистском дискурсе и описаны на примере их конкретных воплощений в российских СМИ и сетях Интернет.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

Список источников

1. Бухараев Р.Р. Исламские уроки Достоевского [Текст] // Ностальгия по Откровению / Р.Р.Бухараев. – М.: Наталис, 2005. – С.251-264
2. Бухараев Р.Р. Татарстан: Исламская традиция демократии [Текст] // Ностальгия по Откровению / Р.Р. Бухараев. – М.: Наталис, 2005. – С.296-326
3. Бизнес-Онлайн: Деловая электронная газета Татарстана [Электронный ресурс] / URL: http://www.business-gazeta.ru/article/300680/?utm_source=search (дата обращения: 10.04.2016).
4. Иманлы сүз: Ежедневная тематическая страница [Текст] // Шәһри Казан (Город Казань) Общественно-политическая муниципальная газета города Казани на татарском языке. – 2010-2016 гг
5. Интегрум. База данных [Электронный ресурс] // URL: <http://www.integrum.ru/> (дата обращения: 1-10.04.2013)
6. «Ислам един, Аллах один». Паблик в социальной сети [Электронный ресурс] // URL: <http://vk.com/islamallah> (дата обращения: 15.04.2014).
7. Мусульмане: Культурно-просветительский журнал. Телеканал Россия 1 [Электронный ресурс] / URL: http://russia.tv/brand/show/brand_id/3959:
8. Общественная коллегия по жалобам на прессу [Электронный ресурс] / URL: <http://presscouncil.ru/> (дата обращения: 14.03.2016).
9. Рухи хәзинә. Служба национального вещания ГТРК Татарстан [Электронный ресурс] // URL: <http://trt-tv.ru/sluzhba-nacionalnogo-veshhaniya/ruhi-x%D3%99zin%D3%99/> (дата обращения: 16.03.2016).
10. Шәһри Казан [Электронный ресурс] / URL: <http://shahrikazan.com/> (дата обращения: 8.04.2016).
11. Charlie Hebdo [Электронный ресурс] // URL: <http://charliehebdo.fr/> (дата обращения: 10.02.2016)
12. Islamdag [Электронный ресурс] // URL: <http://islamdag.ru> (дата обращения: 25.04.2014).
13. Islam-today [Электронный ресурс] // URL: <http://islam-today.ru/> (дата обращения: 20.04.2014).
14. «Islam-today.ru – Ислам. Мусульмане». Паблик в социальной сети [Электронный ресурс] // URL: <http://vk.com/islamrf> (дата обращения: 10.03.2015).
15. Salamworld: моя религия – Ислам. Паблик в социальной сети [Электронный ресурс] // URL: <http://vk.com/salamworld> (дата обращения: 10.03.2015).

Список литературы

1. Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б.С. Социологический словарь [Текст] / Пер. с англ. Под ред. С.А.Ерофеева / Н.Аберкромби, С.Хилл, Б.С.Тернер. - Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1997. - 420с.
2. Анненкова И.В. Медиадискурс XXI века. Лингвофилософский аспект СМИ: Монография [Текст] / И.В. Анненкова – М.: Изд-во Моск. ун-та; Факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, 2011. – 392 с.
3. Астахова Л.С. От религиозного опыта к религиозным практикам: очерки современного религиозного опыта [Текст] / Л.С.Астахова. – Казань: Отечество, 2011. - 149 с.
4. Баранов В.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика [Текст] / В.Н. Баранов. – М.: Флинта; Наука, 2009. – 592 с.
5. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика: Избранные работы. Пер. с фр. [Текст] / Сост., общ. ред и вступ. ст. Г.К.Косикова / Р. Барт – М.: Изд. группа «Прогресс», «Универс», 1994.- 616 с.
6. Брайант Д., Томпсон С. Основы воздействия СМИ: Пер. с англ. [Текст] / Д.Брайант, С.Томпсон. - М.: Издательский дом «Вильямс», 2004. – 432 с.
7. Бурдые П. Социология социального пространства: пер.с фр. [Текст] / Отв. ред перевода Н.А. Шматко / П.Бурдые. – СПб.: Алетейя, 2013. – 288 с.
8. Бухараев Р.Р. История российского мусульманства: беседы о Северном исламе [Текст] / Р.Р.Бухараев. – СПб.: Алетейя, 2015. – 320с.
9. Бухараев Р.Р. Ностальгия по Откровению [Текст] / Р.Р.Бухараев. – М.: Наталис, 2005. – 367 с.
10. Верховский А. Религиозная интолерантность и язык вражды / Язык вражды в обществе, политике и СМИ. Материалы конференции. М.: Центр развития демократии и прав человека, 2005 [Электронный ресурс] / А. Верховский // Сова: Информационно-аналитический центр. URL: <http://www.sova-center.ru/hate-speech/publications/2004/11/d3021/> (дата посещения: 3.04. 2016).
11. Власть, зеркало или служанка? Энциклопедия жизни современной российской журналистики. В 2-х т. [Текст] – М.: Издание Союза журналистов России. М.: Первая Образцовая типография, 1998.
12. Водько В. Византийские корни повести Л.Н.Толстого «Отец Сергей» / [Электронный ресурс] / В.Водько // Режим доступа: <https://byzantina.wordpress.com/2015/02/04/vodko/> (дата обращения: 21.12.2015).

13. Вопросы истории и теории журналистики: межвузовский сб. [Текст] / Ред.сост. Л.Д.Иванова. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2013. – 252 с.
14. Газизова Л.Ш. Религиозные ценности в структуре семейных установок студентов (региональный аспект) [Текст] // Автореф. дис... канд социол. н. / Л.Ш.Газизова. - Казань, 2012. – 23 с.
15. Гарифуллин В.З. Пути развития мусульманской журналистики [Текст] // Инфоноосфера и массовые коммуникации: Материалы Международной научно-практической конференции (Ростов-на-Дону, 1-4 октября 2008) / В.З.Гарифуллин. – Ростов н/Д: Изд-во НМЦ "Логос". – С.28-31.
16. Гарифуллин В.З. Мусульманская журналистика как важнейший механизм демократизации общества [Текст] // Информационное поле современной России: практики и эффекты: Материалы Седьмой Международной научно-практической конференции / Под. ред. В.З.Гарифуллина / В.З.Гарифуллин. – Казань: Казан. ун-т, 2010. – С.47-49.
17. Гарифуллин В.З. Место и роль мусульманских СМИ в информационном поле Татарстана [Текст] // Журналист. Социальные коммуникации / В.З.Гарифуллин. – 2013. – №1. С. 120-125.
18. Гарифуллин В.З. Медиа-ресурсы: формирование ценностных ориентаций в полиэтноконфессиональной среде (на примере деятельности мусульманских СМИ) [Текст] // Социокультурный потенциал межконфесс-сионального диалога: Материалы Международной научной конференции, Казань, 23–24 мая 2013 г. / Сост. и отв. ред. Р.А. Набиев / В.З.Гарифуллин. – Казань: Казан. ун-т, 2013. – С. 177-184.
19. Гарифуллин В.З. Роль мусульманских СМИ в обеспечении этноконфессиональной толерантности в Татарстане [Текст] // Вестник Челябинского государственного университета / В.З.Гарифуллин. – 2013. – № 21 (312). Филология. Искусствоведение. Вып. 80. – С. 131–134.
20. Гарифуллин В.З. Особенности функционирования религиозных программ на телеканале «Татарстан - Новый век» [Текст] // Телевидение и общество: Материалы Всероссийской молодежной научно-практической конференции с международным участием / В.З.Гарифуллин. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2014. – С.8-11.
21. Гарифуллин В.З. Место интернет-ресурсов в системе мусульманских СМИ [Текст] // Межкультурные коммуникации в современном мире: роль СМИ / В.З.Гарифуллин. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014. – С.38-41.

22. Гарифуллина Л.Т. Этноконфессиональная тематика в татароязычных СМИ: компетенции журналиста. Магистрск. дис, Казань, КФУ, 2017, 87 с.
23. Готлиб А. Введение в социологическое исследование: качественный и количественный подходы. Методология. Исследовательские практики [Текст] / А.Готлиб. – Самара: Самарский университет, 2002. – 424 с.
24. Гражданские коммуникации и гражданское общество [Текст] / Науч. ред. и сост. И.М.Дзялошинский. – М.: ВИНТИ. – 295 с.
25. Дзялошинский И.М. Гражданские коммуникации и гражданское общество [Текст] / И.М. Дзялошинский. – М.: НИУ ВШЭ, 2009. – 295с.
26. Дзялошинский И.М. – Журналистика соучастия. Как сделать СМИ полезными людям [Текст] / И.М. Дзялошинский. - М., Престиж, 2006. – 104 с.
27. Дзялошинский И.М. Коммуникативное воздействие: мишени, стратегии, технологии [Текст] / И.М. Дзялошинский. – М.: НИУ ВШЭ, 2012. – 572 с.
28. Дзялошинский И.М. Коммуникативные матрицы как предмет прикладной коммуникативистики [Текст] // Полифония медиатекста. Сборник научных статей / И.М. Дзялошинский – М.: РГСУ, 2011. – 48 с.
29. Дзялошинский И.М. Коммуникационные процессы в обществе: институты и субъекты. Монография [Текст] / И.М. Дзялошинский – М.: НИУ ВШЭ, 2012. – 462 с.
30. Дзялошинский И.М. Коммуникационные стратегии социальных институтов в медиапространстве России [Текст] / Автореф. дис. на соискан. степени докт. н. по спец-ти 10.01.10. Журналистика / И.М. Дзялошинский. – М., 2013. – 46 с.
31. Дзялошинский И.М. Медиапространство России: Коммуникационные стратегии социальных институтов. Монография. [Текст] / И.М. Дзялошинский. – М.: Изд-во АПК и ППРО, 2013. – 479 с.
32. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь [Электронный ресурс] / Т.Г. Добросклонская. – М.: Флинта, 2014. – 264с.
33. Егимбаев К. К. Религиозный экстремизм в социокультурном пространстве современной Центральной Азии: концептуальный анализ [Текст] / Автореф. дис ... канд. филос. н.: 09.00.14 / К.К.Егимбаев. – Душанбе, 2015. – 24 с.
34. Жижек С. Возвышенный объект идеологии. [Текст] М.: Художественный журнал. 1999. 114с.

35. Журналистика цифровой эпохи: как меняется профессия: Материалы международно научно-практической конференции, Екатеринбург, 15 апреля 2016 года [Текст] / Сост О.А. Автохутдинова. – Екатеринбург: Изд-во Урал.федерал. унт-та, 2016. – 240 с.
36. Зинченко М.С. Политизация ислама как фактор современного политического процесса [Текст] // Автореф.дис... канд. политич. н.: 23.00.02 / М.С.Зинченко. – Пятигорск, 2010. – 26 с.
37. Информационная и психологическая безопасность в СМИ: В 2-х т. Т.1: Телевизионные и рекламные коммуникации [Текст] / Под ред. А.И. Донцова, Я.Н.Засурского, Л.В.Матвеевой, А.И.Подольского. – М.: Аспект-Пресс, 2002. – 335 с.
38. Информационное поле современной России: практики и эффекты: Материалы VII Международной научно-практической конференции [Текст] / Под. ред. В.З.Гарифуллина. – Казань: Казан. ун-т, 2010. – 481 с.
39. Информационное поле современной России: практики и эффекты: Материалы X Международной научно-практической конференции [Текст] / Под. ред. Р.П.Баканова. – Казань: Казан. ун-т, 2013. – 600 с.
40. Информационное поле современной России: практики и эффекты: Сборник статей XI Международной научно-практической конференции [Текст] / Под. ред. Р.П.Баканова. – Казань: Казан. ун-т, 2014. – 520 с.
41. Информационное поле современной России: практики и эффекты: Сборник статей XII Международной научно-практической конференции [Текст] / Под. ред. Р.П.Баканова. – Казань: Казан. ун-т, 2015. – 490 с.
42. Ислам в истории народов Востока: Сборник статей [Текст]. – М.: Наука, 1981. – 198 с.
43. Ислам: Иллюстрированная энциклопедия: Классическое издание [Текст] / Авт.сост.М.М. Магомедзоев. – М.: Эксмо, 2011. – 640 с.
44. Исламские города в русской периодической печати XIX – начала XX века [Текст] / сост. Назим Межид-ад-Дейрави; науч. консультант Г.З.Пумпян. – М.: ООО «Садра», 2015. – 304 с.
45. Ислам и средства массовой информации: Сб-к материалов [Текст] / Под ред. Кузнецовой-Моренко И.Б., Салахатдиновой Л.Н. – Казань: Казанский государственный университет им. В.И.Ульянова -Ленина, 2004.-76 с.
46. Ислам: Религия, общество, государство: Сб-к ст. [Текст] Отв. ред. П.А. Грязневич и С.М.Прозоров. – М.: Наука. ГРВЛ. 1984. – 232 с.
47. Ислам: энциклопедический словарь [Текст] / Отв. ред. С. М. Прооров. – М.: Наука, 1991. – 315 с.

48. Казаков Ю.В. На пути к профессионально правильному : Российский медиа-этнос как территория поиска [Текст] / Ю.В.Казаков. – М.: Центр прикладной этики, 2001. – 656 с.
49. Как «мусульмане» ушли с российского телевидения [Электронный ресурс] // Кавполит. URL: http://kavpolit.com/articles/malenkij_vklad_v_izmenenie_otnoshenija_k_musulmana-23029/ (дата обращения: 23.04.2016).
50. Канаков Д.В. Феномен религиозного догматизма [Текст] // Автореф. дис ... канд. филос. н.: 09.00.14 / Д.В.Канаков. – М., 2012. – 23 с.
51. Каравкин В.И. Идеальная модель культуры [Текст] / В.И.Каравкин. - М.: ОГИ, 2010. – 336 с.
52. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием [Текст] /С.Г.Кара-Мурза. – М.: Эксмо, 2006. – 832 с.
53. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе [Текст] / Пер. с англ. А Матвеева под ред. В Харитоновой / Кастельс М. – Екатеринбург: У-Фактория (При участии изд-ва Гуманитарного ун-та), 2004. – 328 с.
54. Каспэ С.И. Центры и иерархии: пространственные метафоры власти и западная политическая форма [Текст] / С.И. Кспэ. – М.: Московская школа политических исследований, 2007. – 320 с.
55. Кашинская Л., Лукина М., Реснянская Л. Религия в информационном поле российских СМИ: Сводный отчет по исследованию на факультете журналистики МГУ, сентябрь–ноябрь 2001 года. [Электронный ресурс] / Л.Кашинская, М.Лукина, Л. Реснянская. – М.: Медиасоюз, 2003 / URL: http://www.religare.ru/25_10.html
56. Ким М.Н. Технология создания журналистского произведения [Текст] / М.Н.Ким. – СПб. Изд-во Михайлова В.А., 2001. – 115 с.
57. Кому принадлежит культура? Общественные науки и перспективы исследований социокультурных перемен . Ч.1 [Текст] / Под ред. С.А. Ерофеева. – Казань: Терра-консалтинг, 1999. – 264с.
58. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс] // URL: constitution.ru/10003000/10003000-3.htm (дата обращения: 10.03.2015).
59. Коран: Перевод смыслов и комментарии [Текст] / Пер. с араб. Э.Кулиев. – М.: Умма, 2009. – 816 с.
60. Корконосенко С.Г. Основы журналистики [Текст] / С.Г.Корконосенко. -М.: Аспект Пресс, 2001. - 287с.
61. Костяев А.И. Смысловое пространство культуры: Теория, методология, практика исследования. [Текст] / А.И.Костяев. – М.: Книжный Дом ЛИБРОКОМ, 2014. – 240 с.
62. Ксенофобия, свобода совести и антиэкстремизм в России в 2013 году: Сб. ежегодных докладов Инф. аналитич. центра «СОВА» [Текст]. – М.:Центр-«Сова», 2014. – 163 с.

63. Культурологическая экспертиза. Теоретические модели и практический опыт. Коллективная монография [Текст] / Автор-сост. Н.А. Кривич, под общ ред. В.А. Рабоша, Л.В.Никифоровой, Н.А. Кривич. – СПб.: АСтерион, 2011. – 384 с.
64. Лазутина Г.В. Журналистика в жизни общества – пером теоретика и практика [Текст] / Г.В.Лазутина. – М.: Ф-т жур-ки МГУ, 2016. – 252 с.
65. Лебедева Н.М., Татарко А.Н. Ценности культуры и развитие общества. – М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2007. – 528с.
66. Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность [Текст] / А.А. Леонтьев. - М.: Просвещение, 1969. - 214 с.
67. Лотман Ю.М. Избранные статьи в трех томах. Т.1 Статьи по семиотике и типологии культуры [Текст] / Ю.М. Лотман. – Таллинн: «Александра», 1992. – 480 с.
68. Лэнгли М. Религия [Текст] / Пер.с англ. / М. Лэнгли. – Лондон, Нью-Йорк, Штутгарт, М.: Дарлинг Киндерсли, 1998. – 60 с.
69. Мавляутдинов И.С. Социальная роль ислама как фактора стабилизации общества: на примере Республики Татарстан [Текст] // Автореф. дис ... канд. социологич. н.: 22.00.04.] / И.С.Мавляутдинов . - Казань, 2007. – 24 с.
70. Майерс Д. Социальная психология [Текст] / Пер. с англ. / Д. Майерс. – СПб.: Изд-во «Питер», 2000. – 688с.
71. Мансурова В.Д . Журналистская картина мира как тип социокультурной реальности [Текст] / В.Д.Мансурова. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2002. – 275 с.
72. МакКуэйл Д. Журналистика и общество [Текст] Пер. с англ. / Д.МакКуэйл. – М.: МедиаМир; Фак-т журналистики МГУ, 2013. – 368 с.
73. Матисон Д. Медиа-дискурс. Анализ медиа-текстов [Текст] / Пер. с нагл. / Д.Матисон. – Х.: Изд-во «Гуманитарный центр» (О.В.Гритчина), 2013. – 264 с.
74. Медиа накануне постсекулярного мира. Коллективная монография [Текст] / Под ред. В.А.Сидорова. – СПб.: ИД «Петрополис», 2014. – 176 с.
75. Мельник Г.С. Медиатекст как объект лингвистических исследований [Текст] / Г.С. Мельник // Журналистский ежегодник. – Изд-во СПбГУ. - 2012. - №1. - С.27-29.
76. Мисонжников Б.Я. Феноменология текста (соотношение содержательных и формализованных структур печатного издания): Монография [Текст] / Б.Я. Мисонжников. – СПб.: Изд-во С.-Петербур.ун-та, 2001. – 490 с

77. Медиаконвергенция и «ситуация человека»: Новые вызовы, старые вопросы: Учеб. пособие [Текст] / Под ред. С.К.Шайхитдиновой. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2012. – 140 с.
78. Многоликая глобализация: Культурное разнообразие в современном мире [Текст] / Под ред П.Бергера, С.Хантингтона / Пер. с англ. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 376 с.
79. Мониторинг дискриминации и национал-экстремизма в России. Сб. докладов [Текст]. – М.: Фонд «За гражданское общество», 2005. – 364 с.
80. Мы – сограждане (СМИ и общество). Т.2 [Текст] / Под общ.ред. Л.И.Семиной. – М.: Изд-во «Бонфи», 2002. – 424 с.
81. Назаров М.М. Массовая коммуникация и общество. Введение в теорию и исследования [Текст] / М.М. Назаров. – М.: «Аванти плюс», 2003. – 428с.
82. Настольная книга по медийному саморегулированию Вып. 5. Накануне «третьей Коллегии» [Текст] / Под ред. Ю.В.Казакова, М.А. Федотова. – М.: Творческий центр ЮНЕСКО, 2015. – 329 с.
83. Настольная книга по медийному саморегулированию. Вып. 6. Москва прирастает Поволжьем. Уралом, Сибирью. Под ред. Ю.В.Казакова и М.А.Федотова. – М.: Творческий центр ЮНЕСКО, 2016.- 364с.
84. Насыров И.Р. Основания исламского мистицизма (генезис и эволюция). – М.: Языки славянских культур, 2012. – 552с.
85. Науки о культуре в перспективе «Digital Humanities»: Материалы междунар. конф. 3-5 окт. 2013. Санкт-Петербург [Текст] / Под ред. Л.В.Никифоровой, Н.В. Никифоровой. – СПб.: Астерион, 2013. – 600с.
86. Несмелова О.О., Коновалова Ж.Г. Новый журнализм: теоретические принципы и их художественное воплощение // Ученые записки Казанского университета. Т. 153. Кн. 2. 2011. - С.245-258.
87. Овруцкий Л.М. Татарский национал на rendez-vous [Текст] / Л.М. Овруцкий. – Казань: ООО «Издательский дом №13», 2006. – 342 с.
88. Основы творческой деятельности журналиста: Учеб. пособие [Текст] / Ред.- сост. С.Г. Корконосенко. – СПб.: Знание, СПБИНВЭСЭП, 2000. – 272 с.
89. Пиотровский М.Б. Пророческое движение в Аравии VII в. / Ислам: Религия, общество, государство: Сборник статей [Текст] / М.Б. Пиотровский / Отв. Ред. П.А.Грязневич и С.М.Прозоров. – М.: Наука. ГРВЛ. 1984. С.19-27.
90. Постсоветская культурная трансформация: Медиа и этничность в Татарстане 1990-х г.г. [Текст] / Под ред.С.А.Ерофеева и Л.Р.Низамовой. – Казань. Изд-во Казан. ун-та, 2001. – 292 с.

91. Прикладная конфликтология для журналистов [Текст] – М.: Права человека, 2006. – 158 с.
92. Проблематика СМИ: Информационная повестка дня [Текст] / Под ред. М.В. Шкондина, Г.С. Вычеба, Т.И. Фроловой. – М.: Аспект-Пресс, 2008. – 316 с.
93. Профессия – журналист: вызовы XXI века. Материалы международной научной конференции «Журналистика 2006» [Текст]. - М.: Ф-т жур-ки МГУ. – 342 с.
94. Прохоров Е.П. Введение в журналистику [Текст] / Е.П.Прохоров. – М.: Высш. шк., 1988. – 279 с.
95. Прохоров Ю.Е. Действительность. Текст. Дискурс: Монография [Текст] / Ю.В. Прохоров. - М.: Флинта; Наука, 2006. – 224 с.
96. Расизм и ксенофобия. Декабрь 2015. Предварительные итоги года [Электронный ресурс] // Сова: Информационно-аналитический центр. URL: <http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/publications/2015/12/d33572/> (дата обращения: 5.02.2016)
97. Расторгуев С.П. Философия информационной войны [Текст] / С.П. Расторгуев. – М.: Московский психолого-социальный институт, 2003. – 496 с.
98. Торчинов Е.А. Религии мира: опыт запредельного. Психотехника и трансперсональные состояния [Текст] / Е.А.Торчинов. – СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1998. – 384 с.
99. Собчак VS Красовский. Дорога к храму [Электронный ресурс] // Сноб / URL: https://snob.ru/selected/entry/93638#comment_786203 (дата обращения: 24.10.2015).
100. Свитич Л.Г. Феномен журнализма [Текст] / Под ред. проф. Я.Н. Засурского / Л.Г.Свитич. - М.: Факультет журналистики МГУ, 2000. 252 с.
101. Сиберт Ф.С., Шрам У., Питерсон Т. Четыре теории прессы [Текст] / Пер. с английского / Ф.С. Сиберт, У.Шрам, Т.Питерсон. - М.: Наука, 1998. – 224с.
102. Сметанина С.И. Медиа-текст в системе культуры: Динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века: Монография [Текст] / С.И. Сметанина. – СПб.: Изд-во Михайлова В.А. 2002. – 383 с.
103. Современная журналистика: дискурс профессиональной культуры: Тематический сб. статей и м-лов [Текст] / Под ред. В.Ф. Олешко. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, Изд. Дом «Филантроп», 2005. – 320 с.
104. Современный медиатекст [Текст] / Отв. Ред. Н.А.Кузьмина. – М.: Флинта, 2014. – 416 с.

105. Солганик Г.Я. К определению понятий «текст» и «медiateкст» [Текст] / Г.Я. Солганик // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2005. - № 2. – С.7-15.
106. Солги Хусейн. Сущность религии в интерпретации современных западных и мусульманских философов [Текст] / Автореф. дис. ... канд. филос. н.: 09.00.14 / Хусейн Солги. – Душанбе, 2014. – 22 с.
107. Социальная и культурная дистанции. Опыт многонациональной России [Текст]. – М.: Изд-во Института социологии РАН, 1998. – 388с.
108. Стюфляева М.И. Образные ресурсы публицистики [Текст] / М.И. Стюфляева. - М.: Мысль, 1982. – 175 с.
109. Социальная и культурная дистанции. Опыт многонациональной России [Текст]. – М.: Изд-во Института социологии РАН, 1998. - 388с.
110. Суворов М. А. Механизмы и агенты манипуляции религиозным сознанием в современном российском обществе [Текст] / Автореф. дис....канд. филос. н.: 09.00.14 / М.А.Суворов. – Чита, 2015. – 25 с.
111. Тертычный А.А. Жанры периодической печати: Учеб.пособие [Текст] / А.А.Тертычный. - М.: Аспект Пресс, 2000. – 312 с.
112. Тузиков А.Р Идеология в теоретическом измерении: между прошлым и будущим. – М.: Социально-гуманитарные знания, 2005. – 360с.
113. Ученова В.В. У истоков публицистики: Монография [Текст] / В.В.Ученова. - М.: Изд-во МГУ, 1989. – 214 с.
114. Ученова В.В., Шомова С.А. Полифония текстов в культуре: Монография [Текст] / В.В.Ученова, С.А.Шомова. – М.: Омега-Л, ИМПЭ им. А.С. Грибоедова, 2003. – 392 с.
115. Чепкина Э.В. Русский журналистский дискурс: текстопорождающие практики и коды (1995-2000): Монография [Текст] / Э.В.Чепкина. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. – 279 с.
116. Черепанов М.С. Тайнства мастерства публициста: Монография [Текст] / М.С.Черепанов. – М.: Мысль, 1984. – 150 с.
117. Шостак М.И. Журналист и его произведение: Учеб.пособие [Текст] / М.И. Шостак. – М.: ТОО «Гендальф», 1998. – 96 с.
118. Файзуллина О.Р. Творчество Хантера Стоктона Томпсона в контексте художественно-документальной традиции литературы США. Канд. дис. Казань, 2016. – 148с.
119. Фаткуллина Ф.Г., Хабиров Р.Р. Медiateкст в современном коммуникативном пространстве [Электронный ресурс] / Ф.Г.Фаткуллина, Р.Р.Хабиров // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1-1.
URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=18258> (дата обращения: 24.05.2016).

120. Фаттахов И.Ф. Освещение духовной жизни в светских и мусульманских СМИ РТ // Геополитика и экономическая динамика Евразии: история, современность, перспективы: Материалы II Евразийского научного форума (КГУ, 1–3 июля 2009 г.) [Текст] / И.Ф.Фаттахов. – Казань.: Изд-во Казанского ун-та, 2009. – С. 202–206
121. Фаттахов И. Религиозная тематика в светских и мусульманских СМИ Татарстана // Современное коммуникативное пространство журналистской науки, практики и образования. Вызовы нового тысячелетия: Сб. науч. ст. [Текст] / Под ред. В.З. Гарифуллина, Е.С. Дорожук / И.Ф.Фаттахов. – Казань: Казан. ун-т, 2011. – Вып. 4. – С. 185-192.
122. Филь М.С. Социальные сети: Новые технологии управления миром [Текст] / М.С.Филь. – М.: Московский финансовый промышленный университет «Синергия», 2016. – 192 с.
123. Фомичева И.Д. Социология СМИ. Учеб.пособие для студентов вузов [Текст] / И.Д.Фомичева. – М.: Аспект Пресс, 2007. – 335с.
124. Фролова Т.И. Гуманитарная повестка российских СМИ. Журналистика, человек, общество [Текст] / Т.И.Фролова. – М.: МедиаМир, 2014. 352 с.
125. Фролова Т.И. Человек и его мир в информационной повестке дня. Гуманитарные технологии в журналистике [Текст] / Т.И.Фролова. – М.: АСИ, 2009. – 288 с.
126. Хисматуллин А.А. Суфизм [Текст] / А.А.Хисматуллин. – СПб.: Издательский дом «Азбука-классика»; «Петербургское востоковедение», 2008. – 192 с.
127. Чепкина Э.В. Русский журналистский дискурс: Текстопорождающие практики и коды: Монография. Екатеринбург, 2000. 280с.
128. Черепанов М.С. Таинства мастерства публициста: Монография [Текст] / М.С.Черепанов – М.: Мысль, 1984. – 303 с.
129. Чернявская В.Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность: Учебное пособие [Текст] / В.Е.Чернявская. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. — 248 с.
130. Чичерина Н.В. Типология медиатекстов как основа формирования медиаграмотности [Текст]/ Н.В.Чичерина // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.2007. №47. Т.9. С.159-166.
131. Шайхитдинов Т.В., Туманов Д.В. Язык вражды в медиатекстах об исламе [Текст] / Т.В.Шайхитдинов, Д.В. Туманов // Сборник научных статей Казанского федерального университета 2013 года. – Казань: Казанский ун-т, 2013. – С.45-47.

132. Шайхитдинов Т.В. Религия в публичном дискурсе: культурная и идеологическая репрезентация (на примере ислама) [Текст] / Т.В.Шайхитдинов // Гуманизм и современность: Материалы Международной научно-образовательной конференции. Казань, КФУ. 8-9 ноября 2013 года. – Казань, 2013. – С. 423-429.
133. Шайхитдинов Т.В. Коммуникативные стратегии в публичном дискурсе [Текст] / Т.В.Шайхитдинов // Информационное поле современной России: практики и эффекты: Материалы международной научно-практической конференции. Казань, КФУ. 16–18 октября 2014 года. – Казань, 2014. – С 368-371.
134. Шайхитдинов Т.В. Эволюция коммуникативной матрицы: от произведения к медиатексту [Текст] / Т.В.Шайхитдинов // Вестник ЧелГУ. Филология искусствоведение. – №5. – 2015. – С.279 – 285.
135. Шайхитдинов Т.В. Тема религии в контексте нормативных теорий прессы [Текст] / Т.В.Шайхитдинов // Ученые записки Казан. университета. - Сер. Гуманит. науки. – 2015. – Т. 157, кн. 5. – С.127-135.
136. Шайхитдинов Т.В. Псевдорелигиозная пропаганда: запугать и привлечь [Текст] / Т.В.Шайхитдинов / Информационное поле современной России: практики и эффекты: Сб. материалов. Двенадцатой Международной научно-практической конференции 15-17 октября 2015 года / под ред. Р.П. Баканова. – Казань: Казан. ун-т, 2015. – С. 360-364.
137. Шайхитдинов Т.В. Сфера риска в освещении темы религии [Текст] / Т.В.Шайхитдинов // Вестник экономики, права и социологии. – 2016. – №1. – С.314-316.
138. Шайхитдинова С.К. Информационное общество и «ситуация человека»: Эволюция феномена отчуждения [Текст] / С.К.Шайхитдинова. – Казань: Изд-во Казанского ун-та. 308 с.
139. Шайхитдинова С.К. Медиаэтика [Текст] / С.К.Шайхитдинова. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2007. – 78 с.
140. Шайхитдинова С.К. Нормативные концепции СМИ в ситуации конфликта [Текст] / С.К.Шайхитдинова // Кому принадлежит культура? Общественные науки и перспективы исследований социокультурных перемен. Ч.1 / Под ред. С.А. Ерофеева. – Казань: Терра-консалтинг, 1999. – С.227-241.
141. Шайхитдинова С.К. Экспертиза текстов массовой коммуникации [Текст] / С.К.Шайхитдинова. – Казань: Издательский центр Казанского государственного ун-та, 1999. – 36 с.
142. Шатунова Т.М. Социальный смысл онтологии эстетического (Опыт оправдания красотой) [Текст] / Т.М.Шатунова. - Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2007. – 154с.

143. Шостаk М.И. Журналист и его произведение [Текст] / М.И.Шостаk. – М.: Гендальф, 1998. – 285с.
 144. Экранная культура. Теоретические проблемы. Сб. ст. [Текст] / Отв. ред. К.Э. Разлогов. – СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2012. – 752 с.
 145. Язык. Познание. Коммуникация: Пер.с англ. / Т.А. ван Дейк / Сост. В.В.Петрова. Под ред. Герасимова. – М.: Прогресс, 1989. – 312с.
 146. Язык СМИ и политика [Текст] / Под ред. Г.Я.Солганика. – М.: Изд-во МГУ, 2012. – 952 с.
 147. Якупов И.Т. Социокультурное содержание ислама в современных условиях [Электронный ресурс] / И.Т.Якупов // Автореф. дисс. ... д.филол. н. : 09.00.11. Уфа, 2011 // URL: <http://cheloveknauka.com/sotsiokulturnoe-soderzhanie-islama-v-sovremennyh-usloviyah> (дата обращения: 15.04.2015).
 148. Ястребов А.Л., Кургузов А.В., Мурзак И.И. Измерения культуры. Текст: теория, история, опыт чтения [Текст] /А.Л. Ястребов, А.В. Кургузов, И.И. Мурзак. – М.: ЛЕНАНД, 2015. – 312 с.
 149. Низамов И.М. Нәфис сүз осталыгы: риторикадан уку-укыту кулланмасы [Текст] / И.М. Низамов. – Казан: Казан ун-ты, 2013. – 280 б.
 150. Фәттахов И.Ф. Асылыбызга кайту [Текст] / И.Ф. Фаттахов // VIII Кулаткы укулары: «Асылыбызга кайтабыз» төбәкара фәнни-гамәли конференциясе материаллары (Иске Кулаткы бистәсе, 2013 елның 7 апреле) / И.Ф.Фәттахов редакциясендә. – Казан: Ислам динен кабул итүгә 1000 ел исемендәге Казан югары мөселман мәдрәсәсе, 2013. – 33-37 б.
 151. Curran J., Seaton J. Power without Responsibility. The press and Broadcasting in Britain.– London: Routledge, 1991. – 427 p.
 152. Garifullin V., Sabirova L. Place of Internet Resources in the System of Islamic Mass Media in Russia // World Applied Sciences Journal. – 30 (12): 1808-1810, 2014.
 153. Islam and Modernity / Edited by John Cooper, Ronald L. Nettle and Mohamed Mahmoud. – London, New York: I.B. Tauris Publishers, 1998. – 221 p.
 154. Oswell D. Culture and Society. – London, New Delhi: SAGE Publications Ltd, 2006. – 246 p.
 155. Rodman G. Mass Media in a Changing World. – New York: McGraw-Hill. 2004. – 589 p.
-

Научное издание

Серия
«“Ситуация человека” в пространстве коммуникаций»

Шайхитдинов Тимур Витальевич
Шайхитдинова Светлана Каимовна

МЕДИАТЕКСТЫ ОБ ИСЛАМЕ
«НОВЫЙ ЖУРНАЛИЗМ»
VS
СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Книга 1

Оригинал-макет
С.К. Шайхитдиновой

Художник
Н.Т. Хазиахметов

Дизайн обложки
М.А. Ахметова,
С.К. Шайхитдиновой

Подписано в печать 25.04.2018.
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Формат 60x84 1/16. Гарнитура «Times New Roman». Усл. печ. л. 12,5.
Уч.-изд. л. 8,25. Тираж 300 экз. Заказ 295/4

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии Издательства Казанского университета

420008, г. Казань, ул. Профессора Нужи́на, 1/37
тел. (843) 233-73-59, 233-73-28

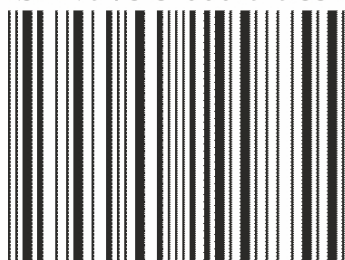


Шайхитдинова Светлана Каимовна
Профессор, доктор философских наук,
зав.кафедрой журналистики
Казанского (Приволжского) федерального
университета. Эксперт Общественной
коллегии по жалобам на прессу (Москва).
Область научных интересов:
медиакультура, медиаэтика,
информационные споры в сфере
массовых коммуникаций.

Шайхитдинов Тимур Витальевич
Кандидат филологических наук,
ассистент кафедры журналистики
Казанского (Приволжского) федерального
университета. Область научных интересов:
коммуникативные стратегии,
информационная война,
медiateксты об исламе,
новые медиа.



ISBN 978-5-00019-985-5



9 785000 199855 >